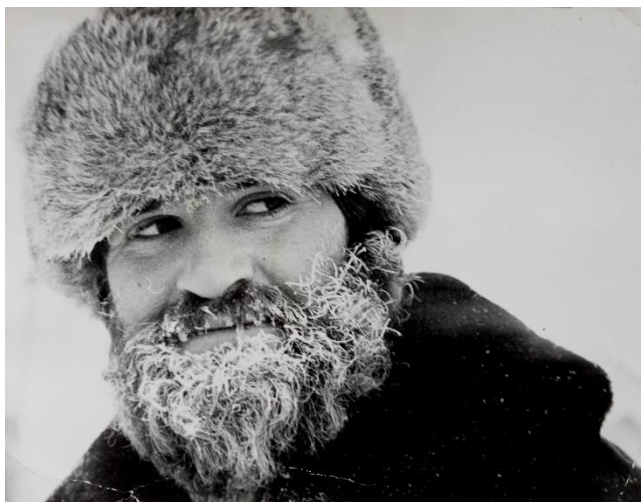

Евгений Александрович Батурин, родился в Приморском крае в 1955 году; юность провел в г. Находка. В 1973 году поступил в Ленинграде на Арктический факультет ЛВИМУ имени адмирала С.О. Макарова (специальность — инженер-гидрограф). В период обучения проходил

производственную практику в 1975 году в качестве техника-гидрографа в в/ч г. Ломоносов, где участвовал в проведении прибрежного катерного промера в Эстонии. В 1977 году работал техником-гидрографом на ледоколе «Георгий Седов» КАГЭ-4 ГП ММФ и участвовал в проведении промерных работ в Беринговом, Чукотском и в качестве техника-навигатора на борту НИС «Искатель» участвовал в поисках нефти на Сахалинском шельфе и обнаружении Чайвинского месторождения. После окончания ЛВИМУ в 1979 году работал по распределению инженером лоцмейстерского отряда на Енисее в Игарской гидрографической базе ГП ММФ. В настоящее время пенсионер. Фото 1980 года.

Меж Игаркой и Сопочной Каргой Записки енисейского лоцмейстера

Содержание

Клопы не пахнут коньяком
Брат известного писателя
Операция «Мирный атом»
Плоды казачьих блужданий
Ионесси
О нас и логгерах
Про бесстрашного геодезиста
О вреде огнестрельного оружия
Где не ступала нога человека
Лоцмейстерские хлопоты
Леонид Федорыч
Нам по плечу ломать и бревна
Радиоизотопная батарейка
О бледнолицых самоедах
Жидкое золото Заполярья
О Богах, героях и начальстве
О молодом задоре и веселой глупости
О маяках и знаках
Как носить на руках вездеход
Заполярные Чингачуки
О заполярном гнезде прибалтийских айзсаргов и заполярных коровах
Карлович
Чуки-пуки и енисейская яичница
И кто нарушил равновесие?
Обменный фонд
О вреде протирания спиртом контактов маячного оборудования
Горячий машинист полярного коня
Лучшее средство в борьбе с пьянством
Круизный лайнер «Антон Чехов»
О мародерах
Диспут
Боцманский наезд
Банкет с проводами
ЧП
Охота на диких северных оленей
Танцы на льду и подо льдом
Конец Игарского карате
На высоте Игарки над уровнем Мирового океана
Кровь из носа
Большой морской буй
Ножи и обереги
Настоящие матросы под дождем не мокнут
Примечания

Евгений Батурин

Памяти друга Иванова Владимира Юрьевича, подарившего Заполярье 38 лет своей жизни.

Меж Игаркой и Сопочной Каргой Записки енисейского лоцмейстера

«Ух, ты! Мы вышли из бухты.
А впереди — наш друг, океан...»
Гальцев Ю.Н.

Клопы не пахнут коньяком

С Вовкой я познакомился в первый день прибытия в Игарку. Даже вернее будет сказать, в первую ночь после прибытия. Сейчас уж и не упомяну, какого числа это было точно, но то, что была вторая половина июня в интервале от пятнадцатого до двадцатого. Интервал запомнил потому, что на Енисее в мой приезд льда уже не было, ну, во всяком случае, в Игарской протоке он отсутствовал.

Можно было бы, конечно, начать более торжественно и напыщенно, к примеру, так: «В год 7488 от сотворения Мира в лето Звездного Храма, в которое наши предки одержали великую победу над Аримией, страной дракона...» Но стоит ли пыжиться? Ничего особо выдающегося в лето 7488 от сотворения Мира не произошло. Вернее, происходило, конечно же, но так как-то все больше по мелочам.

Ну получил я в этом году после окончания ЛВИМУ диплом о высшем образовании по специальности «Инженер-гидрограф» и распределение в город Игарку. Ну, была эта пятидесятая годовщина с момента образования города в 1929 году. Прямо скажем события однозначно не эпохальные. И я отнюдь не голубых кровей, и персона моя далеко не первой величины, да и Игарка не столица нашей Родины могучей, однако. Одна тысяча девятьсот двадцать девять (год образования города Игарки) плюсуем к нему пятьдесят юбилейных лет, и получается ровно тысяча девятьсот семьдесят девятый год — вот так и запомнилось.

Так что в июне 1979 года на празднование пятидесятой годовщины прилетели именитые гости из краевого центра Красноярска и из столицы нашей Родины Москвы, а также знаменитые уроженцы Игарки и другие причастные к сему грандиозному событию лица. Ну и я со своим семейством как-то так вот совпал с именитыми гостями, скорее даже непроизвольно, волею судеб, затесался в один самолет с этой компанией значимых для Игарки людей.

Сразу-то я этого, конечно, не понял. Летел со мной самолетом какой-то народ, мужики, однако, ну и дамы при них были. Обычные мужики, с животиками, и обычные дамы в зрелом возрасте. Куда же мужикам без дам? Это потом уж по Игарской радиовещательной сети объявили, что мы прибыли. В смысле, они торжественно прибыли.

Меня, разумеется, не упоминали, а вот про писателя-фронтовика Виктора Астафьева я услышал. Называли еще какие-то фамилии очень важных персон, но кроме Астафьева в моей памяти как-то никто более не отложился. А может, и не отложились оттого, что и персоны-то были не дюже важные. Ну уж это не в обиду упомянутым персонам.

Кто и как встречал важных персон, прибывших на празднование годовщины, я не понял. Да и не интересно мне это было. Меня встретили парни с Игарской гидробазы Гидрографического предприятия ММФ, мои нынешние коллеги-гидрографы. Кое-кого из них я помнил еще по учебе в «Макаровке», просто они на один-два года раньше меня закончили учебу.

Игарская гидрографическая база Гидрографического предприятия Министерства морского флота была образована в 1957. Точненко в то самое время, когда мне, будущему ее работнику, исполнилось целых два годика. Но еще двадцать два годика с той поры ни я, ни Игарская гидробаза абсолютно не ведали о существовании друг друга. Скользили себе в параллельных реальностях, не соприкасаясь. Ни сном ни духом, как говорится.

Самолет приземлился в аэропорту, расположенном на острове Игарский. Здание аэропорта было построено из дерева в стиле советской архитектуры тридцатых годов. Даже запах в нем был какой-то особенный, чем-то схожий с музейным духом. Правда, толком осмотреться в аэропорту я не успел: прямо на выходе нас и наши чемоданы подхватили парни с гидробазы. Начальство сразило меня наповал своей заботой — прислало катер и парней исключительно по мою душу, дабы весь мой семейный скарб без проблем перетаскать в катер.

Все время, пока мои чемоданы перекочевывали на катер, я чувствовал себя по меньшей мере адмиралом, и не абы каким, а как минимум командующим Краснознаменным Северным военно-морским флотом. Знают мои новые начальники, от чего может воспарить над обыденностью душа молодого специалиста, выпускника «Макаровки».

Никто до них ранее отчего-то не почитал нормальным явлением посылать по мою душу катера. Я и Игарская гидробаза наконец-то возымели возможность пересечься и познакомиться поближе, лицом к лицу.

Напрягаться с барахлом не пришлось, поскольку набралось его не дюже много, всего лишь на пару небольших чемоданов. Да и то чемоданы были забиты в основном вещичками жены. Я вроде как ничем путным пока что не разжился. Форменные брюки, тельняшки, суконки, бушлат, ботиночки казенные — все больше по мелочи.

Был еще старенький водолазный свитер из колючей верблюжьей шерсти - подарок маминого брата Виктора Строкова, моториста с тунцеловной базы «Светлый луч», царство ему небесное. Виктор с моего детсадовского возраста был мне лучшим другом, несмотря на разницу в возрасте в двадцать два года. Три года назад моего лучшего друга не стало, совсем, навсегда и бесповоротно. Потому свитер этот всегда со мной — о многом напоминает.

Там же в чемодане пребывали мои единственные, наимоднейшие на тот момент джинсы Рэнглер, стоимостью в две месячных зарплаты моей мамы-бухгалтера — вот и весь мой гардероб. Джинсы были приобретены не на мамины зарплаты, естественно. Штаны мои наимоднейшие, забугорные стали итогом моей преддипломной практики на острове Сахалин. Искали мы совместно с коллегами нефть на шельфе Японского и Охотского морей. Искали и нашли-таки, как это ни удивительно. Вернее, искали парни геофизики из «Южморгео», а мы им обеспечивали привязку изысканий по месту в качестве техников-навигаторов. Как вспомню, сколько мне платили в качестве техника-навигатора научно-исследовательского судна «Искатель», так вздрогну.

В Игарке зарплату такого размера выдают сразу на двух инженеров-гидрографов, с учетом всех возможных полярных надбавок. Ну да ладно, не затем меня шесть лет учили, одевали и кормили бесплатно, за счет государства, чтобы еще и зарплату мне неподъемную платить. Да и поисками нефти я тут точно заниматься не буду.

Парни доставили меня катером пред глаза высокого начальства. Доложился я о прибытии для дальнейшего прохождения службы. Надо отдать должное, приняли меня неимоверно тепло, в лучших традициях заполярного гостеприимства. Банкета по поводу моего прибытия, конечно, не было, да я, собственно, и не надеялся и губу в связи с этим не раскатывал. Начальники мне понравились, несмотря на то что я пока толком не разобрался, кто из них есть кто и в каком ранге пребывает.

В конечном итоге выделили мне служебный «уазик-буханку» для поездки к месту нового жительства, вручили два ключика и бумажечку с двумя адресами. Напутствовали добрыми пожеланиями и оповестили, что служебную квартиру я могу выбрать на свое усмотрение из двух предложенных вариантов.

Да, забыл пояснить, однокашник мой Олежка Котов, также распределившийся в Игарку, прибыл на пару дней ранее меня, и определили его в гидрографическую промерную партию. Меня, как припоздавшего к дележу хлебных должностей, определили на имеющуюся в остатке должность инженера лоцмейстерского отряда. Вот так вот совершенно нежданно-негаданно я и стал бравым

енисейским лоцмейстером. Насколько бравым, предстояло выяснить в будущем. Все, что ни делается, всё к лучшему — древнейшая из истин.

Два дня предоставили мне на обустройство личной жизни, а в понедельник, помнится, восемнадцатого июня, от меня ожидают, что я со всем своим рвением молодого специалиста примусь неустрашимо и напористо делать нашу трудную, но весьма почетную лоцмейстерскую работу.

Несмотря на долгое шестилетнее обучение, имел я о лоцмейстерской работе весьма смутное представление. В ЛВИМУ имени адмирала С. О. Макарова преподавали топографию, высшую геодезию, способ наименьших квадратов, гидрографию, теорию устройства судна, минно-торпедное дело, марксистско-ленинскую философию, навигацию, политэкономии и, конечно же, столь необходимый моряку научный коммунизм. По чести сказать, на различные «измы» уходило минимум пятая часть учебного времени.

Однако за фразой «лоцмейстерская работа» в моей голове была абсолютная пустота. Во всяком случае, если и не абсолютная, именуемая вакуумом, то основательно затянутая густым туманом. Ну не планировали мы — ни я, ни мои преподаватели, что Фортуна развернется ко мне именно лоцмейстерским боком, если не сказать грубее.

А грубее звучало бы так: «*Fortuna — non penis, in manus non recipere*». Выражение сие вульгарная военно-морская латынь. Дословно произносится так: «Фортуна нон пенис, ин манус, нон рецепи». Боевой клич отчаянных манипуляриев, из которых состояли абордажные команды императорского флота Рима. Одно слово — морская пехота!

Перевод мне, как правильно воспитанному молодому специалисту, к сожалению, неизвестен. Впрочем, кому интересно, тот разберется самостоятельно. Да, насчет аббревиатуры ЛВИМУ, я как-то упустил из виду, что подавляющая часть населения СССР абсолютно не в курсе, что это за контора такая. Контору эту в своей среде называют еще «Системой» либо «Макаровкой». Так что, дабы сомнений не было, поясняю: это Ленинградское Ордена Октябрьской революции высшее инженерное морское училище имени адмирала С. О. Макарова.

На мой взгляд, сердце этой «Системы» и есть наш Арктический факультет. Судоводителей, судомехаников, радиоспециалистов производят на белый свет великое множество морских училищ от Ленинграда до Владивостока. А будущих полярников «рожает в муках» лишь «Макаровка». Это просто для сведения, чтобы вопросов в перспективе не возникало.

Много лет спустя после описываемых событий однокашник мой Саня Краснов высказал замечательную мысль. Причем Саня лично таскал на руках газовые баллоны, электробатареи и гусеничные вездеходы в бытность свою инженером-гидрографом «на все руки» в Провиденской гидробазе на Чукотке. Это я к тому, что парень знает, о чем говорит.

Состояла мысль сия глубокая в том, что нам не рассказывали ничего толком о лоцмейстерских работах преднамеренно: дабы мы уже на первом курсе не разбежались из родной альма матер куда глаза глядят, на все четыре стороны. В этой мысли есть своя сермяжная правда, как и в каждой шутке есть только доля шутки. Быть лоцмейстером, скажу вам, далеко не самое легкое занятие в мире.

Хотя лично я до сей поры как-то не совсем уверен, что в этом виноваты мои преподаватели. Допускаю, что всё, что касалось дел лоцмейстерских, я *протабанил* со свойственной мне беззаботностью в самоходах через забор родной «Системы» по театрам, Мюзик-холлам, ленинградским девчонкам и пивным барам.

Полагаю, что все что ни делается в этом мире, — всё к лучшему. В противном случае мне и вспомнить об учебе было бы нечего. А по поводу сути лоцмейстерских работ, меня на гидробазе впоследствии натаскали так, что куда там ленинградским профессорам и доцентам. Им такое и не снилось, поскольку голимые теоретики они в делах наших лоцмейстерских.

Со всей ясностью мне стало понятно, что с понедельника начальство прикажет, по крайней мере, на время забыть все, чему меня учили до сей поры, и примутся за мое обучение заново, с чистого листа. Собственно, именно так в дальнейшем всё и вышло.

На бумажечке, врученной мне начальством, как помнится, были адреса: дом десять, квартира один и дом пять, квартира два на улице Таежной. Не очень уверен в собственной точности, но как-то вот так. Обе квартиры находились в пятидесяти метрах одна от другой. Парни выгрузили меня с

женой и чемоданами у дома десять по улице Таежной и сами отбыли восвояси по рабочим местам, в силу того что рабочий день был в самом разгаре.

И пошли мы прикидывать, что за хоромы нам выделило начальство для проживания в сём суровом заполярном крае. Терем был двухэтажный, бревенчатый, два подъезда на восемь квартир — типовой проект.

Такие домишки после Великой Отечественной войны по всему Союзу строили исключительно военнопленные немцы либо, как вариант, в Сибири и на Дальнем Востоке - военнопленные японцы.

Судя по удаленности Игарки от западных границ Советского Союза, в данном конкретном случае, думается мне, это были все-таки пленные японцы. Такие же домишки, помнится мне, в моем родном городе Находке строили пленные японские самураи.

Хотя вряд ли они были истинными самураями, поскольку растеряли свой самурайский дух на полях сражений. И, как следствие, оказались неспособными с честью совершить харакири с разбрасыванием собственного кишечника прямо на поле брани.

Самых японских самураев лицезреть мне не привелось, в силу малого возраста, поскольку отпустили их по домам как раз в год моего рождения. Отпустили, естественно, не всех, кое-кого оставили в находкинской земле, похоронив на японском военном кладбище, между вторым и третьим участками, сразу за домишками, построенными этими ненастоящими самураями.

Я им сочувствую, бедолаги, они и есть бедолаги. По большому счету, если и есть у них претензии, то предъявить их стоит в первую голову сто двадцать четвертому императору Японии и Генералиссимусу японских войск Хирохито. Сидели бы тихо на своих островах и были бы в полном порядке.

В детстве я с пацанами любил бегать туда во время приезда официальных японских делегаций, возлагавших цветы на могилы павших на чужбине воинов Страны восходящего солнца. По мне, хоть они и не были настоящими самураями, но воинами таки были однозначно.

Члены японских делегаций отчего-то самозабвенно любили фотографироваться с нами, находкинскими маленькими пацанчиками. Видимо, их привлекали пилотки на наших стриженных под ноль головах, свернутые из газеты «Правда», с октябрятской звездочкой надо лбом. Не исключено, что и кирзовые сапоги, изгвазданные находкинской глиной, не оставляли их равнодушными.

А может, дело было в куртках «мэйд ин джапан» на наших плечах, привозимых папами - рыбаками океанического лова с островов Хоккайдо, Кюсю, Сикоку, Хонсю. Причем из-под курток этих задорно топорщились наши алые пионерские галстуки.

Лучшей рекламы японской продукции было просто не придумать. Допускаю, что моя счастливая физиономия в тот период вполне могла красоваться на рекламных щитах где-нибудь в Токио, Осаке или Фукуоке.

В конце фотосессии серьезные японские мужчины с военной выправкой и манерами полковников, а возможно и генералов японской императорской армии, а также дамы в непередаваемо красочных кимоно всегда одаривали нас замечательными японскими жевательными резинками, пахнущими загадочным, незнакомым нам миром страны Ниппон. Мужчины, все без исключения, видимо по привычке, держали левые руки вдоль шва брюк таким образом, словно они придерживали кистями рук самурайские катаны.

Прекрасное было время, хотя жвачки здесь были вовсе ни при чём. Просто душа пела от тайги, от моря, от друзей и девчонок, подружек школьных, от мамы и папы, да просто от прекрасной тогдашней жизни. Впрочем, жизнь и сейчас замечательная. А душа по-прежнему поет всё те же счастливые песни.

Бревна терема, возведенного силами слабых духом самураев на улице Таежной, 10, под жгучими полярными ветрами за прошедшие с тех пор три десятилетия уже успели почернеть. Выделили мне как молодому специалисту комнату в коммунальной квартире метров двенадцать квадратных, ориентировочно — врать не буду, поскольку не заморачивался с замерами.

Насчет самураев это только мои предположения. Вполне возможно, что строили бревенчатые домишки на улице Таежной вовсе не японские парни, которые вульгарно предпочли плен исполнению харакири на собственных внутренностях самурайской катаной.

И даже, возможно, домики эти не были делом рук военнопленных немцев. А горбатились над ними наши родные отечественные зэки, а то и вовсе осужденные за предательство социалистической Родины — полицаи с временно оккупированных вермахтом территорий.

Когда мы прибыли к выделенному нам жилищу, из комнаты в грузовую машину выносили последние вещички старые жильцы со счастливыми улыбками на лицах. Выяснилось, что люди эти счастливые получили квартиру в большом и красивом пятиэтажном доме в жилом микрорайоне практически напротив территории гидробазы, в двух минутах ходьбы пешим манером.

Наблюдал я данный микрорайон с территории гидробазы по приезде и даже, не скрою, тешил себя слабой надеждой, что служебную квартиру мне выделят в одном из этих красивых домов, да с теплым клозетом в придачу. Еще точно не знаю, но гипотетически предполагаю, что теплый клозет в этих заполярных широтах вещь исключительно важная и жизненно необходимая. Но, увы, затаенные мечты о теплом белого фаянса клозете, к великому моему сожалению, не сбылись, разбитые вдребезги суровыми реалиями жизни. Унитаз белого фаянса придется зарабатывать долгим и упорным лоцмейстерским трудом. Такова не прикрытая сусальным золотом правда заполярной жизни.

Жильцы, в спешке покидая свое старое гнездышко, с барского плеча оставили нам две казенные железные кровати, в точности таких, на каких я в течение шести лет наслаждался казарменным сном в курсантском кубрике. Других жильцов в квартире не было. Видимо, начальство намеревалось осчастливить соседями несколько позднее. Или не намеревалось. Не могу утверждать точно.

Кроме того, в качестве дополнительного бонуса нам был оставлен раскладной диван, к сожалению, не первой молодости, но все еще, как мне показалось, способный с честью выдержать все перипетии трудной диванной жизни в условиях предстоящей полярной ночи.

Альтернатива была налицо: две сдвинутые курсантские кровати с панцирными сетками или выдавший виды диван в качестве лежбища для боевого, надеюсь, лоцмейстера.

Потом я выбрался на разведку, нашел изрядно натопанную боевую тропу, ведущую к продуктовому магазину, и оценил ассортимент имеющихся в наличии товаров. Он был не совсем привычный, если выразаться не очень резко: море рыбных консервов, хлеб, водка, спирт питьевой 96%, ну и разное всякое по мелочи (мочалки, ведра, тазики, сапоги и коврики резиновые).

Время за хлопотами бежало «вприпрыжку», и, когда около ноля часов мы уже было собрались укладываться по команде «отбой», я обратил внимание, что за окном-то ночи никакой вовсе и нет. Причем нет от слова «абсолютно». А есть просто полярный день. И в небе над Игаркой, растопырив наглые очи, беззастенчиво, как в обычный ясный день, светит вполне яркое и весьма желтое полярное солнышко.

Дико мне как-то стало укладываться спать при таком ярком освещении. Жена, застелив постель, умотанная перелетом, новыми впечатлениями, улеглась таки на подаренный игарскими ветеранами диван. Я же, выудив из кармана пачку «Беломорканала» и спички, подался на улицу подышать перед сном свежим папиросным дымком производства Ленинградской табачной фабрики имени Председателя Петроградской ЧК товарища Моисея Соломоновича Урицкого.

Солнце, светло, можно сказать, почти тепло, и ни единой души на улице. Улицу не напрасно Таежной называют — через три дома в конце улицы и была самая настоящая тайга. Маленькая такая, не дюже высокая, в три моих роста, не очень густая, но однозначно-таки тайга. От нее и пахло точно так же, как и во взрослой тайге. А уж как в ней пахнет, я вполне представляю.

Кроме того, в этом я был уверен абсолютно, в противном случае с какой стати улицу назвали Таежной. Это не смешно называть улицу Таежной в отсутствие тайги. Так же не смешно, как назвать улицу Каракумской в отсутствие поблизости пустыни Кара-Кум. Ну, совсем не смешно!

Выкурил я одну папироску, за ней не спехом вторую такую же. И снизошло на меня такое полярное умиротворение от полярного дня, ветерка, напоенного настоящими запахами полярной тайги, и полной тишины у нашего нового дома, на нашей новой и уже такой родной Таежной улице. Сегодня у меня начиналась абсолютно новая полярная жизнь вполне героического, надеюсь, енисейского лоцмейстера.

Спустя десять минут я устроился на диване под простыней и почти отъехал в царство Морфея. Почти, потому что, уже задремывая, почувствовал какие-то касания на своем лице ниже бровей и выше бороды. Словно паутинка под ветром лица касается, или, как в детстве, крупинки

несгоревшего угля из паровозного дыма в лицо сеются. Смахнул я с лица несгоревшие паровозные «мурашки» и открыл глаза.

Кстати, бороду я начал отпускать сразу после того, как получил диплом инженера-гидрографа и поменял курсантскую форму на обычную гражданскую одежду. Чтобы понятно было: борода мне нужна для солидности. Все-таки мои двадцать три года на моем румянном личике прямо-таки нарисованы, а под бородой, была надежда, они не будут сильно топорщиться и лезть наружу в глаза окружающим гражданам.

Раньше я никогда не видел этих «животных» в натуре, в условиях дикой природы. Да и в зоопарках их не содержат и в цирках не показывают. Только в книжках читал про них мимоходом при описании боевого прошлого нашей Родины. И вот угораздило меня лицезреть их в натуре во всей первозданной, дикой и яростной красе. Зрелище, скажу я вам, чрезвычайно завораживающее. Одеядо в белом пододеяльнике на мне было усыпано красными пятнышками размером чуть менее семечки. Точки эти красные неторопливо, но до жути неотвратимо ползли к моему лицу.

Одновременно было видно, как на одеядо с потолка падают новые красные пятнышки. Другие, точно такие же, этак напористо и браво лезут из подаренного нам дивана и направляются опять-таки прямо ко мне.

И тут я понял, что идут они ко мне вовсе не просто так, абсолютно не из их собственного дурацкого любопытства. Они идут ко мне, потому что явно намерены сегодня мною поужинать. Причем цель у них - нажраться мною всем скопом сразу, до отвала и не соблюдая очередности.

Больше всего в жизни я боюсь ядовитых змей, на втором месте за ними тараканы, сколопендры и сельпуги, а на третьем месте раньше всегда был мой ротный командир Голицын Альберт Сергеевич. Альберта Сергеевича я не то чтобы боялся, но побаивался точно. В прошлом выпускник Тбилисского нахимовского училища, а позже Ленинградского военно-морского имени Михаила Васильевича Фрунзе. Ныне капитан третьего ранга — сто двадцать килограммов живого веса. Такой воспитатель в педагогических целях по шее лапой мазнет — не сразу очухаешься. Кабы не было за что получать по шее, я бы и не побаивался, но было, однако, ох, и было за что. Но это было, пока я учился в «Макаровке». Теперь же Альберт Сергеевич остался в городе Ленинграде — воспитывает вновь принятых на Арктический факультет разгильдяев первокурсников. Теперь на третье место в списке моих личных фобий уверенной походкой беззастенчиво выползли жирные, красные и, по всей видимости, довольно голодные клопы. Гроза моряков - белая и тигровая акулы - нервно курят, завидуя клопам, в стороне по причине слишком прохладной для них воды Енисея.

Признаюсь честно, ползучие красные пятнышки с ножками привели меня в состояние панического ужаса. Как тот изюм с ножками - на Чебурашку. Все случилось так быстро, будто меня вместе с чемоданами, вещичками и женой зарядили в Царь-пушку и выпалили из неё залпом прямо во входные двери моей вновь обживаемой служебной квартиры.

Женскую реакцию на этих жутких «животных» обсуждать не будем, если уж я от омерзения за малым не обгадился. Все наши вещички я, будучи в одних трусах, досконально просмотрел, вытряхнул эту мерзкую, ползучую пакость, проверил каждую простыню, каждую майку, очистил от клопов каждый носок.

Потом вытряхнул захваченных мною в плен клопов из собственных трусов и ботинок и тут же безжалостно казнил их без суда и следствия, пресекая перочинным ножом их организмы на две части. Только теперь мне стали понятны чрезвычайно счастливые лица старых жильцов этой квартиры, покидавших это клоповое логово.

Оба пустых чемодана я выколачивал о деревянный фонарный, возможно, телеграфный столб с такой страстью, что, казалось, жестяной ржавый плафон с вкрученной лампой свалится вниз нам на головы. И происходило это все под палящим светом полярного солнца. Говорят, настоящий фирменный коньяк пахнет клопами. Я, конечно, не великий гуру в области изготовления фирменного коньяка, но все-таки считаю себя гуру в области общения с клопами. А посему могу авторитетно заявить, что раздавленные мною клопы, совершенно однозначно, не пахли ни фирменным, ни даже обыкновенным армянским коньяком трехлетней выдержки, с тремя звездами на этикетке.

Какое счастье, что на улице была условная ночь, выделенная во время полярного дня для ночного отдыха жителей заполярной Игарки. Нормальные игарские обыватели в это время мирно

сопели через дырочки в носу в своих кроватях. Мне только зрителей моего клопового позора не хватало.

Лишь убедившись, что никого из несметного войска противника мы не взяли случайно в плен, я принял решение дезертировать с поля боя, оставив недобитых врагов праздновать победу.

Одеваться мне было некогда, поэтому ретировался с поля боя я в том же виде, в каком покинул постель — в трусах, лишь прыгнув в ботинки, имея по чемодану в каждой руке. Наличие ключа от второй квартиры позволило мне в полной мере осознать, как это замечательно располагать запасным вариантом. О, это волшебное слово — альтернатива!

Что-то мне до сей поры кажется, что начальники мне ключи сразу от двух квартир вручили явно неспроста. Проглядывает в этом поступке явное человеколюбие. Не иначе у начальства какие-то обоснованные подозрения по данному поводу имелись. Кстати, надо будет при случае сказать просто огромное спасибо щедрым хозяевам подаренного нам дивана. Грандиозное!!! Просто Колоссальное!!! О, как я зол!

Брат известного писателя

До второго адреса в доме номер пять по улице Гаежной мы добрались вприпрыжку, словно кенгуру, за одну минуту. Когда я затащил в квартиру вещички и шокированную несметными полчищами клопов жену, дверь комнаты напротив кухни отворилась и из нее вышел мужичок лет сорока — сорока пяти, в таких же просторных сатиновых семейных трусах, как и у меня.

На мой вопрос, где свободная комната, мужичок показал на следующую по ходу дверь и, протянув мне для пожатия ладонь, представился:

- Я Вовка Астафьев, вездеходчик гидробазовский, — и, улыбнувшись, добавил:

- Пролетели мы с Зинаидой, как фанера над Парижем. Думали, что комнатка свободная нам отойдет, а тут вы как снег на голову, б...-муха! Что же вам в десятом-то доме не глянулось? Клопов, поди, испугались? Завтра, как Зинаида заблажит, вы уж на неё сильно не сердчайте. Она вообще-то баба хорошая, поблажит малость самую, да и перестанет.

С утра Зинаида, надо отдать ей должное, блажить по поводу не стала, видимо, прониклась душевно по поводу нашего панического дезертирства под напором психической атаки клоповой армады. А может, и поблажила, но тихо, в мужнину жилетку. Вовка Петрович нас не обманул, Зинаида, и правда, оказалась хорошей «бабой», если, конечно, молодую женщину тридцати лет позволительно называть бабой.

Вовка он, конечно, Вовка. Вот только когда я только имел счастье появиться на свет, Вовка уже носил блатную кепку-шестиклинку. Не поручусь также, что у него во рту не присутствовала модная в ту пору фикса из цыганского золота рандоля на зубе.

Многие молодые парни по тем временам с такими фиксами пытались *проканать* под уголовников ради дешевого зэковского авторитета. А пока я довольно системно мочил и пачкал байковые пеленки, Вовка во всю свою мужскую мочь примерялся к игарским девчонкам, поскольку было ему уже восемнадцать годиков.

Сейчас мне двадцать четыре, а Вовке сорок два, и повидал он в жизни много такого, чего мне, наверное, никогда и не увидеть, а поэтому именую Вовку я при общении не иначе, как Петрович. Этакую фамильярность, я имею в виду имечко Вовка, эту вольность молодецкую я позволяю себе в беседах исключительно наедине с самим собой. Ну и с вами, куда Вовка Петрович не слышит.

Бывает, мы с Вовкой вместе выпиваем, причем происходит это не часто, строго говоря, парутройку раз за все время знакомства, и только в том случае, когда Зинаиды нет дома. Не приведи Господь, если Зинаида узнает о том, что я поддерживал компанию Вовану по линии употребления «огненной воды». Зина мне точно, без колебаний, *харакири* исполнит со всей душой, самым большим ножом, имеющимся на нашей коммунальной кухне.

Общение с Петровичем у нас происходит в основном после закрытия навигации. В навигационный период мы не видимся, да и дома практически не бываем, Петрович обычно прикомандирован к лоцмейстерскому пароходу «С-215» и трудится под командованием Лебедева Юрия Николаевича, а при мне пребывает второй гидробазовский механик-водитель вездехода.

Своё семейство я отправил уже через полгода после рождения сына в Ленинград и тещу полярную лямку в одиночестве, ввиду абсолютной непригодности советского сектора Арктики для

проживания бледнолицых грудных младенцев. Увы мне! Но уже ничего тут не поделаешь, даже при самом горячем желании.

Без жены Зинаиды Вовка скучает, даже если она отошла ненадолго и по необходимости. А когда Вовка скучает по жене, он достает из валенка в кладовке припрятанный от жены «фугас» бормотухи, типа «Солнцедара» или портвейна «777», в простонародье именуемой «Три семерки». Из авоськи, подвешенной за форточкой, словно по мановению волшебной палочки появляется полуметровая нельма или муксун.

Рыбка сноровисто превращается коренным игарским обывателем в строганину для употребления в качестве закуски. Игарских обывателей, кстати, здесь обычно именуют игарчанами.

Потом Петрович стучит в дверь моей комнаты с категорическим требованием моего неперемного участия в празднике. Я, видя такое дело, достаю свой неприкосновенный запас из тумбочки под телевизором. Если же НЗ на данный момент иссяк, марширую за бутылкой водки или спирта в магазин, поскольку «фугас» с вином цвета французского бордо — это не моя стихия. Вовка терпеливо, я бы сказал, стоически ожидает моего возвращения из похода в торговую точку.

После второй или третьей граненой рюмки, между которыми не успевает пролететь пуля и получаса соответствующих душевных разговоров, Петрович от полноты душевных чувств идет в свою комнату и выносит толстенную книгу с надписью на обложке: Виктор Астафьев «Царь-рыба».

На развороте, за корочкой обложки, помимо года издания 1978 и указания на Красноярское книжное издательство, имеется дарственная надпись автора. Увы, витиеватых подробностей не помню. Суть дарственной надписи такова: «Дорогому Владимиру Петровичу Астафьеву... от автора, друга, брата Виктора Астафьева».

Точно текст автографа не помню, может, и переврал чуток. Вовка рассказывает мне о том, что писатель Виктор Астафьев ему приходится братом по отцу, вот только матери у них разные. И история, описанная его братом в книге, произошла на самом деле с ним, Володи́ей Астафьевым, и он, собственно, и является одним из героев произведения «Царь-рыба» и, возможно, даже самую капельку соавтором.

По ходу событий Володя горестно сожалеет, что Виктор Петрович не сподобился даже отблагодарить Володю за подаренный им брату столь интересный сюжет, хотя бы чуток материально. На большую благодарность Вовка, как парень скромный и непритязательный, рот широко не раскрывает — тысяча рублей его вполне устроила бы. Есть у Петровича мечта такая, чтобы свободная тысяча советских рубликов внутренней карман пиджака оттягивала и душу у самого сердца грела. При наличии пиджака, естественно. Я уж и не знаю достоверно, на какие цели Петрович такую солидную сумму рублей употребить мечтает. Если логически подойти к вопросу, то желаемой суммы на лодку с мотором и избушку в тайге на берегу Енисея вполне хватило бы и на обмыв изрядно осталось.

А о чем еще мечтать может рыбак, сызмальства на батюшке Енисее возросший да Царь-рыбу таковых статей почти отловивший, что она в серьезную мировую литературу попасть сподобилась? Да мало того, еще и Государственной премии СССР 1978 года в области литературы явно по заслугам удостоилась.

Что касается меня, я в этом вопросе с Вовкой полностью солидарен. А что мне остается? Если рассуждать с точки зрения правильного соседа, что такое для всемирно известного литератора Виктора Астафьева выдать брату тысячу рублей? Не на халяву, а как автору идеи. В американском кино в титрах часто приходится видеть: автор идеи такой-то. Да еще деньжищи несметные автору за идею платят. Чем же Вовка хуже? А так все было бы по справедливости. И Вовке было бы и приятно, и к месту, в самую жилу — живет Петрович не дуже богато и ест хлеб, заработанный исключительно собственными руками.

Вовка замечательный парень. Расстраивается он по поводу облома собственной мечты о гонораре в тысячу рублей совсем недолго, мимоходом, до следующего стакана. Я обычно в таких случаях пью водку, Володя предпочитает красное вино в бутылках темного стекла, в какие обычно разливают шампанское.

Мнится мне, что в Великую Отечественную войну такими бутылками с зажигательной смесью «коктейль Молотова» наши пехотинцы забрасывали из окопов атакующие немецкие танки «Тигр», «Пантера» и легендарные самоходки «Фердинанд», оттого их (бутылки), видимо, и именуют весьма метко фугасами по сию пору.

Бывает, что стаканы мы случайно путаем. Строганина не дает слишком сильно обалдеть от намешанной с вином водки. Такое у нее, строганины, качество — сколько ни пей, если закусываешь строганиной из мороженой белорыбицы, одуреть не получится, хоть ведро спиртного заглоти.

Заглотить ведро ни у меня, ни у Петровича, с его енисейской заполярной тренировкой, здоровья однозначно не хватит, да мы и не стремимся особо к рекордам подобного рода. Я *гулеваню* с Вовой недолго, поскольку мне завтра на работу, а он сидит дома, отгулы, заработанные в навигацию, прогуливает. И, уходя к себе спать, я уношу с собой подаренную мне Вовкой книгу «Царь-рыба» с дарственной надписью автора Виктора Астафьева. Подарок сей я получаю уже не впервые и знаю, что завтра, когда вернусь с работы, Владимир Петрович Астафьев, протрезвевший и получивший суровый нагоняй от жены Зинаиды, вежливо постучит ко мне в дверь с поникшей головой, чтобы повиниться и забрать подарок с авторским автографом назад.

А я и не расстраиваюсь. Просто я уже привык к Вовкиным причудам и не держу на него зла. Но все равно мне будет несказанно приятно, когда Вовка в очередной раз от полноты широкой русской души снова подарит мне эту книгу. Значит, я ему не просто так *мимо прохожий*, хоть и конкурент по линии жилой площади. А это дорогого стоит. Уважение любому человеку по душе, как доброе слово той кошке. Хороший Вовка парень, но вот грешен — слишком любит *погулеванить*.

Вовка, крепко выпив, часам к двадцати трем начинает собираться на рыбалку. Над Игаркой царствует полярная ночь. Темень здесь круглые сутки, так что Петровичу без разницы, когда рыбачить: ночью ли, днем ли.

А то, что на улице пурга и мороз, низвергающий столбик термометра до минус сорока семи градусов по шкале Цельсия, Владимиру Петровичу Астафьеву абсолютно *по бубну*, в силу того что барабанов в тундре не используют. Сложилась уж в енисейской тундре такая историческая традиция.

Рыбнадзору, видимо, не все равно, рыбнадзор предпочитает спать ночью, как все нормальные люди. И сорок семь градусов мороза рыбнадзору вовсе не *по бубну*. У местного рыбнадзора тоже с барабанами не ахти как хорошо. Ну какой нормальный *хомо сапиенс* пойдет за рыбой в такую погоду, да еще темной полярной ночью? А если вдруг и пойдет, то он ничуть даже не *хомо* и, абсолютно точно, совсем уже не *сапиенс*.

Вовка здесь, среди вечной мерзлоты, под полярным сиянием родился и вырос – натуральный абориген *ненэй ненэч*. Настоящий человек. Он утверждает, что помнит в Игарке морозы до шестидесяти двух градусов ниже ноля по Цельсию. Врет, наверное. Чего в подпитии после «фугаса» с «коктейлем Молотова» для пущего форсу не нагородишь?

Мне в это с трудом верится, хотя чем только черт не шутит, в отсутствие солнца да в полярную-то ночь. Обратите внимание, что с трудом, но таки верится же. Кстати, луны я в полярную ночь что-то тоже не припомню. Не видел точно. Да и как ее сквозь пургу рассмотреть, я уже не говорю о непрозрачных потолках в наших жилищах. А может, я просто не пытался посмотреть?

Петрович помимо летнего лова еще и специалист по подледному лову рыбы. Круче Вовки в рыбной ловле только ненцы и, возможно, эвенки, нганасаны да селькупы. Да и не факт, что круче. Ведь это он, Петрович, и не кто иной, пытался взять на самоллов Царь-рыбу. Пусть неудачно, но все-таки пытался.

Хотя, поговаривают, что году в одна тысяча пятидесятом видели на Енисее кита, гребущего от Карского моря в сторону Дудинки. Какой-то великий рыбак таки на кулан его зацепил, но точно это был не Вовка Петрович.

Ловит Петрович рыбу под двухметровой толщиной льда не удочкой и даже не спиннингом, а исключительно клетчатой сетью. Как это происходит я, увы, рассказать не могу. Признаюсь честно, никогда не наблюдал такой способ рыбной ловли воочию. И даже попытался путем умственных измышлений представить такой способ рыбной ловли.

Ничего у меня не получилось. Секрет этот в нашей коммунальной квартире знает только Вовка, но он никогда не делится им со мной, даже в состоянии крайней хмельной расслабухи и, как следствие, крайней доброты.

Поначалу я пугался за Вовку и даже как-то попытался лечь костями поперек порога нашей коммунальной квартиры, но не допустить его ухода на рыбалку в пургу и трескучий мороз. Вовке,

вопреки всем моим стараниям, все равно удавалось удрать пьяным в снежную круговерть посреди морозной темени.

По мнению Вовки Петровича, в тот первый раз было даже тепло – всего минус сорок семь градусов с не особо могучей пургой. Думаю, если бы он выпивал чуть больше или закусывал чуть меньше, ему и жара бы причудилась.

Петрович, однако, не заблудился, и не замерз, и не случилось с ним ничего плохого, чрезвычайного, за рамки вон выходящего. Теперь я уже знаю, что часов в пять утра он непременно, вернувшись с рыбалки как штык, появится, запорошенный снегом, с инеем, намерзшим на ресницах, и в клубах морозного пара, в дверях нашей коммунальной квартиры. Как бы ни неистовствовала местная Снежная королева вкупе со всеми своими ледяными придворными и самоедскими подручными, Вовка вернется целым и невредимым вопреки всем сомневающимся тепличным типам вроде меня. И за плечами Вовки в рюкзаке обязательно будет пара десятков замороженных на льду живую полуметровых рыбин.

Отдышавшись на кухне, младший Астафьев, орудя острейшим самопальным эковским *финариком*, снимет чулком кожу с мороженой рыбы, настрогает ее плоть тонкими стружками и постучит в мою дверь.

Я завтракаю вместе с Вовкой строганиной, макая её в блюдечко с солью и перцем в смеси с томатной пастой. Люблю я строганину сверх всякой меры. Вовка наливает «коктейль Молотова» из «фугаса» себе одному. Он знает, что я пить не буду — утро только начинается и мне к восьми на работу в гидробазу.

Я так никогда в жизни и не узнаю, в самом ли деле Петрович в пургу, при морозе в минус сорок семь градусов по Цельсию ловит на Енисее под двухметровым льдом сетью рыбу или просто ходит к своим секретным закромам где-нибудь в тайной таежной избушке за ранее выловленной рыбой.

Петрович он, конечно, такой — и рыбак, и охотник, и мастер на все руки. Однако рыбачить в таких условиях, мне кажется, все-таки перебор. Я вообще-то *чайник* во всех этих полярных тонкостях, поэтому развесить лапшу на моих оттопыренных ушах без всяких количественных ограничений может при желании всякий, кому не лень.

Вовка, правда, не очень стремится вешать мне лапшу на уши в связи с весьма умеренными ораторскими способностями. Проще выражаясь, Вовка еще тот молчун. Из этого игарского таежного партизана клещами слова не вытянешь, особенно по поводу рыбалки.

Поговаривают, что в Игарке рыбнадзор дюже круто лютует, но в основном с весны по осень. Оттого и Вовка Петрович такой неразговорчивый: сказывается партизанское воспитание.

А я хоть и не из рыбнадзора, но гарантий-то дать не могу никаких, взятки с меня гладки. По мнению Петровича, всяк, у кого есть язык, представляет или может гипотетически представлять опасность — брякнет языком лишнего, и лови потом слово, которое не воробей. Береженого Бог бережет, а не береженого милиция стережет.

Молчание — золото, это заполярная истина в первой инстанции. Края-то каторжанские и шибко уж на слуху. Ну и народ тренированный, лишний раз рот понапрасну раскрывать не будет. В былые времена в этих местах за широко открытый рот да длинный язык иные люди голов напрочь лишались. А то и вовсе терялись со всем своим имуществом в таинственных заполярных нетях неведомо где, незнамо как и непонятно по какой причине.

Утро. Впрочем, что это я, утро здесь не отличается от ночи – всё та же полярная темень. И отличить утро от вечера, дня и ночи можно только по стрелкам на циферблате наручных часов, поделенном на двадцать четыре часика. На улице жизнь происходит в том же режиме: та же пурга и те же минус сорок семь градусов по Цельсию, те же вдоль улицы столбы с фонарями, болтающимися хаотично в снежной круговерти.

Дверь подъезда избушки, в которой мы все проживаем почти как в пролетарской коммунии, открывается внутрь. Наскоро пошуршав снеговой лопатой, отгребаю наметенный снег от порога, чтобы было куда выйти и не засыпать снега в «парадную», как выражаются жители второй столицы СССР, города Ленинграда.

Я выхожу на улицу, застегнув высокий воротник мехового полушубка на пуговицу в районе лба, и бреду к остановке автобуса, ведомый едва видимыми в снежном мельтешении фонарями на

придорожных столбах. Подглядываю периодически в щель между сведенными перед лицом крыльями овчинного воротника.

Я тут такой вовсе не один. Через щелку в поднятом воротнике мне видны смутные фигуры бредущих к остановке автобуса игарчан. Почти все, как и я, застегнуты в меховщину от колена до затылка, только снег поскрипывает под валенками в такт шагам.

Раньше, до наступления холодов, бегал я на работу в ботиночках. Не буду жаловаться, но как-то в них было вовсе не жарко. Приходилось на остановке в ожидании автобуса поколачивать каблуками друг о друга, дабы мало-мало разогнать леденеющую в пятках кровь.

В одно прекрасное утро меня на пороге тормознул Вовка, осмотрел башмачки и, велел покуда не уходить, закопался с головой в кладовку близ сортира. Копался он там, среди сваленного добра неопределенного назначения, громыхая ведрами и тазами, минут десять, пока не вытащил наружу настоящие сибирские пимы. Пимы — это, если перетолмачить с местного сибирского языка на современный литературный, — валенки.

Пимы были до безобразия рыжие от древности, пропеченные полярным солнцем, но крепкие изрядно и подшиты снизу какой-то шкуркой. Шкурка была не то от нерпы, не то от какого иного морского зверя. Это для того, чтобы на упоре в снег или лед валенки назад не буксовали. По аналогии с самоедскими охотничьими лыжами: те тоже мехом нерпы подбиты — вперед скользят, назад тормозят.

Подарок пришелся мне впору, так что я теперь красавец заполярный, словно кум французскому королю, и ноги у меня, как в крепком пару на верхнем полке русской бани. В конторе я обметаю пимы веником, дабы от растаявшего снега они не промокли, и переобуваюсь уже в свои собственные шузы.

Автобусы здесь распространенной полярной модели ПАЗ, производства Павловского автомобильного завода, окрашенные в красный цвет. В красном цвете и проявляется вся их полярность — чтобы легче было отыскать в сугробе, если автобус, паче чаяния, вдруг заметет метелью.

Ну, есть еще мелочь, которая отличает заполярные «пазики» от материковых, это укутанный в войлок или старую овчину двигатель. Чтобы не простудился движок, не замерз ненароком. Все-таки *погоды* здесь довольно *прохладные*, если изъясняться с «сибирским прононсом».

Так вот, красный полярный автобус модели ПАЗ приедет и отвезет нас на работу, даже если весь мир треснет на части и перевернется вверх ногами — такой уж здесь в Игарке заведен порядок. Часов в десять утра домой вернется от матери Зинаида, жена Володи, и задаст Вовке полный *чих-ных*.

И скучать младшему брату всемирно известного и многожды лауреата Государственных премий, обладателя золотых звезд и орденов в будущем писателя Виктора Астафьева будет некогда. Зинаиду Петрович любит и слушается её неукоснительно, но только пока она рядом, а он перед её глазами.

До приезда в Игарку, стыдно признаться, я не имел ни малейшего представления о существовании писателя Виктора Астафьева и, тем паче, его брата Владимира Петровича. И читал-то все больше Дюма, Сабатини, Задорнова, Льва Кассиля, Василия Яна, Джека Лондона, Владимира Санина, Бориса Васильева, Виктора Конецкого.

А вот до Виктора Петровича Астафьева, лауреата Государственной премии СССР 1978 года в области литературы не добрался. Не сподобился ознакомиться с творчеством в силу незнания даже о существовании такого литератора, не говоря уже о звании лауреата.

Ничего, надеюсь, когда-нибудь у меня будет лучше со свободным временем, чем сейчас. Вероятно, я смогу с разрешения Зинаиды залезть в библиотеку Владимира Петровича и перечитать все произведения его старшего заслуженно знаменитого брата. Уверен, что Зинаида, жена Петровича особо препятствовать в этом мне не будет.

Она в курсе, что я честно возвращаю ранее неоднократно подаренную мне «Царь-рыбу» с автографом автора и верну её же, но уже подаренную вновь, и буду возвращать в будущем, сколько бы раз Петрович мне её ни подарил. В её глазах я как сосед по жилплощади все еще вполне порядочный, вежливый, где-то даже белый, пушистый и не подорвавший пока еще доверия к собственной персоне.

Смушает меня лишь одно: никогда не видел, чтобы Виктор Петрович взял и запросто зашел в гости к брату на пару рюмок под строганину. Когда лауреат Государственной премии в области литературы прибыл в Игарку с визитом на пятидесятилетний юбилей основания города, я, честно говоря, даже предупредил Вовку, что могу очистить жизненное пространство от собственного присутствия, дабы не помешать встрече родственников.

В ответ Вовка как-то глубоко вздохнул и ничего на мое предложение не ответил. Так я и не услышал ни разу о попытке знаменитого писателя посетить друга и брата Вовку Петровича в его коммунальной берлоге. В нашей берлоге. Допускаю, что Виктор Петрович человек занятый, но не до такой же степени. Впрочем, какое мое собачье дело? Разберутся, однако, родственники и без моего неоправданно горячего участия.

Хотя я думаю так: писатели они ведь абсолютно ненормальные люди. Нормальные люди книжек не пишут, им это ни к чему. А всё оттого, что сочинители люди высокого полета. Видели, чувствовали и свершали они в жизни всего так много, что не объять руками.

А теперь все это требовалось занести на бумагу и передать людям. А жизнь такая короткая! Оттого, наверное, писателям и некогда по чужим коммунальным кухням *водку пьянствовать*. А если уж и пить, так лучше с комфортом в предназначенных для этого заведениях. Как-то вот так, я думаю.

Вино в нашей коммуналке, если знать, где смотреть, можно найти везде: в валенках, в кладовке, в шубе на вешалке, в клозете, в детской коляске под матрасиком. И это все благодаря титаническим усилиям Владимира Петровича. Петрович может даже в мои пимы вставить по пузырьку, запамятавав, что пимы он мне *задарил* бессрочно, безвозвратно и абсолютно задаром.

Чаще всего Зинаиде удаются операции по пресечению бесконтрольной доставки контрабандного спиртного в квартиру. Но порою женский нюх дает осечку и Петровичу удается нашпиговать стеклянной посудой с «огненной водой» все укромные местечки в квартире, вплоть до самых интимных.

«Огняки», конфискованные из моих собственных задаренных Петровичем пимов, я складываю в своей комнате. Не окончательно, а до поры до времени — в ожидании законной «предъявы», как в этих краях привыкли изъясняться, со стороны Владимира Петровича. Ну, а если «предъява», вследствие эффекта «тут помню, а тут не помню» и плохо налаженного учета, не предъявляется, я проявляю инициативу, возвращая добро хозяину.

До отправки своего семейства в город Ленинград, в гости к теще, с целью откорма грудничка, я заимообразно брал детскую коляску, принадлежащую семейству Астафьевых. Помещал в нее своего многослойно закутанного грудного сына и выставлял его в коляске в подъезд, для здорового заполярного сна на сорокаградусном морозе.

И всякий раз неизменно натыкался под матрасиком коляски на спрятанные от Зинаиды два-три любимых Вовкой «огняка», именуемых также фугасами и фаустпатронами.

Грудничок, поименованный Михаилом в честь «Тигра скал» Михаила Хергиани, на обнаружение под собой в коляске фугасов, припрятанных от Зинаиды Петровичем, реагировал всегда спокойно, с пониманием и даже, я бы сказал, с некоей мужской солидарностью.

Михаил приехал с нами в Игарку из Ленинграда в животе своей мамы, но на свет произведен в ноябре 1979 года стопроцентно коренным игарчанином. Так ему в статусе *коренного аборигена* Игарки и предстоит пребывать всю жизнь, где бы и кем бы он в будущем ни был — заклеим запись в свидетельстве о рождении пожизненно.

Месяца за четыре до его рождения попала в мои руки книжонка. Приобрел я её по случаю в порту Дудинка. Книга повествовала о знаменитом советском альпинисте Михаиле Хергиани, семикратном чемпионе СССР по скалолазанию и альпинизму, покорителе самых неприступных горных вершин и труднопроходимых вертикальных скальных стен мира.

Этот грузинский парень, идя в связке по гребню горной гряды, при падении напарника на склоне, не задумываясь, прыгал в пропасть с противоположной стороны гряды, дабы предотвратить гибель товарища. Во время восхождений в горах Северного Уэльса Михаил удостоился от английских коллег прозвища *Тигр скал* за способность быстро преодолевать сложные скальные маршруты.

В промежутках между восхождениями на самые именитые вершины мира Хергиани работал в горах в качестве альпиниста-спасателя и спас несчетное количество любителей горного

туризма. Именно это, а не звания и награды и поразило меня более всего. И захотелось мне отчего-то сына своего, которому только предстояло появиться на свет, назвать в честь этого мужественного человека.

Подспудно где-то вторым планом в глубине души тлела надежда, что у моего сына не возникнет в будущем желание восходить жуткими скальными маршрутами вроде Гран-Капуцина, Пти-дрю, Гран-Жораса и Су-Альто. Впрочем, сейчас рановато вести об этом разговоры, время покажет.

А пока мы на пару с новоиспеченным Михаилом гуляем на пару по улице Таежной, дремлем в коляске на площадке около квартиры в ожидании потепления и отбытия наследника в город Ленинград на тещины харчи для набора оптимального веса детского организма.

Нам предстоит на коляске выехать в подъезд на пару часов послеобеденного сна при температуре порядка минус тридцать или сорок градусов по шкале товарища Цельсия. Вы не напрягайтесь, товарищ Цельсий, если кому и товарищ, то вовсе не нам с Михаилом. Нам эти минус тридцать, а то и минус сорок и даже минус сорок семь уже костью поперек горла. Нам бы травки зелененькой и солнышка теплого. Ну, не будем более о грустном.

Подавляющее большинство записок Владимира Петровича, надо отметить, припрятано в сортире. Иной раз сунешь руку в валенок на веревочке, предназначенный исключительно для хранения туалетной бумаги, а там пузырь «коктейль Молотова» в интерпретации Вовки Астафьева.

Не совсем, конечно, «коктейль Молотова», потому как без фитиля. Хотя если Зинаида обнаружит эти его закладки на перспективу, она фитиль уже точно Владимиру Петровичу вставит по самое никуда.

Стульчак в сортире имеет «турбонаддув» прямо с улицы, причем довольно солидный, а если уж в пургу и при скорости ветра более двадцати метров в секунду, может не только снежком припорошить, но и просто сдуть на палубу.

Так что предаваться релаксации в данном заведении не принято во избежание возможных обморожений и появления гипотетической необходимости обкалывания сосулек с филейной части организма.

Не часто, но бывает, что Петрович, появившись дома после работы прозрачным и свежим, как утренний воздух в тундре, как зеленый в пупырышках огурец с грядки, отправляется в клозет и через пятнадцать минут появляется оттуда с подозрительно блестящими глазами.

Второй заход дает еще более тяжелый результат, добавляя тревожного блеска в глазах Вовки, и тут уже Зинаида, поняв, что в квартире уже пахнет не озоном из тундры, вступает в дело.

Я в таких случаях пытаюсь раствориться куда-нибудь прочь из дома или сделать вид, что меня в квартире нет. Не больно это приятное удовольствие попасть под горячую руку Зинаиде, пусть даже будучи без вины виноватым.

Зная Вовкино близкое родство со всемирно известным литератором, лауреатом Государственной премии СССР в области литературы за 1978 год, наше гидробазовское начальство Петровича сильно не жмёт и смотрит на его слабости сквозь растопыренные пальцы.

Механик-водитель вездехода, в просторечии вездеходчик, в Игарке профессия дефицитная, на всю гидробазу их всего два, так что Вовка у нас ценится на вес золота, потому как ни за какое золото подмену ему не отыскать.

Если Петровичу предстоит идти в рейс, за день до отхода судна за ним приходит гидробазовский УАЗ-«буханка» и его отвозят к причалу и помещают в каюту парохода, обычно это лоцмейстер «С-215». Чтобы Петрович, как протрезвеет, не удрал с парохода по своим всякого рода неотложным делам, капитан дает команду отойти от причала и встать на рейде на якорь.

Это если он подшофе. В смысле не капитан подшофе, а Петрович. Если же Петрович трезв, как божьим хрусталь, его все равно отвозят на «С-215» во избежание возникновения возможных непредвиденных сюрпризов.

С этого момента сообщение с берегом совершается строго на катере и с разрешения вахтенного помощника капитана. В этом случае на берег бесконтрольно не выскочит даже мышь, не говоря уже о Владимире Петровиче. Вот такой вот ценный кадр живет со мной по соседству — буквально через стенку.

Таких «реверансов», на моей памяти, не достаивался ни один из известных мне работников Игарской гидрографической базы Гидрографического предприятия Министерства морского флота

СССР, разумеется, за исключением Владимира Петровича. Впрочем, он того однозначно стоит, вне всякого сомнения.

Ну, это по секрету, без передачи Владимиру Петровичу. Чего уж там мутить? Хороший парень Вовка Петрович Астафьев. Маленькая дочурка, молодая красивая жена, любимая работа, увлекательное хобби — что еще нужно для того, чтобы завязать с пагубной привычкой хлестать без меры огненную воду?! А свободная тысяча рублей на внутреннем кармане пиджака, думаю, дело наживное и как мечта вполне достижима, как и сам пиджак.

Мужчине женщину посылает Господь, одним - как Музу, для вдохновения, другим - в качестве тормоза, при неумении мужчины правильно рулить собственной жизнью. Увы, не знаю, кем конкретно, но, точно, знающим истину в первой инстанции было сказано: «Женщина — самое могущественное в мире существо, и от нее зависит направлять мужчину туда, куда его хочет повести Господь».

Бросить злоупотреблять «коктейлем Молотова» Петрович еще успеет, тормоз у него уже есть. У него впереди целая вторая половина жизни. Во всяком случае, у меня нет ни малейшего сомнения в том, что с Владимиром Петровичем все будет в полном порядке. Главное, что человек он хороший.

Кстати, рассказ «Царь рыба» Виктора Петровича Астафьева я все-таки прочитал. Что я могу сказать по этому поводу? Как-то я особо сильно не проникся этим его произведением. Мыслей в книге, конечно, много очень, взрослых и глубоко философских. Однако, думается, такие произведения мне читать еще рановато.

Безусловно, мое мнение — это не показатель. Я абсолютно не претендую на истину в первой инстанции. Кстати, я и творчеством Льва Николаевича Толстого, его «Войной и миром», не говоря уже об «Анне Карениной», особо не проникся. Да и товарищ Ги де Мопассан с Теодором Драйзером мне как-то тоже *не очень показались*. Продолжать уже не буду, список-то у меня в голове не малый.

Думаю, все дело в возрасте. Вероятно, Виктор Петрович со Львом Николаевичем да с товарищами Ги и Тэдом все-таки для меня чересчур старенькие. Не исключено, что и я для них еще слишком молоденький. Склоняюсь я, однако, больше ко второму варианту, но, полагаю, ежели подойти к вопросу философски, они вполне правомочны оба.

Поскольку оба обнадеживают, что годам к шестидесяти пяти, когда я с поименованными выше старенькими дедулями сравняюсь в возрасте, я таки дозрею до состояния достаточной умственной спелости. А дозрев, достигну, вероятно, пика жизненной мудрости и наконец научусь разбираться, кто есть хорош, кто не очень, а кто и полное *фи*, ну или уже вовсе абсолютное ху.

Примечания:

Тигр скал — неформальный титул Михаила Виссарионовича Хергиани, семикратного чемпиона СССР по альпинизму

Шузы — ботинки

Подшофе — навеселе, под хмельком, в состоянии легкого опьянения. В основу этого слова легло, по-видимому, французское причастие *chauffe* "нагретый, подогретый алкоголем"

Рандоль — цыганское золото, бронза, в состав которой входят медь и бериллий

Манипуларии — римская морская абордажная пехота. Манипуларии использовались не только для десантных операций, но в первую очередь они как абордажные бойцы решали судьбу морских сражений захватом неприятельских кораблей

Операция «Мирный атом»

Начало июля, моя вторая навигация на Енисее. Полярный день в разгаре, полярное светило лупится горячими глазками на Енисей круглые сутки. В ноль часов подошли к навигационному знаку Сопочная Карга. Здесь у мыса Сопочная Карга кончается река Енисей и начинается Енисейский залив Карского моря.

На борту гидрографического судна «Лот» в полном составе лоцмейстерская партия номер один. Справа по борту к «Лоту» пришвартована приданная самоходная баржа «Северянка-2» грузоподъемностью двенадцать тонн с вездеходом ГТСМ на борту.

Миссия у нас ныне особая, можно сказать *термоядерная*. Как-то попался мне на глаза агитационный плакат: на фоне нереально голубого неба ученый в белом халате и рабочий в

расчудесном комбинезоне со счастливыми улыбками на лицах протягивают перед собой по-крестьянски крупные ладони зрителю.

А в ладошках этих крестьянских лежит модель атома — с ядром и кучей замечательных электронов, бегущих по обозримым своим траекториям полета. Чуть ниже большая и красивая надпись красными буквами: «Мирный атом в жизнь!».

Ну вот у нас сегодня точно такая ситуация. Мы, можно громко сказать без ложной скромности, на самом острие прогресса — ручонками своими мозолистыми внедряем мирный атом в жизнь. Мы — это лоцмейстеры Игарской гидрографической базы Гидрографического предприятия Министерства морского флота.

Есть на свете неописуемо могучий поток воды протяженностью три тысячи четыреста восемьдесят семь километров, Енисеем он называется. Начало Енисей берет в точке слияния рек Малый Енисей (Ка-Хем) и Большой Енисей (Бий-Хем).

Местечко это у города Кызыла, в котором рождается Енисей, кто-то решил считать географическим центром Азии. Начальству виднее, а нам абсолютно *по барабану* — сказали Центр Азии, значит, Центр Азии.

Я понимаю, вы мне не поверите, да я и сам с трудом верю, но гидрографическая сеть Енисея включает сто девяносто восемь тысяч шестьсот двадцать рек общей протяженностью восемьсот восемьдесят четыре тысячи семьсот пятьдесят четыре километра и сто двадцать шесть тысяч триста шестьдесят четыре озера. И это чистая правда, истина в первой инстанции. И ежегодно через устье Енисея в Карское море вытекает шестьсот двадцать четыре кубических километра пресной воды. Во как! Вот этого вы точно не знали, впрочем, как и я совсем еще недавно.

Вот за этот могучий поток пресной и мутной воды и отвечаем мы по линии безопасности морского судоходства. Нет, я не ошибся, именно за морское судоходство. Не за весь Енисей, конечно, за его малый кусочек длиной шестьсот семьдесят три километра, выражаясь сухопутным языком, ну а если по-нашему, то триста шестьдесят три морских мили и два, не менее морских кабельтова. Именно на это расстояние вверх от устья Енисея и осуществляется морское судоходство.

Кусочек этот начинается от самого морского из всех речных портов мира под названием Игарка и причудливо виляет на север по тундре до самого впадения Енисея в Енисейский залив Карского моря у навигационного знака Сопкарга, стоящего на мысе, именуемом Сопочная Карга.

Навигация на этом участке длится примерно три с половиной месяца, с 15–20 июня по 1-5 октября, если без климатических вывихов или каких-либо вывертов политического характера.

Кстати, могу сообщить, если кто не в курсе, именно река Енисей делит Сибирь на Восточную и Западную и занимает пятое место в мире по протяженности водной системы после Амазонки, Нила, Миссисипи и Янцзы. Енисей же является и самой полноводной рекой Советского Союза.

Когда-то в древности эвенки, зачарованные силой и мощью этого потока, назвали его Большая Вода, на эвенкийском языке это звучало, как Ионесси. Красиво звучит — Ионесси! Я, собственно, и оказался тут после окончания «Макаровки» оттого, что был покорен двумя сумасшедшей красоты словами — Енисей и Игарка.

Всем известно, что дурная голова ногам покоя не дает, так вот это точно про меня – задуло ураганом романтики. Всю жизнь мечтал жить у Тихого океана — в Приморье, в Хабаровский крае, или уже, в крайнем случае, на Сахалине, но споткнулся на этих двух словах — Енисей и Игарка.

Плоды казачьих блужданий

Самым первым из вездесущих и чрезвычайно любопытных русских служилых людишек в устье Ионесси в 1601 году добрался казак Кондратий Курочкин со товарищи. Он же и перетолмачил, я бы даже выразился грубо, *перекартавил* название Ионесси с языка тогдашних тунгусов, ныне эвенков, на русский лад - в Енисей.

Каким ветром в эти глухие, замороженные океанскими льдами края задуло Кондратия Курочкина — тайна, покрытая мраком полярной ночи да тленом и плесенью приказных книг, не доживших до нашего времени и, как следствие, не попавших в руки историков. Думаю, романтикой там и не пахло, потому как вряд ли Кондратий был знаком с таким термином, как романтика.

Казачи служилые люди практичные, ты им подай такое этакое, что руками пощупать можно было да на зуб попробовать — клыки морского зверя, бивни древнего земляного элфанта, ну или,

в крайнем случае, мягкую рухлядь - пушнину зверя сибирского. Впрочем, кто же теперь ведаёт, что творилось в глубине души этих первопроходцев и двигало их на земли неизведанные, может, то же, что и в наших неугомонных таится душах.

Одно ясно: шел казак к Северному Ледовитому океану, может, в поисках адамантов, руд железных, да металлов цветных, народишко какой к ясаку принудить либо по царскому указу элефантов косматых имати потехи царской ради.

Шествовал посолонь. Спал, не снимая харалужной байданы. Ел, что словить сподобился, безживотие преодолевая. Бдел, сторожась сыроядцев местных да василисков, ему ранее неизвестных. Да надеялся только на Господа да дружину свою казацкую. Аминь! А значило это аминь в те замшелые времена: «Истинно так!»

Применительно к эвенкам термин «перекартавили» подходил как нельзя кстати, потому как толмачей с эвенкийского на язык русский в природе еще не имелось. Разговор доходчивый в первую встречу начинался с обнажения боевого железа, а далее борзость этих супротив борзости тех — и тут уж как планида ляжет.

Кто шустрей, тот и сокол, кто сильней, тот и орел, в ком дух бойцовский прочнее, тот и прав. Кто прав, тот и хозяин положения. Хотя порою и боевой петух шпорами сокола потоптать способен. Да и стальная коса о камень порой спотыкается, как на Чукотке, к примеру.

Летом одна тысяча шестьсот сорок второго года у реки Алазеи русские соколы повстречали «луораветлан», что значит на чукотском языке «истинные люди». Так именовали себя чукчи в те легендарные времена. Русские же в то время именовали истинных людей чукочами. Так сложилось, что *чукчи-луораветлане* почитали себя превыше всех существ в подлунном мире.

Все же остальные живые существа рода человеческого для них были бесспорными *унтерменшами*. Этаким пример беспардонного наглого средневекового национал-социализма, подкрепленного силой оружия чукотского костяного рыцарства.

Чукочи-воины носили кожаные доспехи, отменно владели луками, острогами и гарпунами, коими до прихода русских успешно пронзали моржей, китов и тюленей, а также юкагиров, коряков, эскимосов - кто был, по их мнению, недочеловек.

В ответ на предложение казаков платить ясак, кожаные рыцари ответили ураганом стрел, наплевав на огненный бой русских первопроходцев. От такого наплевательского отношения к силе и мощи русского оружия, не виданного ранее на просторах обитания самоедских народов, охватила первопроходцев оторопь.

Никто до *луораветан-чукчей*: ни эвены, ни эвенки, ни юкогиры, ни коряки - не вели себя подобным образом, отвечая на удар врага дерзким ответным ударом. Русские повстречались с неслыханной ранее в Заполярье дерзкой борзостью и уперлись стальными лбами в шеломы в непробиваемый боевой менталитет чукочей. И обряжены сии чукочи были в доспехи из кости морского зверя.

Попытки покорить чукочей повторялись многократно, но ни русское оружие, ни русская дипломатия не смогли преодолеть сопротивление «истинных людей». Чукотка фактически так и оставалась независимой вплоть до двадцатых годов двадцатого века, пока туда не пришли красные Начальники Чукотки в выцветших гимнастерках и с маузерами в руках.

Ненцы, правда, тоже обиды без ответа не оставляли, но не с таким успехом, как чукчи. Так в 1662 году ненцы захватили острог Пустозерск (нынешний Нарьян-Мар) и поголовно уничтожили всех его жителей. После этого еще семьдесят лет длилась борьба «воровской самоеди» за право жить свободно на своих исконных землях.

«Воровской самоедью» именовали ненцев царские указы. В итоге на мысу Лиственном, близ Пустозерска, именуемом ныне Висельным, было предано смерти казнью через повешение на реликтовых лиственницах более тысячи ненецких бунтарей-*пахатыров*.

Много лет спустя свободолюбивые потомки казненных *пахатыров* безжалостно тайно вырубали реликтовые лиственницы, отомстив деревьям за то, что ветви свои те предоставили в распоряжение палачей.

Ионесси

На Енисее все вышло более спокойно, самоеды склонились всего лишь только перед угрозой применения силы. Да и не мудрено. Живут люди сотни лет, вполне себе мирные охотники, рыболовы и олениводы. Они как-то по-своему называют свою родную речку, рожают детей, ловят

рыбу, песка бьют на пушнину, да зверя морского добывают, хвостом кочуют за кормящими их дикими стадами оленей, и все у них идет просто замечательно, как и столетиями до того. Нет у них поводов для войн и нет реальных противников.

Если и возникал порою между племенами какой-либо, неразрешимый мирными методами конфликт, то решался он просто. Одно племя выставляло против другого бригаду бойцов, причем количество воинов оговаривалось заранее и было равным с обеих сторон. Все происходило честно и прозрачно, без подвоха и обмана. Действо это более походило на рыцарский турнир, нежели на войну.

Известна так называемая битва двухсотлетней давности между ненцами и енисейскими энцами. Поводом для конфликта послужили территориальные споры. В битве участвовали с каждой стороны по пятьдесят *пахатыров*, хотя могли сойтись в битве сотни. Однако, к чему такое расточительство?

Спорный вопрос решался малыми силами, под контролем шаманов-наблюдателей (по одному с каждой стороны), при минимальных материальных и людских затратах. Победитель решал спорный вопрос в свою пользу.

И вдруг, нате вам, неведомо откуда появляются люди, *мимоходом прохожие*, с дерзким нравом, пытливым умом да при *вострых* саблях с пищалями огненными и начинают все на свой лад менять, переиначивать, перетолмачивать да *перекартавливать*.

Ионесси ни с того ни с сего почему-то обзывают Енисеем, *ненэй ненэчей*, несогласных с новым ладом жизни, обзывают инородцами, сыроядцами и самоедами, да приводят силой к повиновению, да ясаком попутно обкладывают. Тех же, кто дюже непокорный да борзо злой, вовсе в полный распыл рукой оружной пускают. И прирастает земля русская то с того краю, то с этого новыми, еще толком неизведанными территориями, отодвигая окраины государства все далее и далее на все стороны света. Вслед за людьми оружными не заставляют себя ждать и люди зело ученые.

Двести пятьдесят пять лет назад году в одна тысяча семьсот двадцать пятом выпускник навигацкой школы и морской академии молодой перспективный геодезист Петр Чичагов начал первую геодезическую съемку Енисея.

За пять лет царёв слуга заснял почти две с половиной тысячи верст течения реки от пятьдесят третьего градуса северной широты до Енисейского залива, он же описал все левые притоки на этом участке Енисея.

Чуть погода, двести сорок три года назад в тысяча семьсот тридцать седьмом году после трех неудачных попыток добраться из Обской губы до устья Енисея северным морским путем на дюбель-шлюпке «Тобол» и боте «Обь-Почталион» впервые прошел отряд штурмана, гидрографа, лейтенанта майорского ранга Дмитрия Овцына. Просто охренеть! За двести сорок три года до сего дня!

За подвиг сей славный Родина «отблагодарила» Дмитрия Овцына. Лейтенант майорского ранга был подвергнут аресту, суду и разжалован в рядовые матросы. После чего был выслан под конвоем на Камчатку в распоряжение капитан-командора русского флота Ивана Ивановича Беринга уже в тысяча семьсот тридцать девятом году.

Геодезист Прянишников из отряда Овцына выполнил описание и нанес на карту русло Енисея, пройдя по берегу от Туруханска до устья более тысячи верст.

Такие вот непростые люди ходили до нас на углых деревянных суденышках под парусами, а то и просто пешим манером, в этих непростых, мягко говоря, местах – настоящие бледнолицые *ненэй ненэчи*. Теперь мы, их наследники, а по-простому потомки, шагаем по их стопам и стопам многих и многих прошедших здесь задолго до нас. Хотя, если признаться честно, нам до предков наших славных, как бойким наглым воробьям до соколов могучих.

Ионесси настолько величав, что у его истоков, изнывая от жары, лакомятся пустынными колючками верблюды, в среднем течении бурые медведи теребят таежные малинники, а в устье наслаждаются подмороженной морошкой белые медведи.

О нас и логгерах

Мы, конечно, не одни тут на Енисее о безопасности судоходства печемся, есть и важнее нас люди: и те, что рядом с нами напрягаются, и те, что сверху руководить тужатся, ценные указания

нам вниз по вертикали спуская. Скажу, не покривив душой, люди те, сверху, они важные и нужные, но все равно безопасность на наших плечах держится.

Она — это та самая безопасность судоходства. Если мы тут на земле и на воде накосячим, то никакому начальству столичному косяков этих не исправить, а посему начальство без нас как без рук и без глаз. Без рук то оно, конечно, однозначно, но с голосом, да с таким громким, скажу я вам, голосом — докричится, в какие бы дали мы ни забрели на своем лоцмейстерском пароходе «Лот».

«Лот», конечно же, никакой не пароход, но так уж прижилось в моряцкой среде именовать свои суда пароходами, независимо от вида двигающей их по морским волнам тяги.

Начальство, безусловно, думает, что оно тут и там вкруговую главное, ну а парни мои тут и сейчас думают совсем иначе. Если мы в нужной точке навигационный знак не поставим или буй не установим, начальство ни из Ленинграда, ни из Москвы вместо нас этого не сделает. Вот и соображайте, кто тут главный.

«Лот» он только номинально гидрографическое судно, а на самом деле самый что ни на есть лоцмейстерский пароход. В зависимости от сиюминутной надобности он загружен под завязку то бревнами, то газовыми баллонами, то электрическими аккумуляторными батареями, то морскими буюми. Хватает на нем и прочих, весьма необходимых на Енисее предметов. В грузе состоянии «Лот» напоминает мне бойкую бабку, бредущую с кряхтением с базара под грузом хозяйственных котомок.

«Лот» ещё тот трудяга, впрочем, как и все лоцмейстерские суда. До того как получить героическое прозвание гидрографическое судно «Лот», пароходик принадлежал Министерству рыбной промышленности СССР и носил гордое имя «СРТ – 4101», то есть средней рыболовный траулер с порядковым номером 4101.

От него и по сей день в дальних темных углах рыбьим душком пахнет. Впрочем, запах мне этот, видимо, просто мнится с учетом рыболовного прошлого бывшего траулера.

У «Лота» весьма занимательная родословная. Происходит он из семейства Эмденских логгеров. Бывший рыболовный траулер размером не особо велик, тридцать девять метров в длину и семь в ширину, осадка два с половиной метра. Он и на вид неказист, особенно когда палуба завалена по самую макушку оборудованием, необходимым нам в данный конкретный момент.

Спроектировали его в гитлеровской Германии, где в 1938 году со стапеля верфи «Шультеунд Брунс Шифсверф» сошел головной из Эмденских логгеров под именем «Дерфлингер». Что означает слово «Дерфлингер» я, к сожалению, *нихт ферштейн* ни бельмеса. Не Копенгаген, одним словом.

Траулеры эти предназначались для ловли сельди дрейфтерными сетями и бортовым тралом. После победы приписанные к Военно-морским силам Германии логгеры поделили между собой союзники антигитлеровской коалиции. «Дерфлингер» по репарациям хапнули жадные французы и приписали в военно-морской флот Франции. Хотя мне лично непонятно, за какие такие заслуги.

Видимо, за то, что эскадрилья Нормандия-Неман на наших самолетах довольно героически на восточном фронте с Люфтваффе билась. Больших свершений за французами в этой войне я что-то припомнить не могу.

Доставшиеся нашей стране в качестве трофеев логгеры пришлось по душе кому-то из руководства Министерства рыбной промышленности СССР. Руководством страны без особых мудрствований было принято решение заказать строительство крупной серии таких траулеров на германских судостроительных верфях в счет репараций.

Планировали поначалу ставить на логгеры дизели производства союзной Великобритании мощностью пятьсот лошадиных сил. *Подгадил* коварный враг, Клемент Эттли, сменивший Уинстона Черчилля на посту премьер-министра Великобритании и бесповоротно *забивший болт* на дружбу с Советским Союзом.

Задавила британских снобоватых джентльменов *жаба*, именуемая завистью, и они отказали братьям по оружию и бывшим союзникам даже в такой малости, как поставка дизельных двигателей мощностью в пятьсот лошадиных сил, для наших логгеров. Пришлось на наши логгеры, произведенные в Германии, ставить германские же двигатели сначала мощностью на триста, а впоследствии на четыреста лошадиных сил.

Водоизмещение «Лота» всего 460 тонн, двигатель дизельный, четыреста лошадиных сил, спущен на воду двадцать восемь лет назад 16.02.1952 года, но продолжает пыхтеть и трудиться и

по сей день, словно конь молодой. На двухмачтовом логгере даже парусная оснастка предусмотрена, по косому парусу на каждой мачте – фока-стаксель и бизань.

Я не уверен, правда, что паруса эти на нашем лоцмейстере еще не канули в Лету. Вполне могли морячки наши трусов и носовых платков с гарантией в сотню лет себе нашить из германской парусины. Что не говори, а немцы молодцы, умеют делать крепкие вещи – и корабли, и парусину.

И вот на этом самом логгере, произведенном на верфи в дружественном нам германском городе Штральзунд, мы и трудимся — те самые лоцмейстеры. Без нас, случись что непредвиденное, морское судоходство на Енисее просто умрет на неопределенный срок, покуда новых *мейстеров*, вроде нас, на просторах страны *по сусекам не наскребут* да на Енисей не перебросят.

Согласно военной энциклопедии, издававшейся книгоиздательским товариществом И. Д. Сытина с 1911 по 1915 год под редакцией полковника Генерального штаба В. Ф. Новицкого, «*лоцмейстеръ, должностное лицо въ портахъ, въ вѣдѣніи котораго находится постанова въхъ, бакановъ и другихъ оградительныхъ знаковъ на рейдахъ и фарватерахъ*».

Вот так вот, согласно многоуважаемому господину полковнику Генерального Штаба В. Ф. Новицкому, мы всей лоцмейстерской компанией в масштабах нашей просторной страны в эти три строки и поместились. Сдается мне, если к этому вопросу подойти плотно и вдумчиво, трех строк для этого дела маловато будет, однако. Ну да посмотрим.

Без этих бородатых парней в болотных резиновых сапогах, ватных альпаках, с топорами за поясом, как это ни смешно, никакие полковники Генерального штаба, капитаны, штурмана и прочие малые и крупные деятели, вплоть до Министра Морского флота, здесь на Енисее гроша ломаного не стоят.

Альпак — это вообще-то кожаная меховая куртка с меховым воротником, застегивающаяся на «молнию» или зип, по заграничному выражаясь, и выдаются альпаки офицерскому составу на подводных лодках и торпедных катерах Военно-морского флота. Наши «альпаки» — это ватные фуфайки на пуговичках и завязочках, сантиметров на двадцать длиннее обычных колхозных и в отличие от них имеющие капюшоны.

Какой-то юморист из Министерства морского флота СССР решил обозвать их для солидности альпаками. Нет, плохого ничего сказать не могу, фуфаечка добротная и надежная, но до настоящего альпака ей, как таракану пруссаку до носорога из Занзибара.

Топоры - они обязательны. Оружие только у начальника лоцмейстерской партии, то есть у меня — мелкокалиберная винтовка ТОЗ-8, под патрон калибра 5.6 мм, нарезная, однозарядная. Да и дают оружие не сразу. В прошлую навигацию работал я безоружным. Смотрели долго — а не дурак ли? Видимо, на всяких умников тут до меня насмотрелись.

Про бесстрашного геодезиста

В эту навигацию выдали с чистым сердцем. Поди, думают, что не дурак. Хотя вопрос, на мой взгляд, еще открытый, и закрывать его окончательно и бесповоротно еще рановато. Это я к тому, что без топоров здесь никуда.

Говорят, тут и медведи по берегам гуляют любопытные. Да и волков с росомахами в тундре никто не отменял. Я, правда, их не видел ни разу, но раз старожилы рассказывают ужасные легенды, значит, так оно и есть.

А *мелкашка*, судя по всему, инструмент чисто психологического воздействия на самого начальника лоцмейстерской партии, чтобы поджилки не тряслись, если вдруг передрыга какая неожиданно настигнет.

Посудите сами, ну что медведю эта свинцовая пулька калибра 5.6 миллиметров? Примерно, как заряд соли из дробовика в чужом саду яблочному воришке в задницу. Это я про бурого медведя, ну а уж про белого и вовсе *молчу в тряпочку*.

А прецеденты имеются. Сказывают старожилы здесь такую байку. Правда ли, не правда, врать не буду — не знаю. Может, мне самому три короба лапши на уши развесили. Я гарантий никаких дать не могу. Так что верить или не верить — это уже ваша проблема.

Как-то геодезиста нашего гидробазовского штатного катером на берег высадили по работе. Геодезист к навигационному знаку пошел, дела геодезические свои вершить, а катер к пароходу вернулся. Уговорились парни встретиться часа через три — прибегут на место высадки и подберут геодезиста *взад* с доставкой на пароход.

Открыл геодезист теодолитом на топографическом знаке свою геодезическую задачу и не спеша на бережок явился, дожидаться катера, который снимет его с берега да на пароход закинет. Время вроде правильное, как и уговорились — спустя три часа после высадки. А катера-то и нет. Ждет-пождет геодезист катера, а того нет как нет. Ну нет, прах его забери!

Оказия какая-то на пароходе приключилась. Никто уж и не помнит в действительности, что за оказия такая. Скорее всего, разгильдяйство чье-то беспардонное, если не сказать более грубо, вот и вся океанная оказия. В итоге получается, что катер, мягко говоря, припаздывает.

Геодезист на берегу веточек наломал, с одной спички, как в пионерлагере в детстве учили, костерок развел, чтобы от комаров, мошки да мокреца чуть продохнуть в дыме костровом возможность была. Коптится он в дыму у костра, грибов на веточку нанизал — шашлык грибной предвкушает.

Ну и, как водится, к фляжке с чувством исполненного долга приложился как следует. Уж я и не знаю, чем таким вкусным он ту фляжку зарядил. Да еще запах от веточки с нанизанными грибами по округе разносится просто божественный. Лепота и благодать!

Вот тут на дух этот чудесный прямо к берегу пара бурых медвежат малых выкатываются с пыхтением да гомоном. Учюяли шашлычок грибной. Нечасто среди пойменной тайги росточком в три метра с ягельными полянами такие изысканные гастрономические амбре по воздуху разносятся.

Медвежата повертели носами, определили направление и ударили бегом к геодезисту во все лопатки. Любопытные малыши попались, да и грибами жареными полакомиться за компанию с геодезистом вовсе не прочь.

Увидел геодезист такое дело, обеспокоился, возьми да и шумни на них рыком не то тигриным, не то драконовым. Знатно так рыкнул, под кураж легкий, в хмельной голове взыгравший. Медвежата тут же в испуге по тормозам ударили. А из кустов пойменных такое рычание в ответ разнеслось, что куда там нашему геодезическому худосочному «дракону»!

Медведица-мамка малышей своих защищать примчалась, и тоже галопом, что тебе конь, прямиком к нашему геодезисту. У нее свой кураж взыграл, материнский. При таком кураже медвежьем, если кто спрятаться не успел, тут ему и хана по полной программе. Амба!

Сыроядцы именно так полный и окончательный п... на своем таежном сленге обозначают. Читайте книжку «Дерсу Узала» писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева. Читали? Ну, если читали, тогда вы поймете!

Когда на тебя галопом мчит медведица, пылая гневом за своих обиженных тобою потомков, это и есть та самая жуткая и неотвратимая «Амба»!!! Благо Господь умудренного геодезиста не только опытом, но и разумом не обидел — выхватил тот из костра горящую ветку и ну ею от медведицы отмахиваться.

Когда катер таки подошел к бережку за геодезистом, тот уже последние головни из костра в медведицу покидал и бросил в бой последний резерв — своё горящее исподнее бельё. Из одежды на геодезисте только сапоги резиновые да трусы пятьдесят шестого размера, пошива фабрики «Большевичка», из добротного советского черного сатина.

Потерявши голову, по шапке не плачут. Почти так в нашем случае и вышло. Благо хоть голова осталась цела, *не разукомплектована*, так еще в довесок и целехонькие сапоги с трусами, причем абсолютно не претерпевшими глобальных изменений. Почти в наваре, в смысле в прибыли, геодезист остался. Как одежду на себе руками в клочья рвал, вовсе не помнит, только ногти окровавленные - в подтверждение почти боевого столкновения.

Так в этих трусах с теодолитом в руках, бросив в медведицу остатки горящих кальсон и грибного шашлыка, он и запрыгнул в катер. Надо отдать должное геодезисту, теодолит не бросил. Истинный профессионал. Да и как бросишь? Начальство потом спросит. А начальство, оно порою страшнее медведицы рычит.

Что касемо комаров, которые сидели на геодезисте ровным слоем, они у него с перепугу в памяти как-то не отложились — не до комаров было. Уж коли такие мифы о медведях в местном фольклоре присутствуют, знать, и медведи где-то рядом далеко не мифические прогуливаются — не бывает дыма без огня.

О вреде огнестрельного оружия

Оружием я стараюсь не пользоваться после одного очень показательного случая. Случай этот начальству неизвестен, а то бы меня без всяких соплей отлучили бы от винтовочки моей навечно.

Мчались мы как-то всей командой по своим лощейстерским делам с ветерком по тундре, оседлав вездеход верхом. Выскочили к озерку небольшому, с полкилометра в диаметре. А посреди озера плавают уточка одинокая.

Грохнул я прикладом *мелкашки* в кабину, вездеходчик ударил по фрикционам так, что меня чудом не «выбило из седла». Благо в поручень вцепился, а то слетел бы прямо под гусеницу. Прицелился я в эту одинокую уточку прямо с вездехода. Метров сто до неё. Вот, ей Богу, не вру. Щёлк! Попал, но только ранил птичку, крылышко ей подбил. Взлететь она, бедная, не может, видно, что крыло в сторону повисло.

И погребла моя уточка подальше от нас, к противоположному берегу. Парни мои, сидя на вездеходе, перекур решили устроить, а я за уточкой по бережку озера поближе подбираюсь. Вышел напротив вездехода, уточка уже метрах в ста пятидесяти, между мной и вездеходом.

Испугалась бедняжка и гребет уже от меня в сторону вездехода. Ну, тут я и оторвался. Затвором клацаю, на курок жму — канонада грандиозная. Сразу-то не обратил внимания, что звон какой-то металлический от противоположного берега доносится — цок да цок. А как от вездехода вопли суматошные донеслись, тут я на команду свою лощейстерскую и обратил внимание.

Все мои парни, как горох с вездехода ссыпались да залегли, словно в боевой обстановке. Кое-кто даже за вездеходом укрылся, те, кто поумнее да сообразительнее. А я толком-то и не могу понять, что там за *китеш* такой происходит.

Плюнул я на уточку раненую, тем более она в кусты куда-то угребла. Жалко её, несуразную, стало. Страдает ни за понюх табаку. Напрасно я стрелял изначально, потому как все равно ее не забрать. Азарт, мать его.... Видит око, да зуб неймет. Вода в озере холодная. Да и нужна уточка мне та, как зайцу стоп-сигнал. Возвращаюсь.

Ох, и наслушался я от деда Юдина. Накрутил он мне хвоста по первое число на правах старого опытного полярника. Физику я вроде в школе учил, а как-то применить к конкретной ситуации не сподобился. Вот уж, воистину, угол падения равен углу отражения. Закон природы, м..! Мог бы и сам додуматься.

Ох, и нехорошо мне как-то стало, когда представил, в какое знатное дерьмо я мог запросто вляпаться. По ходу мой Ангел-хранитель меня уберег, не допустил, чтобы кто-то из парней из-за моей дури пострадал, а я в казенный дом загремел лет на десять.

А оно вот в чем дело-то. Стою напротив вездехода, стреляю по уточке. Вода - она же мокрая, жидкая и мягкая. Это для меня мягкая, а для пуль свинцовых, увы. Пули свинцовые под тем же углом, под каким приходят к поверхности воды, рикошетом от нее, мягкой и жидкой, уходят в воздух и прямиком в вездеход примерно на высоте моей груди. Бац! Бац! Бац!

Я-то по наивности думал: раз вода мокрая да текучая, то и пульки в нее нырять запросто будут. Ан нет, не ныряют, разрази их гром! Физика, однако.

Парни, как поняли, что пули свинцовые о борт вездехода плющатся с чмоканием, так и посыпались с вездехода в разные стороны да заблажили громогласно в мой адрес на русском национальном языке, или попросту на матерном.

Благо в руках *мелкашка* была с маленькими свинцовыми пулями, а ну как мне ствол какой серьезнее выдали бы, карабин, к примеру, трехлинейный, калибра 7.62, конструктора товарища Мосина - генерал-майора русской императорской армии?

Бог миловал, никого из своих подчиненных, к счастью, я в тот день свинцом не попотчевал. А мог бы вполне. Знали бы мои начальники про эти мои оружейные подвиги, точно бы мне хвост оторвали напрочь вместе с бубенцами. Как позже выяснилось, история эта до начальства так и не дотекла — не стуканул руководству на меня никто из моих парней.

Где не ступала нога человека

Интересная у нас жизнь, щедрая на различные оказии. Постоянно подсовывает поводы сесть в тюрьму, причем сесть надолго, а то и вовсе мир сей бранный безвозвратно покинуть. Который раз уже мне глупость, и немалая, с рук сходит. Не иначе как сверху за мной кто-то присматривает да на всю мою дурь, во всю её возможную ширь развернуться не позволяет. Тьфу, тьфу, тьфу!!! Это чтобы не сглазить.

Есть у меня из личного опыта наглядные примеры тому. Года четыре назад на производственной практике бултыхались мы с сокурсником моим Серегой Аристовым из

Петропавловска-Камчатского до бухты Провидения на гидрографическом ледоколе «Георгий Седов», с тем чтобы оттуда отправиться через Берингов пролив в Восточно-Сибирское море на промер в качестве техников-гидрографов. Просоленные океанской волной старые морские «крабы», конечно же, скажут, моряки, мол, по морю не плавают, не бултыхаются, а ходят. Так вот я уточняю: шел по морю ледокол «Георгий Седов», а мы, курсанты, окончившие четвертый курс ЛВИМУ имени адмирала Степана Осиповича Макарова, на нем бултыхались и периодически травили за борт макаронами по-флотски и компотом из сухофруктов.

Кто бывал на ледоколе в море, тот знает, что значит на нем бултыхаться. Корпус у ледокола яйцеобразный, если применить грубую аналогию, оттого маломальская волна валяет ледокол почему зря. Болтанка, скажу вам, еще та, особенно если учесть, что ледокол небольшой - гидрографическое судно проекта 97-Д, в просторечии называемый ледоколом портовым.

Таких в Гидрографическом предприятии два, кроме «Георгия Седова», принадлежащего Провиденской гидробазе, еще «Петр Пахтусов» с Архангельской гидробазы.

Травили, конечно же, не в смысле байки рассказывали, а просто и откровенно блевали за борт. «Блевали» - слово довольно вульгарное и абсолютно сухопутное, поэтому настоящие моряки испокон веков не блюют, а травят. Ну, это моряки так по-морскому этот процесс называют, а на самом деле, конечно же, блюют просто и беззастенчиво. Причем именно за борт. А то и вульгарно прямо на борт, если волна в борта сурово *стебает*, сбивая неперевавленную субстанцию с расчетной траектории.

Бултыхались мы и попутно на переходе между приступами морской болезни подрабатывали от безделья в качестве матросов-уборщиков, исполняя довольно привычную для курсантов работу по надраиванию внутренних коридоров и галлюнов означенного ледокола до ослепительного блеска.

Ледокол до нас кто-то довольно прилично *зачухал*. Так что мы довольно долго не могли привести его в более-менее приличный вид, не говоря уже о возможности отдраить до блеска. За это старпом на нас недовольно косил фиолетовым лошадиным глазом. Есть такой способ выражения начальственного недовольства.

По прибытии в бухту Провидения денёк мы погуляли в поселке по берегу, выпили водки, прослышав, что лекарство сие как рукой снимает симптомы морской болезни. Потом наш ледокол двинул по направлению к дырочке между Чукоткой и Аляской, именуемой Беринговым проливом. Это тот, который Америку от Евразии отделяет.

В нашем конкретном случае водка не помогла. В моем случае не помогла. А Серега оклемался и перешел на имевшуюся на пароходе у ледокольного капитанармуса «Сливу в вине». А может, у ледокольного баталера (я чего-то не в курсе, как его правильно обзывать следует - то ли капитанармусом, то ли баталером).

Продукт сей («Слива в вине») представляет собой прозрачное вино цвета спелого вишневого сока в стеклянной трехлитровой банке с ржавой жестяной крышкой, с одинокой субтильной сливкой на дне. Если бы на банке не было на чистом русском языке написано «слива», я бы никогда не догадался, что это слива.

Что касается Сереги, он потомственный моряк и полярник, посему закалка полярная у него на генетическом уровне, можно сказать, в крови. Папа Сереги Аристов - известный полярный исследователь, истоптавший вдоль и поперек Арктику и Антарктиду. Так что Серегу просто обязывает положение — он продолжатель полярной династии.

А мне *по барабану*, мой папа устроился в теплых краях, бороздит Тихий и Индийский океаны в тропических широтах, и мне за борт травить не зазорно. У нас тоже династия, но рыбацкая, без суровых полярных предрассудков. Я утешаюсь еще и тем, что однорукий морской волк с подбитым глазом адмирал Горацио Нельсон всю жизнь выносил с собой на капитанский мостик флагманского корабля специальное ведро, в которое на хорошей штормовой волне имел обыкновение выдавать обед обратно. И происходило это на протяжении всей его жизни от молодых ногтей вплоть до момента гибели от мушкетной пули в Трафальгарском морском сражении.

Команда адмиральского флагмана всячески препятствовала попыткам адмирала травить, перегнувшись через борт флагманского фрегата, из опасения потерять «Контр-адмирала Красного Флага» в глубоких водах Атлантического океана. А уж если что-то не зазорно Горацио Нельсону, то вовсе не зазорно и мне, будущему гидрографу.

Кстати, это уж потом мой вахтенный начальник инженер-гидрограф Серега Тегалев из КАГЭ-4 просветил меня, что водку надо не заходя пить с целью профилактики морской болезни, а в самый ее пик. То есть наступает момент, когда морская болезнь *забодала* тебя окончательно, перегнула через борт родного плавучего средства и выпотрошила все тобою съеденное за обедом прямо в морскую волну. Вот тут-то и необходимо незамедлительно принять то самое лекарство.

Инженеру моему, видимо, надоело смотреть, как я через фальшборт с волной бодаюсь, пачкая борт ледокола бывшими в употреблении макаронами по-флотски, рискуя безвозвратно занырнуть в глубины океанские. Вот в этот момент мне, молодому и зеленому от болтанки, Тегалев и нацедил двухсотграммовый граненый стакан.

Причем нацедил водки из собственных, весьма ограниченных и быстро убывающих запасов по самый рантик и сухарик презентовал вдогонку. Первые сто граммов пришлось глотать через силу, а вот последующие граммы *влетели в желудок соколами*.

Придавил я граммы эти сверху сухариком с корочкой поджаристой, на камбузе, видимо, приготовленным специально по рецепту супротив морской болезни. И, на диво, мне сразу полегчало. Причем полегчало несказанно. Ушла болезнь моя морская окончательно и бесповоротно в никуда. Пропала бесследно, утонув в бездонных океанских глубинах. Горацио Нельсон за такой нехитрый рецепт, наверное, не один свой адмиральский месячный оклад выложил бы с чистым сердцем.

Но все равно Серега просто волшебник. Я умирал от качки, а он меня поставил на ноги и вернул к жизни — просто доктор Айболит. Тегалев еще посмеивался тогда, дескать, качает тебя, дружище, в противофазе с морской волной, оттого ты, словно гиросфера гироскопа, всегда в плоскости истинного меридиан.

Шутки шутками, но после этого стакана все в корне изменилось и я уже более не кормил живность морскую своими неперевавленными обедами. Серегу Тегалёва я вспоминаю с благодарностью по сию пору, жаль, что покинул он уже юдоль земную. Царство ему небесное!

Километрах в ста тридцати севернее бухты Провидения, на берегу Сенявинского пролива в долине реки Ключевой, в 1,5 км от устья, имеют место существовать в природе Сенявинские (Пенкигнейские) ключи — термально-минеральные источники с температурой рассола от 20 до 80 градусов Цельсия.

Наш капитан принял решение побаловать экипаж купанием в этих источниках под шашлык на лоне природы - авансом перед трудами праведными на просторах Северного ледовитого океана.

Последние научные данные: «Воды Сенявинских источников обладают низкой минерализацией, по составу представляют собой слабый раствор поваренной соли с примесью хлористого кальция, слабо насыщены радоном. Климат в районе источников океанический, прохладный, при этом относительно мягкий.

Годовая амплитуда температур не превышает 40 °С. Среднегодовая температура воздуха составляет -4,9 °С, минимальная температура составила -42 °С, максимальная +21 °С. Безморозный период длится целых 68 дней. Летом часто случаются туманы. Годовая сумма осадков составляет 530 мм. В зимний период часто бывает пурга, устойчивый снежный покров сохраняется 248 дней в году».

Приняли мы с Серегой водные процедуры в этих термально-минеральных купальнях, обшитых досками, но как-то нам такое купание не дюже глянулось. Поэтому мы отошли от купальни к речке Ключевой, где каждый выложил у самого уреза реки из камней себе ванночку, устроив таким образом, чтобы стекавшая в них из источника на берегу горячая минеральная вода разбавлялась струей холодной речной воды.

Поэкспериментировав минут пятнадцать, я достиг приемлемого результата, так что в моей ванне смесь минеральной и речной воды достигала вполне устраивающую меня температуру в рамках от тридцати до сорока пяти градусов Цельсия.

Продремали пару часов в своих рукотворных радоновых купальнях, отведали шашлыков от щедрот капитана нашего ледокола. Просоленные океаном ледокольные ветераны горячительными напитками нас тоже не обошли.

Это несмотря даже на то, что мы, вроде как зеленые практиканты, на борту без году неделя, а посему все-таки явление в составе экипажа временное. Даже старпом перестал на нас своим лиловым лошадиным взглядом косить.

Отведав заполярного шашлыка, мы решили прогуляться по Чукотке, предпочтительно в местах, где до нас еще не ступала нога человека, как мы имели наглость надеяться. Поднялись на небольшую сопку в снежной шапке у самого моря, обрывающуюся вертикально на пляж, усыпанный гранитными глыбами и периодически заливаемый прибойной волной.

На самой вершине над обрывом нависал козырек, метра на три выдаваясь за вертикаль обрыва. Под козырьком обрыв имел отрицательный уклон, причем козырек был массивный, размером метров в пять по вертикали. Ну, я передал фотоаппарат Сереге, дабы он меня запечатлел на самой этой *пунке*, и пошёл напрямиком на козырёк.

Подошел к краю карниза, посмотрел вниз, и как-то мне симптомы морской болезни довольно истерично замяукали в родном моём организме. Голова кругом, поплохело мне изрядно, мягко выражаясь: зрелище внизу ещё то. Подо мной метрах в тридцати на огромных каменных валунах бушевал океанский прибой.

Отступив от края козырька на метр, дабы порывом ветра не сдуло, я кое-как принял подобие героической позы и был запечатлен Серегой во всей красе над самой пропастью. Ну прямо покоритель Джомолунгмы, *Тигр снегов*, как Норгей Генцинг, *мл...*

Этим же вечером после пикника наш ледокол двинул к Берингову проливу, имея в перспективе заход на сутки в самый восточный поселок Советского Союза Уэлен. А я следующим утром после приведения ледокольных гальюнов и коридоров в более-менее приличное состояние отправился в фотолабораторию и, проявив фото пленку пленку, напечатал фотографии.

Ответственный за фотолабораторию механик лет тридцати, давший мне ключи от лаборатории, спустя сутки накрутил мне хвоста за то, что я забыл слить закрепитель, оставив его в посуде, в результате чего при смене курса судна бортом к волне бачок с проявителем перевернуло. Короче, полный конфуз. Пришлось механику из-за моего беспардонного разгильдяйства самому делать приборку в фотолаборатории. Когда он этим занимался, видимо, и просмотрел развешанные мною на просушку фотографии.

Хвост он мне накручивал после обеда с глазу на глаз на выходе из кают-компании. Вот тут же он мне попутно и мозги почистил на тему безопасности. Типа того, что, прежде чем куда-то лезть, надо посмотреть, куда лезешь, а потом, включив мозг, определиться, а надо ли туда переться. Он вообще высказывался посредством более крепких терминов и выразил сильное сомнение в моей умственной полноценности.

Оказалось, что висящий над обрывом козырек, на который я забрался, вовсе не был частью гранитной скалы. Это был просто карниз из намерзшего на вертикальной скале снега, который за двести сорок восемь дней устойчивого лежания снежного покрова уже превратился в лёд.

Лед уже подтаял на солнышке и даже без воздействия на него моего пусть и не очень упитанного организма должен был если не сегодня, так завтра неминуемо отвалиться вниз к подножию обрыва. Мне же чрезвычайно повезло, что я не уронил козырек вместе с собой, нагрузив весом своей тушки, вниз на три десятка метров в прибойную волну заполярного пляжа.

Фото это у меня в альбомчике по сей день приклеено. На нем четко и ясно видно, что парень, стоящий на снежном козырьке в героической позе «Тигра снегов», таки полный снежный баран. Сумасшедший муфлон! Хотя, мнится мне, что до сумасшедшего я все-таки не дотягиваю. Знала бы эту историю моя мама, она бы мне точно...

Признаюсь честно, бывает со мной такое порою. Не то что бы я специально *дурака включаю*, не, он у меня как-то сам, неосознанно включается, автоматически. Не часто, но бывает. Что уж тут греха таить. Да и Серега Аристов непонятно куда смотрел, полярник, *м...*, потомственный. Намешал по ходу шашлыка с напитками горячительными изрядно.

Вот так и сбывлась моя мечта побывать на Чукотке в местах, где до меня еще не ступала нога человека. Я уверен абсолютно, что на всей Чукотке не нашлось второго такого умника, кто решился бы залезть на этот снежный карниз. Да что там Чукотка, можно смело утверждать это за весь Советский Союз, как, пожалуй, и за весь Земной шар. Вот и скажи после этого, что не бывает чудес на свете. Тьфу, тьфу, тьфу!

Понимаю где-то альпинистов: значок «Альпинист СССР», значок «Мастер спорта СССР», звание чемпиона СССР по альпинизму или по скалолазанию, почетные звания «Снежный барс», «Тигр скал» или «Тигр снегов» для кого-то цели вожаемые, ну а меня-то каким ураганом на тот карниз занесло? Альпинист нашелся! Тьфу!

Кстати, судя по всему, снежный карниз на том обрыве намерзает ежегодно. Так что, если кто желает на том карнизе подобно мне испытать свою дурость на крепость, вот вам координаты: 64° 44' 13" с.ш. и 172° 51' 21" з.д.

Что-то я опять отвлекся от основной темы. Винтовка ТОЗ-8 и теперь при выезде всегда со мной, но пребывает постоянно в кабине вездехода, и полная ответственность за нее я возложил на техника деда Юдина. Стрелять из нее я с той поры избегаю, даже в самых заманчивых ситуациях. Второй снаряд в одну воронку, может быть, и попадает иногда, но мы, лоцмейстеры, в ту же воронку второй раз уже не заползаем — умнеем на глазах, однако.

Такие вот пироги! Учеба на собственных ошибках — самый эффективный метод обучения молодых специалистов, особенно в рядах доблестных лоцмейстеров.

Лоцмейстерские хлопоты

Старожилы енисейские бают, что и сомы, и осетры здесь крупнее нильских крокодилов водятся. Такие монстры, с которых одной икры пару-тройку ведер взять можно. Им и человека утопить проще простого. Сомнительно, конечно, но я верю. Впрочем, я и до того, как байки эти услышал, не горел желанием водные процедуры принимать в енисейской водичке. А хочется верить, что есть на свете что-то такое, чего никто еще не видел. Может, мне повезет, и я смогу увидеть это, никем не виданное. В общем, старая песня - про то, где и как не ступала нога человека и чего глаз человека никогда совсем не видал, однако.

Бывает, что нас, лоцмейстеров, тоже кое-кто иногда дразнит гидрографами. Помнится, бабушка моя, Мария Филипповна, любительница деревенского юмора, когда я приезжал из училища в отпуск, все выпрашивала меня: «Ну как там дела, Женечка, в *альме* вашей матери?»

Учили нас, и гидрографов, и лоцмейстеров, в одной *альме* нашей матери - на Арктическом факультете легендарного Ленинградского высшего инженерного морского училища имени адмирала С. О. Макарова. Да и специальность у нас одна — гидрография, и зовут нас всех инженерами-гидрографами.

И в дипломах у всех одинаково начертано — инженер-гидрограф. Начертано, это слишком хорошо сказано, скорее, нацарапано словно курица лапой. Руки бы секретарше факультетской по самую шею оторвать за такой почерк.

Проучиться шесть лет и в итоге получить диплом, безвозвратно испорченный безобразным корявым девичьим почерком. Ладно, мне *по фигу*: у меня диплом синий. А как парням с красным дипломом инспектору отдела кадров в глаза смотреть? И как, спрашивается, на это корявое безобразие глаза декана Арктического факультета смотрели?

Гидрографам не повезло, и они попали на белые, серые, красные и оранжевые (бывают и такие) гидрографические суда, которые гуляют галсами в Северном Ледовитом океане, а то и где-нибудь в жарких тропиках, измеряя глубину океанов и в конечном итоге выдавая в качестве результата морские навигационные карты. Четыре часа вахта, восемь часов сон, четыре часа вахта, восемь часов отдых, завтрак, обед, ужин, киносеанс в кают-компании, променад по палубе с перекурком, если волны по ней не гуляют бесконтрольно, — вот и сутки прочь.

Ну, в теплые или жаркие воды попасть - явление выдающееся, не ко всем так Фортуна благоволит. Такая счастливая планида в нашей структуре поджидает людей редко и исключительно избранных, кровными узами повязанных с тяжеловесными фигурами в высших инстанциях нашей структуры. В основном же народ бороздит моря и океаны в водах весьма и весьма прохладных, а то и вовсе на гусеницах по океанскому льду передвигается.

Представляете весь этот ужас? Бесконечное движение параллельными галсами, с интервалом, допустим, сто метров. Каково утюжить заданную акваторию слева направо, с севера к югу либо с востока на запад, туда, сюда, обратно. Тык карандашиком в планшет, тык, снова и снова тык, тык, тык. Этим же карандашиком почесал за ухом и опять тык в планшет: тык, тык, тык.

И так всю арктическую навигацию, три-четыре месяца кряду. Берега не видно, кругом одна свинцовая вода, да лед разноцветный периодически. Скучно! Да что там скучно! Тоска вселенская! Если кто и повеселит порою, так либо моржи с тюленями, либо белые медведи.

А если ты еще и на ледоколе, а каюта у тебя в самом носу, и ты, находясь в койке, упираешься затылком в форштвень. Форштвень на ледоколе — это на носу такая штука, которой ледокол лед

ломает. Ощущения настолько сильные, что мнится, будто ледокол крошит льдины твоим собственным затылком. Каково, я вас спрашиваю?

А вот нам повезло чрезвычайно — мы лоцмейстеры. Енисейские лоцмейстеры. У нас что ни день, так какое-нибудь свеженькое событие на наши многострадальные «сидячие места» и романтические души. Спать нам в период навигации по большому счету некогда. Во всяком случае, начальство считает, что и ни к чему это нам, дескать, зимой отсыпаться будете.

Зимой Енисей замерзает, покрывается толстенной коркой льда два метра толщиной, а то и более. Нам по осени, перед ледоставом работа. Пока мороз не впаял окончательно и бесповоротно в лед морские буи, устанавливаемые для ограждения судоходного фарватера, их необходимо поднять из воды.

Если погодка нарушила планы и буи уже вморозило в молодой лед, надо их вырубить и забрать-таки на базу вопреки всем препонам. Есть такой сугубо полярный исключительно популярный у лоцмейстеров научный инструмент — пешня называется.

Ломом речной лед долбить нельзя. Впрочем, можно и ломом, просто в этом случае ломов не напасешься. Когда лом пробивает лёд, он уходит вниз на дно со стопроцентной гарантией. А пешня — это стальной наконечник на палке, даже если упадет в воду, не тонет.

Стоимость большого морского буя соизмерима со стоимостью новенького, только с конвейера «Жигуля» (скажу честно: если я и привираю, то сущий пустяк). Посему потеря большого морского буя строго карается законом, как, впрочем, и малого.

А посему вырубают их изо льда, хоть кровь из носа. На место буев ставятся ледовые вехи, дабы моряки, привыкшие к океанским просторам, меж двух Енисейских берегов не заблудились да на бережок, паче чаяния, пароходом своим не выкатили.

Всю зиму парни из лоцмейстерского отряда мотаются на вездеходах и на арендуемом в авиапредприятии вертолете по пойме Енисея, снимая маячное оборудование с навигационных знаков, которым весной предстоит превратиться в деревянное крошево под напором енисейского ледохода.

Экипажи гидрографических судов, выполнив все поставленные задачи, с ледоставом завязывают трубы пароходов, дабы в них снега не нанесло пургой, и начинают праздновать этот знаменательный факт. Причем процесс завязывания трубы весьма небыстрый, а уж о процессе празднования данного события я и вовсе... помолчу.

Следующий номер программы просто колдовство высшего уровня полярного мастерства. Дождавшись лютых морозов и достижения льдом максимальной толщины, экипажи начинают рубить во льду майны по периметру корпуса парохода, оставляя через определенное расстояние перемычки, способные удержать судно в вертикальном состоянии.

Майны не пробиваются на всю толщу льда, так что они остаются сухими и команде открывается доступ к подводной части корпуса. Вот эти доступные руке мастера участки корпуса отдраиваются от ржавчины, водорослей, ракушек и щедро покрываются суриком. У боцмана все строго размечено, и в следующем году он с командой будет рубить майны и драить корпус в тех местах, которые в этом году оказались недоступными за ледовыми перемычками.

Лоцманы всю зиму в отсутствие простора для творчества вяжут ивовые корзины на ледовые вехи, пьют чай вприкуску с разговорами и делают много всяких полезных дел, на которые способны только совсем замшелые морские волки. В том числе помогают лоцмейстерам готовить строевой лес, необходимый для строительства навигационных знаков в пойме после ледохода.

Потом народ по мере окончания плановых работ выгоняют в отпуска, отдают заработанные в навигацию отгулы. Местные парни наслаждаются отдыхом на малой Родине, а залетные из материковой части Союза разлетаются погостить по городам и весям в свои родовые поместья и вотчины.

К началу, а то и к середине мая народ стекается на гидробазу, отдохнувший и свежий, как зеленые огурцы в пупырышках с грядки, и начинается подчистка хвостов к началу навигации.

По весне, а в Заполярье, как известно, это где-то в середине июня, начинается на Енисее в районе Игарки ледоход. Ледоходом в пойме Енисея, словно опасной бритвой, под корень выбривается все навигационное обеспечение, которое лоцмейстеры в поте лица строили и устанавливали практически все предыдущее полярное лето.

И летят в реку под напором льдин навигационные знаки, ледовые вежи, створные знаки – все то, с помощью чего штурман и лоцман могут определить место нахождения судна на реке. И пока лоцмейстеры все это хозяйство не восстановят – ни один уважающий себя капитан морского судна в Енисей не сунется ни под каким соусом.

А бороздят Енисей, помимо разной речной мелочи, еще те морские монстры — рудовозы в Дудинку и лесовозы в Игарку. И осадка у этих монстров будь здоров! С такой осадкой чуть в сторону от фарватера - и *кранты* авторитету любого самого заслуженного капитана самого дальнего плавания.

Это только фраза такая — «восстановление навигационного обеспечения», создающая впечатление, что вроде там, в пойме, что-то слегка подломилось и это подломившееся надо ну самый чуток подремонтировать. Вот уж, хренушки!

На самом деле ничего там не осталось, одни намеки, благо еще, если центры навигационных знаков льдом не сбрило. Зачастую и центров не остается, хотя это вколотые в вечную мерзлоту тундры на полтора-два метра стальные трубы, зачастую с бетонной подливкой. А это значит, что все надо строить заново.

Навигационный знак — это тренога из связанных толстенной стальной проволокой бревен диаметром двадцать-тридцать сантиметров, высотой от десяти до двадцати метров. Надо в вечной мерзлоте выдолбить ямы под эти три бревенчатые ноги.

Пока собирается сама тренога и выдалбливаются в вечной мерзлоте ямы для опор навигационного знака, верхний слой тундры до мерзлоты растаптывается доблестными лоцмейстерами до состояния жидкого грязевого киселя.

Две передние ноги подгоняют к вырубленным в мерзлоте ямам так, чтобы при подъеме основанием съехали до места. Сама тренога раскладывается подобно латинской букве «Y». И в жидкой грязи партия из десяти лоцмейстеров, руководимых инженером и техником, буксуя резиновыми сапогами по вечной мерзлоте, начинает подъём этого сооружения. Строители египетских пирамид, завидуя лоцмейстерам, нервно курят в сторонке мелко порезанные листья финиковой пальмы.

Леонид Федорыч

Руководство подъемом знака инженер осуществляет единственно возможным чапаевским методом — впрягается наравне со всеми в бревно впереди на белом коне. Как говорит мой куратор, Севастьянов Леонид Федорович, тренировавший в прошлую навигацию мое тело и мой лоцмейстерский дух начинающего полярника: «Пока ты, начальник, работаешь — работают все!».

Это в теории. На самом деле речь не идет о работе начальника карандашом, или с геодезическими приборами, или о какой-либо другой напряженной умственной деятельности. В конкретной ситуации происходит следующее: указывая своим толстым пальцем, Федорыч произносит, что, дескать, мы с тобой начальники, поэтому нам с тобой необходимо нести вот это начальственное бревно, самое толстое из всех имеющихся в наличии.

Мне Федорыч определяет место с тонкой стороны бревна, сам берется за толстый комель. Такой уж у него стиль руководства. Это может быть не только бревно. Это может быть стальной баллон с ацетиленом, который надо на руках тащить полкилометра, а то и километр от уреза воды на коренной берег к навигационному знаку.

На руках все это переносится, если в данном конкретном месте нет нормального пути от уреза воды к навигационному знаку, где мог бы пробежать вездеход.

Носить приходится аккумуляторные батареи, ну и много всякого тяжелого оборудования - всего и не перечесать. Пока начальник перетаскивает самые толстые и тяжелые предметы, у подчиненных где-то в глубине души начинает просыпаться совесть, не позволяющая им прохлаждаться без дела.

Но пашут подчиненные ровно до того момента, пока начальник не сбросит предмет со своих плеч и не присядет покурить. И потому Федорыч всегда впереди на белом коне и волочит на себе самое на данный момент неподъемное имущество.

Ну а я, как правило, заносу хвост его белого командирского коня, в смысле хвост транспортируемого им предмета. Вот такой у меня куратор! Ну а я типа стажируюсь на роль

начальника на белом коне. Просто кино «Чапаев» — Василий Иванович в паре с ординарцем Петькой! Я страдаю под бревном в роли ординарца.

Правильный мужик Леонид Федорович. Кабы моя воля была, Федорыч уже в качестве члена Политбюро ЦК КПСС по Красной площади у Мавзолея прогуливался. Вот именно такие мужики страной рулить должны, а не хлыщи с гладкими рожами, и тогда все было бы с Родиной у нас пучком, в смысле в порядке.

Федорыч парень тертый. После школы каким-то ураганным ветром задуло его к золотоискателям, промышлявшим артелью золотой песок где-то за полярным кругом. В армии попал в морскую пехоту, скорее всего, по причине доставшихся от родителей медвежьих габаритов.

Всем в стране известно: где морская пехота СССР — там победа! Это прямо-таки про нашего Федорыча сказано, тютелька-в-тютельку. В самую точку! А уж после морской пехоты штормовым ветром морской романтики занесло его в полярные гидрографы — в Ленинград, на Арктический факультет «Макаровки».

Куратор мой мастер на все руки, он даже полярных куропаток в сотне метров от дома навострился лично силками добывать. В общем, человек, уважаемый всюду и всеми, родовой из казачков. Стержень в нем присутствует негибкий, казацкий.

Чувствуют люди в нем этот стержень. Даже спирт пьет Федорыч только чистый — не понижая градус водичкой. И, что стоит отметить, меру свою знает, как *Отче наш*. Правильный человек, каких не часто встретить удастся в нашем подлунном мире.

В эту навигацию Федоровича с нами нет, забрал семейство и отбыл на борту гидрографического судна «Дмитрий Овцын» в качестве третьего помощника капитана в Финляндию на длительный ремонт. Грустная история. Привык я уже к Федоровичу за прошлую навигацию.

Вроде справляюсь и без него, но все время ощущение, что не хватает кого-то рядом. У меня, особенно первое время, было прямо-таки обостренное чувство невосполнимой потери и эдакого горестного лоцмейстерского сиротства.

Нам по плечу ломать и бревна

На фронтальной паре «ног» из бревен набита решетка из досок, и весит эта конструкция... просто стыдно произнести вслух, если не придерживаться литературных выражений. Верхушка треноги приподнимается над землей, а третьей «ногой» в качестве рычага, упираясь в жидкую грязь болотными сапогами, лоцмейстеры выталкивают все сооружение вверх.

Случается, что третья, опорная «нога» не выдерживает веса знака и ломается словно спичка. И вот вся эта штуковина, весом от одной до полутора тонн, начинает *хламообразно* валиться вниз прямо на головы многострадальных лоцмейстеров.

Нужен немалый навык и недюжинная расторопность, чтобы вовремя удрать с траектории падения знака, не пересечься с ним и не оказаться сломанным этой махиной. Тут уж не зевай, иначе все кончится очень плохо.

Как правило, удрать с места приземления конструкции в тундру, растоптанную сапогами в грязевое болото, успевают все, однако не без исключений из правила. Мне это удалось с первого раза. Не зря шесть лет в «Макаровке» муштровали.

Такова природа полярной грязи: она холодная и скользкая. Да вечная мерзлота под ней тоже скользит. Бегать в сапогах быстро в этом киселе с ледяной подложкой могут только выдающиеся чемпионы-легкоатлеты, к коим мы точно, увы, не принадлежим.

Поэтому личный состав лоцмейстерской партии в случае необходимости передвигается быстро, не раздумывая, исключительно на рефлексах и делает это, спонтанно разувшись, строго без сапог — только портянки вслед босым пяткам в воздух взлетают. Сапоги увязают и остаются в грязи под обломками знака. Потом начинается поиск сапог — долго и мучительно, наощупь, руками и голыми пятками в ледяной грязи.

Имел место такой случай и в моей жизни. Не помню точно, но мнится мне, что это был второй помощник с «Лота» Федя Росихин. Так уж случилось, что то ли от задумчивости, то ли с похмелья, ну, не успел человек удрать из-под падающего навигационного знака.

Благо, под суматошные крики коллег лоцмейстеров «Падай, б..! Падай!», сообразил человечество, что стоять в ожидании удара тяжелой штукой по темечку никак нельзя. Собразил

и, произведя экстренно нехитрые геометрические расчеты, рухнул в правильном месте плашмя прямо в грязевой кисель под ногами.

Господь хранил имярека. Бревно миновало задумчивого парня, лишь щитом легонько по заднице пришлопнуло. Не успел ягодицы в болотной жиже притопить надежно. Пришлопнуло легонько, но гематома на «сидячем месте» была, по слухам, весьма и весьма впечатляющая.

Впрочем, пострадавший это место никому из нас показывать не стал, постеснялся. Обошелся описанием на словах. Как говаривал мой ротный командир капитан третьего ранга Альберт Сергеевич Голицын: «Трудности укрепляют молодежь». Шрамы же украшают мужчин, даже если шрамы эти расположены прямо на самой заднице. Девчонки любят парней со шрамами.

Все бы ничего, но в дополнение к уже имеющим место минусам знак, упав, вдавил обрешеткой бедолагу в болото и не дал поднять голову из грязевой жижи. А работаем мы, как ни странно, без аквалангов. А всякой нормальной голове, как известно, каждые три секунды требуется глоток свежего воздуха.

Соратники по борьбе за безопасность морского судоходства на реке Енисей, слетевшись коршунами к месту ЧП, в экстренном режиме, босиком, голыми руками выломали обрешетку навигационного знака и вытащили страдальца из смеси глины и ягеля. Однако, несмотря на это, он успел-таки изрядно хлебнуть горького полярного киселя. Закончилось все благополучно – прокашлялся и отплевался. А могло случиться и иначе, так что соображать тут надо быстро.

После восстановления навигационных знаков в пойме на всем протяжении реки от мыса Кармакулы у Игарки до Енисейского залива надо выставить морские буи, ограждающие фарватер. На все восстановленные знаки надо установить снятые на зиму маячные фонари, подвезти электрические аккумуляторные батареи или газовые баллоны с ацетиленом, в зависимости от типов устанавливаемых фонарей. Такие же батареи и баллоны надо завезти на навигационные знаки, стоящие на коренном берегу Енисея.

Работы вагон и маленькая тележка, и не кончается эта работа никогда. То есть если кончается одна работа, то сразу же начинается другая. Вот она где настоящая романтика с тундрой до горизонта, болотом поверх вечной мерзлоты, с воздухом, серым от облаков прожорливого гнуса и комаров, сидящих на тебе так плотно друг к другу, что производят впечатление свитера из верблюжьей шерсти, напяленного поверх альпака.

Чих-ных бы эту комариную романтику! Это вам не галсами по морю-океану на белом пароходе туда-сюда бегать, на моржей, тюленей да белых медведей с ходового мостика любоваться и карандашиком в планшет тыкать, за ухом им же почесывая, с чашечкой кофе в руке. А может, и еще с чем покрепче.

Тут сила духа и сила воли! Как у Владимира Маяковского: «... если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно...». Звезды, конечно, не наша епархия. Высоковато для нас, однако, — а лестниц такой высоты еще не придумали. У нас задачи скромнее.

Но и наши задачи не менее важные! Уже не будем *личиком* свою *непричастность* изображать и *лишнего* скромничать. Это мы зажигаем маяки. Мы, и никто кроме нас их не зажжет. Такие вот мы непростые парни. Ух!

Круче лоцмейстеров разве только парни на ледовом промере! Ледовый промер — это когда бежит по Северному Ледовитому океану гидрографическая промерная партия на вездеходах, тракторах, с буровыми установками, жилыми балками, с баней и прочими удобствами на улице. Бежит прямо посередине океана, по океанскому льду в разгар зимы, на семи ветрах и при температуре ниже нуля *по самое никуда*. По пути-дороге бурят гидрографы в океанском льду дырки и лебедкой измеряют глубину в данном месте тросиком с грузом. И все это карандашиком, изморозью покрытым, наносят на обледеневший планшет. А вокруг медведи белые на гидрографов улыбочиво щурятся, и мысль у них от этого зрелища одна единственная: что бы такое или кого бы на халяву *схмячить*, в смысле *схватить*. Сожрать, вульгарно выражаясь.

Есть, несомненно, парни еще круче лоцмейстеров — океанологи с метеорологами, к примеру, одноклассники наши по факультету Арктическому. Те, кто Антарктиду топчет и в океане Ледовитом дрейфует на льдинах, лопающихся и разъезжающихся по швам в разные стороны, на метеостанциях по арктическим островам вахту усиленно тащит.

Подводники советские, опять же, Америку обложили со всех сторон баллистическими ракетами подводного базирования. Иные парни и вовсе с декабря семьдесят девятого в Афганистане

войну воюют. У нас же страна героев! Ну и мы, парни, *не пальцем деланные*, стараемся от героев наших не отставать ни на шаг.

Начальство наше, правда, шумит истошным голосом, дескать, пароходы по Северному морскому пути уже идут к Енисею, а у вас (в смысле у нас) тут еще конь не валялся. А сами мы и вовсе еще те ленивые караси, которые никак не чешутся.

Зашумишь тут! Знают, что, если мы не успеем, верхнее начальство нашим непосредственным начальникам хвосты на руку наматывает да и оторвет, к чертовой бабушке, без каких бы то ни было душевных переживаний.

Ну, начальство оно всегда *что-нибудь да шумит*. Только по одной теме отшумит, а тут другая тема на подходе, так что шум постоянно в воздухе стоит неумный, как у Ниагарского водопада.

Если на крики начальства внимание обращать, так нам ни пить, ни есть, ни спать, ни с женами детей делать, ни водку пьянствовать времени не будет — знай только ударно трудиться, по-коммунистически, в поте лица. Давно и всем известно: сколько ты ни пыжешься, как ни тужься, а начальству, один хрен, не угодишь.

Просто надо все по порядку – без суеты. Крики начальства пускаем мимо ушей. Сначала о семье думай, потом о Родине, а потом о себе. Так правильно! Да вообще таким соколам, как мы, абсолютно всё — два пальца об асфальт.

И грудь у нас в полоску и попы в якорях, а бывает, кое у кого даже и в шрамах. А у полярных ветеранов из старых просоленных океанской волной морских «крабов», вполне вероятно, даже и в ракушках! И не факт, что ракушки те не жемчужные.

Не пугайтесь, начальники, за свои кресла! Останутся хвосты ваши в целости и сохранности! Всё мы к сроку успеем!

Радиоизотопная батарейка

«Лот» вернулся в Игарку после проведения лоцмейстерских работ в районе Дудинки. Теперь предстояло загрузиться разнообразным барахлом, вроде ацетиленовых баллонов, электробатарей, переночевать дома на радость семействам моряков и снова выдвигаться в район работ севернее Дудинки.

Пока команда и мои лоцмейстеры грузили оборудование на «Лот», меня дёрнули к высокому начальству. Заместитель начальника лоцмейстерского отряда Овчинников Сергей Григорьевич, а в обиходе просто Григорич, сунул мне в руку для ознакомления книжонку с надписью «Описание прибора РИТЭГ Тип Бета М».

Не вдаваясь глубоко в подробности, РИТЭГ — это радиоизотопный термоэлектрический генератор. Штука такая с радиоизотопным тепловыделяющим элементом, в качестве которого использован изотоп стронций-90. Изотоп этот, стронций-90 — радиоактивный отход, получаемый в результате работы ядерного реактора.

Упакован стронций в герметичную сварную капсулу из стали. Срок полураспада стронция - 90 составляет 30 лет. Пока этот мусор, отрыжка, выплюнутая из ядерного реактора, полураспадается, РИТЭГ выдает в течение тридцати лет электроэнергию, достаточную для питания наших световых навигационных знаков.

Предусматривается установка таких радиоизотопных генераторов в местах с малочисленным населением для использования на светящихся навигационных знаках, радиомаяках, метеостанциях, где по техническим или экономическим причинам отсутствует возможность использования других источников электропитания.

То есть если эту штуковину установить на маяке в качестве элемента питания, то он будет *пахать* порядка тридцати лет, выдавая необходимое напряжение без всякого обслуживания и прочих хлопот. За исключением периодического контроля. Периодический контроль - вопрос не технической эксплуатации, а скорее, вопрос безопасности.

И требуется периодический контроль сугубо для выяснения вопроса, а не сперло ли еще местное аборигенное население данный РИТЭГ с целью использования для освещения и отопления своих национальных изб под названием чумы.

Хотя вполне допускаю, что национальные избы называются ярангами, юртами или вигвамами. Я что-то данный вопрос не уточнял. Ну, не важно! По берегу Енисея проживает

множество малых народов, и я просто не в курсе, как они доподлинно на родном языке обзывают свои жилища.

По берегам же Енисея в нижнем течении проживают в основном ненцы. И те ненцы, кто кочует по тундре с оленями, и те, что живут у Енисея оседло, промышляя рыболовством и охотой. Эти парни называют свое жилище словом «мя». Зимой оно называется «сырей мя», а летом «летей мя». Это мы, бледнолицые парни, дома их чумами да ярангами обзываем, по незнанию.

Себя же они называют *ненэй ненэч*. Буквально термин этот переводится как «настоящий человек». Тут в Заполярье, если честно, по секрету, между нами, от Печенги на Кольском полуострове и до Мыса Дежнева на Чукотке одни только настоящие люди и присутствуют. Не настоящие люди уже давно в теплые края разбежались. Не настоящим людям здесь просто не прожить.

А и то правда. В условиях Заполярья выжить может только настоящий человек. В этом смысле мы, бледнолицые, еще не совсем настоящие люди. Если мне и моей русской даме дать пару сотен оленей, два десятка ездовых собак, чум, нарты - ну и все, что положено по полной программе иметь ненцу, мы в этих условиях долго не протянем.

Чуть раньше или чуть позже, но мне все равно от такой жизни придет окончательный и бесповоротный *кирдык*. Чтобы жить здесь на природе без вездеходов, вертолетов и пароходов, надо родиться настоящим человеком — *ненэй ненэч*.

О бледнолицых самоедах

Хотя встречаются в этих краях современные бледнолицые искатели приключений вроде купцов девятнадцатого века, промышляющие богатствами этого северного края. Одни сами своими трудами зарабатывают, другие путем обмена результатов труда аборигенов на «огненную воду».

Путешествовали мы как-то со шкипером Гунаром Карловичем Ницусом на его десантной баржонке «Север-2» по делам маячным и встретили на просторах Енисея человека в национальном костюме аборигенов, из меха и кожи, но вполне себе человека бледнолицего.

Под седлом дюралевый катер «Прогресс» с навесным мотором «Вихрь». Девушка с ним присутствовала, дочь, лет пятнадцати. Ему за сорок, сам питерский, живет на две семьи. Одно семейство русское в Питере, как у всех, второе семейство ненецкое на Енисее.

Девушка с ним симпатичная такая, метиска. Прямо-таки экспонат по теме «эффект портовых городов». Кровь европейская, вперемешку с ненецкой самодийской кровью — страшная сила. Такие замечательные человеческие экземпляры от смешанных браков получаются, что просто загляденье. Красивая метиска получилась! Прямо-таки заполярная принцесса.

Если подробно разбираться в происхождении малых коренных народов Севера, можно запросто мозги свихнуть набекрень. Раньше я отчего-то полагал, что ненцы — это тюрки, оказалось, что жестоко ошибался.

Ненцы относятся к самодийской языковой группе, также как и селькупы, нганасаны и энцы. Эвенки, эвены в тунгусо-маньчжурской языковой группе пребывают. Долганы — в тюркской языковой группе. Кеты и юкагиры — те и вовсе из палеоазиатской языковой, как и чукчи, эскимосы, коряки. Список большой — попробуй разобраться, кто есть кто!

Летом искатель приключений промыслом занимается и, как я понимаю, торговлей. На материке песцовая шкурка более трехсот рублей стоит. А в наших краях, если коммерческий талант в наличии и совесть атрофированная не шибко мучает, за бутылку водки обменять вполне возможно. Вот и меняет песцовые шкурки, ловит рыбу, ну и прочее — подробности мне неизвестны.

Да и кто будет делиться своими сокровенными секретами? Может, он золотишко где-то посередь Таймыра *надыбал* или на плато Путорана. Может, коптит и солит рыбу — осетра, севрюгу, стерлядь, костерь. Костерь - так местные жители непополовозрелого осетра обзывают.

Не исключено, что и мамонтовую кость по берегам рек копает — бивни мамонта. Оно ведь, если знать, куда эти бивни мамонта выгодно *толкнуть*, так это просто Эльдорадо заполярное получается. И так вот человек между Ленинградом и Енисеем уже лет двадцать в движении пребывает.

Кстати, искать мамонтовые бивни очень просто. Начинать поиски надо у размываемых берегов рек. Выходишь к устью речушки, впадающей в Енисей, и вдоль уреза воды бредешь вверх по течению, ковыряя все торчащее из земли каким-либо шанцевым инструментом.

Я так уже делал неоднократно, да и любому человеку, душою не протухшему, это доступно. «Надежды юношей питают...». Искать очень просто, а вот найти в итоге это гораздо сложнее. Я вот, к примеру, до сей поры не нашел, как ни пытался. Однако это не повод забросить такие интересные и волнительные занятия.

Все это, конечно, мои фантазии и домыслы, возможно, пустопорожные. Но вот зачем-то человек на все полярное лето приезжает в Заполярье? Допускаю, что ему просто здесь нравится. Однако, по любому, какое-то экономическое обоснование должно быть.

Чтобы кататься сюда просто ради удовольствия, надо быть очень обеспеченным человеком, в силу немалой, незаурядной финансовой затратности мероприятия, в противном случае без последнего нижнего белья останешься — без трусов.

Здесь у него ненецкая жена, тесть с тещей, ну и вся компания родственников в стойбище или в поселке на берегу Енисея. А на зиму он с баулами, полными местных товаров неслабой стоимости с ненецкой лодочки пересаживается на проходящий пароход с лесом из Игарки или с никелевой рудой из Норильска (видимо, договоренность есть со знакомыми) и прямым ходом в Ленинград, минуя посты, кордоны и формальности в аэропорту.

Пароходы громадные, места на них достаточно на сотню таких купцов со всеми их товарами. Купцу хорошо, и моряки, судя по всему, не внакладе бывают, однако.

Всю зиму чудила живет дома в Питере, а на лето с кучей припасов снова сюда на Енисей. Порох, патроны, спирт всегда в Заполярье в цене были. Да и на обычные товары всегда спрос имеется. Впрочем, какой он чудила? Мне он понравился.

Не столько он мне рассказал, сколько я сам нафантазировал. Поделился домыслами с Гунаром Карловичем. Тот пристально на меня посмотрел, улыбнулся и молча кивнул головой. Похоже, все я правильно нафантазировал. Каждый человек - творец собственной судьбы. Умеет человек, и слава Богу! А нам с Гунаром что? Мы ни в милиции, ни в рыбнадзоре не служим — наше дело сторона. Да и нет ничего плохого в увеличении численности малых северных народов и поддержании достойного уровня их жизни. Мы, может, и сами с удовольствием усилия приложили бы, обьявись у нас вдруг такая возможность.

А если кто-то бредовых законов в отношении этих малых народов Севера навывдумывал, то это проблемы тех самых творцов законов. «В России от дурных мер, принимаемых правительством, есть спасение: дурное их исполнение» — золотые слова, и приписывают их чиновнику Министерства иностранных дел Российской империи Петру Ивановичу Полетике (1778—1849). Прав был Петр Иванович, как в воду глядел на шестьдесят восемь лет вперед — в семнадцатом все и подтвердилось.

Жидкое золото Заполярья

Кстати, грешат обменом заполярных богатств на «огненную воду» и местные наезжие представители рода людского, не самоедского происхождения, чего уж греха таить. Здесь в обычае наменять за водку у аборигенов енисейской белорыбицы или красненькой из семейства осетровых, оленины, клыка моржового, шкурок песцовых, а то и косточку какую от бивня мамонта.

Трезвые да разумные на жидкое золото не покупаются, но хватает тех, кто клюет на соблазн витать в облаках мечты на алкогольных парусах. Как сказал бы Вовка Петрович, *все мы люди, все мы человеки, и ничто человеческое нам не чуждо*.

Видел я на настенном ковре у кого-то из наших парней закрученный кончик бивня, метра в полтора длиной. Причем сохранность раритета просто блеск, будто неделю назад мамонта в ловушку загнали и бивни *ампутировали*. А ведь возраст этого предмета ну никак не менее нескольких тысяч лет.

Как в этих краях такие вещи достают? Да так же, как и все остальное. Вот, к примеру, задался человек вопросом, как бы ему приобрести шкурок песка на шубу в подарок жене в Международный женский день 8 Марта. Можно купить ружье и бегать по тундре, стреляя по песцам налево и направо.

Либо, если руки из правильного места произрастают, можно наставить петель с приманкой, капканов и прочих охотничьих хитростей. Чаще всего настоящие люди так и поступают. Но это все способы довольно трудоемкие и времени отнимают немало. Существуют и другие варианты.

Мех песцовый хорош в зимнее время. Думаю, это всем понятно? Летом у песца мех никакой. Поэтому все попытки мех песца поиметь в личную собственность должны происходить зимой, в период с октября по март включительно, как мне кажется.

Ныряешь в полярную ночь имея точные координаты места, в котором при минимальных затратах сил и средств можно обнаружить представителей малых и крупных северных народов, ведущих кочевой образ жизни либо промысляющих охотой и рыболовством. И выныриваешь в каком-либо чуме, движимый жгучим желанием приобрести вожаделенный предмет, мех песца к примеру.

При себе необходимо иметь средства для обмена товара, как-то: денежные знаки, емкости с алкоголь содержащими жидкостями, либо другими предметами, представляющими ценность в енисейской тундре.

Дальнейший ход событий зависит уже от сноровистости, наглости и степени отсутствия совести у соискателя, претендующего на приобретение меха полярного песца. Причем соискатель делает вид, что его абсолютно не интересуют никакие предметы купли-продажи, а он просто так *случайно мимо прохожий*.

Так просто шел по тундре, ехал на вездеходе, летел на вертолете и увидел огонек. Вот на огонек «мимо прохожий» и зашел погреться у очага в чуме. Пока гостеприимный хозяин хлопочет по поводу угощения дорогому гостю, он попутно вещает гостю, что есть у него три шкурки песца нового сезона, замечательного качества, выделанные старинным самоедским способом. Если гость пожелает, он может приобрести все три недорого, всего по триста рублей за шкурку.

Если ты не совсем наглая бессовестная рожа, можно поторговаться и сбить цену процентов на пятьдесят, расплатиться советскими Государственными казначейскими билетами или Билетами Государственного Банка СССР. Причем чаяния продавца при этом будут вполне удовлетворены.

Поскольку он изначально в два раза загибает желаемую цену, дабы, поторговавшись, получить свои пятьдесят процентов, то есть сто пятьдесят рублей за одну шкурку. И аборигену быстро, однако, хорошо, и тебе прямая и немалая выгода, по сравнению с приобретением песца в магазине.

В случае же изощренного варианта, у гостя случайно во внутреннем кармане «смокинга», обнаруживается полулитровая бутылка водки или спирта. Гость просит стаканы и наливает щедро себе и хозяину по полсотни граммов водки. В рассказах хозяина после первого тоста цена уже не триста рублей за шкурку, а вовсе даже двести пятьдесят.

Закусив, гость разливает еще по полсотни и даже, по просьбе хозяина, плескает полсотни граммов в стакан хозяйки чума. При этом совершенно молчаливо игнорируя рассказы о шкурках и их стоимости. После второго тоста, слегка закусив, хозяин вытаскивает из закровов те самые три шкурки и, раскурив трубочку, начинает трясти мехом перед лицом гостя, дуя на него в рекламных целях. Цена опускается уже до двухсот рублей за шкурку.

И словно гром с ясного неба гость вытаскивает откуда-то из карманов своего «смокинга» помятую газетку и, соорудив из нее неказистую укупорку, затыкает початую наполовину бутылку и поднимается с места, пряча ее куда-то внутрь за пазуху овчинного полушубка. Всем присутствующим в чуме становится понятно, что праздничный банкет окончен.

Начинается молчаливое движение гостя от симзы, священного вертикального шеста чума, к выходу из чума, накрытому как пологом частью нюка — пластины из оленьего меха. При движении на дистанции в три метра от центра жилища к входному отверстию цена песцового меха с каждым шагом предположительного покупателя катастрофически падает.

Когда полог чума откидывается и гость уже готов выйти наружу, хозяин делает последнее отчаянное предложение: бери шкурки, оставь бутылку. Обмен завершается.

Да вы не подумайте, сам я этой хренью не занимаюсь. Мало того, даже и очевидцем ни разу не был. Так, долетают иногда легенды и мифы Заполярья, что бродят тихонько от уха к уху, особенно в теплой компании за рюмкой охлажденного за форточкой чая.

Имена, конечно, тоже фигурируют, но пальцем показывать на кого-либо, я думаю, очень даже неправильно, поскольку сам очевидцем не являюсь. А вдруг все эти легенды и мифы есть не что иное, как злокозненные выдумки злонамеренных подлых злопыхателей. И выдуманы они с целью дискредитации как аборигенного, так и наезжего бледнолицего населения по принципу «разделяй и властвуй».

Что же касается приобретения бивня мамонта, это практически уже из разряда чудес. Звезды на небе должны сойтись очень непростым образом, чтобы владелец драгоценного бивня мамонта, имеющий желание его продать, оказался в одной точке пространства и времени с покупателем, имеющим не только желание, но еще и возможность его купить.

Мнится мне, что если все происходит по чести, то железнодорожной цистерны со спиртом для приобретения такого раритета будет маловато. Ввиду отсутствия железнодорожных путей в тундре, приходится манипулировать емкостями меньшего объема.

Но тем не менее парень, имеющий в собственности бивень на настенном ковре, — это не просто везунчик, это ни много ни мало любимец и баловень судьбы. Хотя, возможно, бивень — это подарок от широты чьей-то самоедской души. А души у самоедов широкие и добрые, если, конечно, не сердить их наглыми бледнолицыми пакостями.

О Богах, героях и начальстве

Так вот, что касается РИТЭГа. Заместитель начальника лоцмейстерского отряда Григорич объяснил мне популярно, что с книжонкой, именуемой «Руководство по эксплуатации», надо ознакомиться самому. А затем передать для ознакомления технику — лоцмейстеру деду Юдину, поскольку агрегат на маяке предстоит вводить в работу непосредственно ему.

А я должен, помимо ознакомления с теорией радиоизотопного вопроса, усилиями вверенного мне подразделения сегодня генератор этот загрузить на борт. А завтра утречком мирно отчалить от берега и следовать до навигационного знака Сопочная Карга, в самую концевую точку Енисея на правом коренном берегу.

Грузить прибор в Игарке приказано сразу на вездеход, загнанный на самоходную баржу «Северянка -2». Крепить ядрёную адскую батарейку к вездеходу со страшной надёжностью, дабы не допускать всяких ненужных переключиваний и перегрузок в рейсе, во избежание утопления оной из-за разгильдяйства или безалаберности личного состава.

Вездеход, соответственно, крепить со страшной силой и надёжностью к самоходной барже. А баржу оную, временно лишив её собственного хода, крепить швартовыми концами к «Лоту» намертво. И следовать таким манером, в связке борт к борту, до места назначения.

Шкипер баржи Гунар Карлович перейдет к нам на борт, поскольку теоретически знаком издавека с радиоизотопным излучением и знакомиться ближе с ним, мягко выражаясь, желания не имеет. Подселится соседом в мою двухместную каюту, и мы таким тандемом на тяге «Лота» побежим скоренько к мысу Сопочная Карга. Впрочем, я всегда сдаю в аренду Карловичу койку в своей каюте, когда его передают в распоряжение моей лоцмейстерской партии.

«Карга» в переводе с тюркского языка означает обычную ворону. Есть и другие значения этого слова: зыбь, топь, коряга, а еще злобная и уродливая старуха.

Откуда в Заполярье, рядом с Ледовитым океаном, мыс с вороньим названием, я просто ума не приложу. Зыби и топи там, конечно, в достатке. А вот ворон в устье Енисея я никаких ранее не наблюдал. Не иначе ненецкая старенькая и до жути страшенькая шаманка, вроде нашей Бабы Яги, здесь на аборигенов жуть сверх меры наводила. Вот и соображай, откуда что берется.

Обращаться с «термоядерной» батарейкой надо нежно, как с девственной невестой, не трясти, не ронять, в воде не топить. Хотя сам РИТЭГ, согласно требованию ГОСТа, должен обеспечивать отсутствие выхода из него радионуклидов во внешнюю среду и сохранение защитных характеристик радиационной защиты даже при падении на твёрдое основание с высоты девять метров.

А паче того, даже и после воздействия на него температуры в восемьсот градусов по шкале Цельсия в течение не менее тридцати минут. Вот такая вот свалилась нам на голову новая ударно-огнеупорная батарейка для маяка Сопочная Карга. Начальство теперь за нее нам всю плешь прокляует, до самого мозга, в случае его наличия, естественно.

По прибытию на Сопочную Каргу десантироваться из баржи вездеходом на берег. А если вдруг произойдет нечто совершенно *перпендикулярное* указаниям заместителя начальника лоцмейстерского отряда, то есть его, Григорича, указаниям, то он мне головушку оторвет лично вот этими ручонками. Ручонки эти его, с ладошками размером примерно с мою голову, без безымянного пальца на правой руке, до сей поры стоят у меня перед глазами.

Да в принципе начальник он нормальный, не самодур и за рамки здравого смысла не выпячивается. На этом отсутствующем безымянном пальце Григорич когда-то, лет десять назад, в бытность молодым начинающим лоцмейстером, носил обручальное кольцо. И случилось, что при постановке буев не то на Липатьевском, не то на Турушинском перекате он так увлекся процессом, что лично полез что-то поправлять на тросе с якорем большого морского буя.

Полез и зацепился некстати обручальным кольцом за распушившийся стальными проволочками трос. Уж я и не знаю, то ли команда на сброс якоря с борта поступила преждевременно, то ли Григорич зацеп кольца не зафиксировал со знанием, только якорь ушел в пучину, сдернув с руки Григорича обручальное кольцо вместе с безымянным пальцем. И было это, я думаю, довольно больно.

Так что, судя по всему, енисейский Хозяин воды Ид'Ерв, один из сонма ненецких языческих Богов, если вдруг засвербит сверх всякого терпения в его собственном божественном носу, теперь ковыряет в нем безымянным пальцем моего непосредственного начальника Сергея Григорьевича Овчинникова. А иначе по какой такой причине Хозяину енисейской воды вот такие сложные выкрутасы вытворять?

Вполне допускаю даже, что это мог быть и Хозяин моря Яв'Ерв. Это я к тому, что мы хоть и работаем на реке Енисей, но все почитают нас морскими лоцмейстерами, потому как обеспечиваем мы безопасность морского судоходства.

Так что Яв'Ерв тоже вполне мог претендовать на палец Григорича. Ни Григоричу, ни тем более мне так до сей поры абсолютно неизвестно, у кого же из этих всемогущих ненецких Богов зачесалось тогда на Турушинском перекате в божественном носу.

Как бы там ни было, жертва была принята. Если честно, я не знаю, насколько почтительно к Ид'Ерву и к Яв'Ерву относятся, помимо ненцев, все, кто честь имеет обретаться меж енисейских берегов. Что же касается меня, могу заверить в своем величайшем почтении и совершеннейшей лояльности к ним.

Духи эти испокон веков на Енисее коренные хозяева. А мы тут ребята пришлые и не намерены оставаться на всю оставшуюся жизнь, до скончания века, посему нам с Богами ссориться не с руки. Я, конечно, за всех енисейских бродяг тельняшку на груди рвать не буду, но уж мне-то, по любому, это ни к чему.

С водой шуток не шутят, как и с Богами. Есть ведь еще славянские водяные Ний и Переплут, древнегреческий Посейдон, древнеримский Нептун, китайский Гун-Гун и японский Ватацуми. Список Царей, Владетелей и Хозяев морских и речных, большой, в три десятка имен от Алфея до Эридана. Неумные шутки с водяными Владетелями и непочтение к ним могут позволить себе только рыбы, потому как в воде не тонут, да и то если достаточно крупных размеров. Я уже не говорю о мелочи, а и крупные особи, вроде царь-рыбы, бывает, на кукан попадают. Мнится мне, что братья Астафьевы, к примеру, знают, кому надо помолиться, чтобы Царь-рыба в правильный момент времени за правильный крюк зацепилась.

Да хранят нас Хозяин моря Яв'Ерв и Хозяин воды Ид'Ерв от происков зла в срединном мире и от всяческих гадких пакостей людских во все времена, везде и всюду. Это я без шуток, вполне серьезно. Я уж точно не буду возражать, если все енисейские шаманы будут *камлать* под грохот бубнов за нашу удачу и испросят нам у местных Хозяев и Владетелей защиту от всяческой нечисти. Ведь известно, что именно отсутствие какой-либо чистоты, как и чистоплотности или чести отличает всякую нечисть.

Боги не появляются в этом мире из ничего и не исчезают в никуда, как и пакости людские. Что там в других мирах, я пока не в курсе. Да и что говорить о других мирах, если мы не знаем достаточно точно, какие радости или пакости нас ждут в мире этом уже завтра.

Я с интересом смотрю в серьезные серые глаза своего непосредственного начальника. Мне серьезные вещи начальник в уши льёт, а я тут над кольцами обручальными размышляю да над пальцами чужими, волею ненецких Богов в Енисее утопленными.

Не уверен насчет огня и медных труб, а вот воды соленой начальник мой хлебнул изрядно. Допускаю, что он и медные трубы успел почтить своим посещением. Одна гибель гидрографического судна «Иней», на котором он лично имел честь присутствовать в самый трагический момент, чего стоит.

«Иней», по сути, зверобойная шхуна, был даже меньше нашего невеликого «Лота». Построен в Турку (Финляндия), корпус деревянный, дедвейт всего двести пятьдесят восемь тонн, валовая вместимость четыреста двадцать регистровых тонн против четырёмсот шестидесяти регистровых тонн нашего «Лота». Малышок, одним словом. Такие малыши тащили на себе всю гидрографию Советского Союза с середины пятидесятых до середины семидесятых годов.

Произошло это еще в бытность Григорича курсантом, году в одна тысяча шестьдесят восьмом, второго октября. Я в это время как раз начал учиться в седьмом классе школы номер три своего родного города Находки. Причем я тогда абсолютно не помышлял себя в будущем ни моряком, ни гидрографом, ни лоцмейстером — не шевелилось у меня по этому поводу ни в одном месте, как говорится.

Историю эту мне пересказали в музыкальном взводе ЛВИМУ, где в курсантские времена подвизался Сергей Григорьевич на ниве духового оркестрового искусства. И произошло это спустя восемь лет после гибели «Инея». Я на тот момент с дозволения капельмейстера оркестра Николая Николаевича по протекции валторниста и будущего полярного метеоролога Жеки Екименко пару месяцев изображал из себя якобы музыканта духового оркестра на литаврах.

Жека Екименко подавал мне знак правым глазом, когда надо громыхнуть литаврами, и я мастерски и с наслаждением долбил в медные тарелки, когда командир роты пришел оценить выпуклым морским глазом мой музыкальный талант. Капитан третьего ранга Альберт Сергеевич Голицын ушел с репетиции музыкального взвода с хитрой улыбкой на лице и вполне удовлетворенный моим музыкальным даром. Это был замечательный способ увильнуть от нарядов и отоспаться на музыкантских хлебах.

Представляете, какой силы была эта история о гибели «Инея», если спустя восемь лет её передавали из уст в уста от одного поколения курсантов к другому, со всеми нелитературными подробностями, которые я, конечно, вам выкладывать не буду. Короче, отправили Григорича, тогда просто Серёгу, со товарищи после второго курса ЛВИМУ на производственную практику в гидрографическую базу в Тикси, в качестве матроса гидрографического судна «Иней». И было им на тот момент не более девятнадцати годиков реально.

При выполнении промера в Восточно-Сибирском море из-за неисправности в машинном отделении и неверного положения на карте острова Вилькицкого, а также стечения ряда прочих неизвестных мне обстоятельств, «Иней» 2 октября 1968 года наскочил на подводную гряду в пятидесяти метрах от острова.

Судно не успело сняться с мели, как разразился шторм. Ударами волн о скалистое дно деревянный корпус судна был поврежден, началось затопление трюма и машинного отделения. В итоге судно получило крен тридцать градусов. Гигантские волны перехлестывали через аварийное судно. Пока капитан принимал решение об аварийной высадке экипажа на берег, с «Инея» смыло и унесло в океан все средства спасения.

Трое моряков на извлеченном из трюма стареньком надувном спасательном плоту, рискуя ежесекундно быть смытыми волнами, попытались преодолеть кипящую волной и пеной пятидесятиметровую дистанцию между судном и берегом.

Уж не знаю точно, какая температура воды в Восточно-Сибирском море около острова Вилькицкого, но вполне могу предположить. Известно, что в октябре минимальная температура воды на южном побережье Восточно-Сибирского моря у порта Певек составляет минус 2 градуса Цельсия, а максимальная минус один. А ведь остров Вилькицкого находится ни много ни мало на шесть градусов ближе Певека к Северному полюсу по широте.

Сила ветра достигала тридцати метров в секунду. Спасательный плот, отягощенный аварийными запасами для экипажа и тремя моряками, на огромных прибойных волнах перевернулся у самого берега. Вся команда спасательного плота и аварийные запасы оказались в воде.

Можете представить, что происходит с человеком при его падении в ледяную воду? В результате наступающего переохлаждения появляется сонливость, безразличие к окружающему, ощущение ложного комфорта. Сознание начинает угасать в случае снижения температуры организма до тридцати двух градусов. При падении температуры до двадцати восьми градусов прекращаются дыхание и сердцебиение.

Все это теоретические выкладки, на практике же при температуре водной среды плюс два градуса может стать смертельным пребывание в воде более пятнадцати минут. При температуре

воды минус два градуса Цельсия летальный исход наступает после пяти-восьми минут нахождения в воде. Попавший в воду сразу теряет сознание вследствие холодного шока и тонет, не предпринимая действий к своему спасению.

Во время второй мировой войны сорок два процента летчиков Люфтваффе, сбитых над арктическими водами, погибали от переохлаждения в течение двадцати пяти – тридцати минут пребывания в воде. Это при том, что они были продуманно экипированы одеждой, спасательными жилетами, аварийным пайком и надувными лодками.

Известен единственный в своем роде феноменальный случай, когда в январе 1965 года в Бристольском заливе Берингова моря перевернулись от обледенения и затонули четыре рыболовных траулера: «Севск», «Себеж», «Нахичевань», «Бокситогорск», и шесть японских рыболовецких судов - погибли при этом более ста членов советских экипажей.

Единственный спасшийся, траловый мастер А. Охрименко, остался жив после нескольких часов, проведенных в воде, близкой к нолю градусам, при девятибалльной (феноменальной по шкале Бофорта) силе ветра и температуре воздуха минус двадцать один градус.

У острова Вилькицкого трое наших моряков чудом выбрались из воды на необитаемый берег. С «Инея» посредством использования линемётного устройства удалось передать сухую одежду для полярных ныряльщиков, завести трос, связавший судно с берегом, и наладить канатную переправу. В процессе подготовки переправы на берегу появился белый медведь, решивший поинтересоваться, что это за конкуренты появились на помеченных им охотничьих угодьях.

Когда с борта судна на лине попытались переправить карабин, литье оборвалось, и оружие кануло в пучину. Пришлось белого мишку отпугивать винтовочными выстрелами с борта судна. Переправить людей на берег канатным путем не удалось из-за того, что шторм перерос в ураган.

Девять членов экипажа «Инея» были сняты с гибнущего судна вертолетчиками на МИ-4, вылетевшими на операцию по спасению из аэропорта Черский. Вертолетчикам пришлось преодолеть восемьсот тридцать два километра, или четыреста сорок девять морских миль, только в один конец, причем три четверти пути над поверхностью бушующего Ледовитого океана.

Операция спасения происходила в условиях штормового ветра и сильного волнения. Вертолетчики закрепили на тросе якорь «Инея», завезенный на остров, чтобы трос не мотало ветром, и, зависнув над «Инеем», принимали людей по одному на якорь и вывозили их на берег.

Чуть позднее оставшимся на судне членам экипажа удалось перебраться по канатной переправе, наведенной тремя героическими парнями ранее. Всего по канатной переправе удалось спастись двадцать одному члену экипажа.

Всех спасенных членов экипажа вертолетчики вывезли на остров Жохова, а оттуда далее самолетом полярной авиации ЛИ-2 в Тикси. Уже на берегу от переохлаждения умерла буфетчица из экипажа. Разбитый штормами, изломанный льдами корпус гидрографического судна «Иней» так и лежит по сию пору у острова Вилькицкого.

Море капризно и непредсказуемо, шуток не понимает и ошибок не прощает. Известен случай, когда моряка одной гигантской волной смыло за борт парохода, и тут же вторая волна выплюнула его из океана, вернув на палубу судна. Так вот вся фишка нашей истории состоит в том, что трое парней, наладивших переправу, были моторист «Инея» Валентин Липихин и курсанты второго курса Арктического факультета ЛВИМУ Юрий Гаазе и Овчинников Сергей.

Парни совершили НЕЧТО - нырнули в штормовой океан, выбрались на берег необитаемого острова, прогнали, запугав до дрожи, любопытного белого медведя и завели трос для канатной переправы, позволившей спастись двадцати одному члену экипажа. Эти парни спаслись сами и спасли от гибели двадцать одного члена экипажа «Инея».

В услышанной мною байке парней из музыкального взвода Григорич фигурировал как Серега Овчина. Это уж я по приезде в Игарку умом своим недюжинным таки допёр до понимания, что легендарный Серега Овчина из духового оркестра капельмейстера и тамбурмажора Николая Николаевича и мой начальник Сергей Григорьевич Овчинников - один и тот же персонаж.

Да, это мой нынешний непосредственный начальник Сергей Григорьевич был одним из той тройки отчаянных героических сорвиголов, сумевших достичь берега в штормовой обстановке в комбинированном плавании на спасательном плоту, нырянии и плавании брассом в ледяной воде Восточно-Сибирского моря.

Хотелось бы расспросить начальника про историю с «Инеем» подробнее, только вроде не к месту сейчас вопросы не по теме. Не спросишь же, дескать, достаточно ли солоня ледяная водичка в Восточно-Сибирском море. Ну ладно, это *покуда не жмет*, можно и позже расспросить, при удобном стечении обстоятельств. А пока, помимо всего прочего, свербит у меня в голове еще один весьма и весьма любопытный вопрос:

«Сергей Григорьевич, в кузове вездехода места только батарейку эту запихать, двое в кабине, двое на кабине, остальные парни, по любому, верхом сидеть будут, бубенцами на агрегате, всю поездку до Сопочной Карги. Она нас термоядерным излучением ниже пояса *не торпедирует*? У меня только один сын, а планов в этом направлении громадье. Да и парням это шибко не понравится. Как бы пакости какой непредвиденной не случилось, в стиле Хиросимы и Нагасаки».

Начальник вскидывает на меня суровый взгляд. Левый глаз его прищуривается, и на лицо вползает кривая улыбка, в общем, еще та хитрая *морда лица*: «Ты почитай описание. Она радиоизотопная, а не термоядерная! Этот агрегат весит шестьсот пятьдесят килограммов, а реального оборудования на ней вместе с капсулой изотопов на сорок, ну от силы на пятьдесят килограммов, а все остальные шестьсот килограммов - сталь и свинцовая защитная оболочка. И парням объясни, если вопросы какие возникнут, что ничего с вашими драгоценными сперматозоидами не случится. Будут они такими же неукротимо шустрými, как и ранее. И давай вали работать, у меня дел выше головы».

Я отвожу глаза от лица начальника, мимика вроде нормальная, по ходу не врёт. Лицо честное донельзя и правдивое чрезвычайно. Одно меня только в сомнение вводит: когда я пытаюсь втереть начальству три короба вранья, то, как правило, лицо у меня такое же честное донельзя и правдивое чрезвычайно.

А учитывая, что у моего начальника опыта раз в десять более, чем у меня, допускаю, что он как раз и втирает мне те самые три короба с лапшой. Это уже интуиция в действии, вот только подшить эту интуицию мне некуда. Не исключено, что и начальнику моему лапши на уши навешали ответственные товарищи из верхних руководящих инстанций.

И я принимаю твердое решение искренне верить начальству на слово. Деваться-то мне, собственно, некуда — в моем положении никакой альтернативы. Если я начну *квакать* что-то супротив, начальник мне, самое малое, *все брови над глазами выщиплет*, фигурально выражаясь.

Ну, невозможно врать с таким честным выражением лица. И тогда я, *включив совсем немножко дурачка*, с вынужденной кислой улыбкой на моем чрезвычайно доверчивом лице отвечаю:

— Понял. Уже валю.

Я и валю, от греха, поскольку начальник вздергивает носом и свербит меня насквозь своим выпуклым морским глазом. Кривая улыбка на его лице съезжает слева направо, и прищуривается уже правый глаз.

Партия сказала «надо» — комсомол ответил «есть»!

О щекочущем психику потоке изотопов стронция-90

Иду я из конторы к причалу и соображаю себе. Предварительно необходимо набрать с собой в довесок к моим лоцмейстерам человека четыре добровольца из экипажа «Лота». Народ нужен в таком количестве вследствие того, что снимать РИТЭГ с вездехода и устанавливать его под навигационный знак придется вручную.

А весит он ни много ни мало всего шестьсот пятьдесят килограммов чистого веса, не считая наворотов и нахлобучек. В качестве наворотов и нахлобучек выступает рама генератора из стального уголка с приваренными кольцами под гаки стропов.

Четырнадцать интеллигентных лиц — моих парней да помощников из экипажа — должны справиться. Килограммов по пятьдесят на каждого придется, да дед Юдин какое-нибудь рационализаторское предложение внесет на обсуждение — типа рычага бревном или еще чего. Прорвемся, однако.

Старый полярный «краб» дед Юдин знает, как под таким тяжким грузом правильно тужиться, чтобы *не сильно обкакатся*. У меня десяток боевых лоцмейстеров вместе со мной и техником, а значит, нужно еще четырех парней из экипажа «Лота».

Думаю, с добровольцами проблем особых не будет, надо только на сперматозоидах их не акцентировать, да и самому сильно не заморачиваться. Всевышний, в купе с ненецкими Хозяевами Енисея Ид'Ервом и Яв'Ервом, в обиду нас не дадут.

В экипаже еще никто не отказывался получить дополнительные гидрографические десять процентов к зарплате. Проценты стабильно выплачиваются при участии членов экипажа в производстве гидрографических и лоцмейстерских работ в свободное от вахты время.

Парни на «Лоте» все молодые, если не брать в расчет капитана Камошина Евгения Николаевича. Даже старший помощник капитана Женя Сысойков года, пожалуй, на два моложе меня.

Слова в руководстве по РИТЭГу «согласно требованию ГОСТа, должен обеспечивать...», конечно, как-то бодрят. Однако между словами «должен обеспечивать» и «будет обеспечивать» расстояние страшной протяженности, и всегда есть вероятность воздействия внешних сил, не поддающихся регулированию.

Я имею в виду обстоятельства непреодолимой силы, или форс-мажор, а именно такие, как судьба-индейка, планида-злодейка, разгильдяйство, раздолбайство и *похеризм* личного состава, шторма и ветры ураганной силы, опять же *девятый вал и холод вечной мерзлоты*, ну и далее по списку.

Тут даже мощность мерзлоты, не говоря о прочих прелестях, достигает страшной глубины от нескольких метров до тридцати пяти, а местами и вовсе до шестидесяти. Вечная мерзлота, она ведь не какое-то отвлеченное понятие, а вполне конкретное.

Она хоть и поддается нашему регулированию, но в очень незначительной степени — и все больше с помощью лома либо кирки. А долбить эту самую вечную мерзлоту киркой и ломом тот еще подарок.

Вот так вот! Пока там, на *десятой параллели цветут сады*, мы тут в это время, на перегоне от Игарки до Енисейского залива, в каютах за полярным кругом валяемся на своих моряцких коечках. Причем валяемся головами в сторону отходов термоядерной реакции, угрожающе дремлющих в стальной капсуле аппарата РИТЭГ.

Потоку изотопов стронция-90, заключенному в стальном сердечнике радиоизотопного термоэлектрического генератора, глубоко плевать на всех лоцмейстеров, членов экипажа и прочую живность на борту «Лота». Утешает только то, что «Северянка-2», пришвартованная к правому борту, ближе к корме «Лота». Каюта же моя, вместе со мною и временным с арендатором Гунаром Карловичем, находится на баке по его левому борту.

Поначалу, когда укладывались спать, мы с Гунаром Карловичем устроились пятками в сторону РИТЭГа, чтобы стронций-90 нас по мозгам потоком изотопов ненароком не стеганул. Через десять минут Гунар посмотрел задумчиво на меня, еще через пять я также задумчиво посмотрел на него.

Вот Гунар, полтинник ему уже стукнул, изрядно старый кадр, а соображает быстрее меня, молодого и зеленого. Пришлось нам, трезво оценив ситуацию, дружно поворачиваться головами в сторону РИТЭГа. А и то! Хрен с ними с мозгами, есть в нашей жизни более важные и значимые органы.

А с другой стороны, если вдуматься, мозгами эти значимые органы от радиации по любому не прикрыть, как ни крутись и каким боком не укладывайся. Тут переборка свинцовая в полметра толщиной совсем была бы не лишней.

О молодом задоре и веселой глупости

Наш вездеход ГТСМ, согласно ТТХ (тактико-технических данных), может тащить в качестве груза одну тонну, сегодня он бьет все рекорды — семь сотен килограммов РИТЭГа, плюс четырнадцать поджарых парней, каждый килограммов под семьдесят-восемьдесят. По самому скромному раскладу тысяча шестьсот восемьдесят килограммов — перегруз, однако, неслабый.

Бухта Сопочная Карга мелкая, не подойти вплотную к берегу, напротив самого знака глубина достаточная, но там берег обрывистый, вездеходом не взобраться. Пришлось пристать баржей у обрыва Красный Яр, там глубина пристать к берегу позволяет и пологие участки есть, дабы выскочить на коренной берег с пляжа. Потом по берегу через безымянный ручей, мимо знака Долган и через речку Сопочную к озеру Долган. И затем вдоль по перешейку меж озером и бухтой Сопочная

Карга, к навигационному знаку Сопкарга. Собственно, мысом Сопочная Карга Енисей и заканчивается, за ним уже Енисейский залив Карского моря берегами вширь растопырился.

Пыхтит наш в меру укатанный тяжелой заполярной жизнью трудяга вездеход по тундре, но тащит и термоядерную батарейку, и всю нашу лоцмейстерскую гоп-компанию. Бежим мы не шибко резво, ну да нам спешить в такой ситуации не с руки как-то. Не хватало нам тут еще только локальной ядерной катастрофы с мирным атомом.

Все мы ребяташки молодые, и молодая дурь из нас так и бьет фонтаном в воздух. Обычно, пока «Лот» движется в район работ, у лоцмейстеров вынужденное безделье, а у членов команды режим работы — вахта четыре часа через восемь. Так что у членов экипажа тоже как бы время для фонтанирования энергии есть. Народ ищет возможность чем-то себя занять в свободное от работы и сна время.

То мы в карты садимся играть на обливание. С развлечением на борту «Лота» не густо. Неизменная ставка на кону — два ведра забортной воды на голову проигравшего. А водичка в Енисее, скажу я вам, — удовольствие еще то. Играем до тех пор, пока все участники не получают по паре ведер с водичкой на молодой организм. Особо «талантливым» игрокам и заведомым шулерам выпадают и более щедрые дозы.

А то иной раз водку садимся пьянствовать офицерским составом (без подчиненных, в личное, свободное от работы время). Нет, мы, конечно, не *алконавты* беспросыпные какие-нибудь. Не часто такое случается, но бывает. Поскольку с приготовлением закуски возиться лень, отправляем в продовольственный склад главного по пищеблоку. Второй помощник капитана Федор Россихин притаскивает из холодильной камеры кусок мороженой говядины или оленины и тонкой стружкой нарезает на тарелку.

В другую тарелку старпом Женя Сысойков насыпает соль, перец молотый и перемешивает с томатной пастой — *макало* на местном наречии. Напиток, сопровождаемый строганиной и разговорами, летит просто с космической скоростью. Успеваем управиться с этим делом побыстрому, без перебора, пока на мостике несет свою вахту капитан Камошин.

Федор широко знаменит в узком гидробазовском кругу тем, что питает страсть к живой природе. Причем при выезде на живую природу у него всегда при себе, где-нибудь в кармашке, солонка и перечница из кают-компании «Лота».

Как и все мы, кроме живой природы, Федор любит водку как таковую. Если же её ещё и закусывать исключительно строганиной из свежемороженой говядины, то это вообще вселенский писк восторга. Я уже не говорю о строганине из енисейской белорыбицы, особенно если это муксун или нельма. Собственно, кто же не любит водку в Заполярье? Ну что сказать по данному поводу? Мне тоже водка под строганину очень даже по душе. Да покажите мне человека, которому это не нравится. Насколько мне известно, в природе таких людей не существует.

С другой стороны, настоящие, правильные, полярники способны верно себя оценить и определить разумную дозировку во избежание перебора. В противном случае какие они полярники? Если ты своей нормы не знаешь, значит, и претендовать не имеешь права кроме как на звание пустого человечки.

При необходимости Федор ест рыбу прямо из речки, и непременно живую. Такое вот немножко странное хобби для второго помощника капитана. Для этого он и держит постоянно в карманах солонку и перечницу. Именно сегодня он сие искусство нам и продемонстрировал.

О маяках и знаках

Ранее слово «маяк» для меня означало как минимум огромную башню, сложенную из природного камня, обкатанного за тысячелетия морским прибоем до состояния круглых гольшей. Башню, способную противостоять любой морской волне, даже архигигантских размеров.

И чтобы обязательно серьезное светящее устройство на вершине, окруженное множеством толстенных линз, делающих огонь маяка видимым на десятки миль вокруг. И вокруг маячной комнаты со светящим устройством круглая терраска с резным ограждением, с которой по вечерам, запивая кофе рюмочкой рома, можно любоваться ныряющим за горизонт солнцем.

Наверное, все это так и есть на настоящих классических маяках, но только не в нашем случае. Сам-то я такие настоящие маяки видел, но только в заграничных кинофильмах. На Енисее все

гораздо прозаичнее. Маяк Сопочная Карга, как и все прочие, имеющиеся на коренном берегу Енисея, несколько другие.

Никаких тебе эпических башен из камня, поросшего столетним мхом, никаких святающих устройств метром в диаметре и хрустальных наборов из лучших в мире цейсовских линз Френеля. Никаких бородатых смотрителей в капитанских фуражках с дымящими трубками, набитыми голландским табачком «Клан».

А уж о рюмочке рома, приправленной чашечкой кофе, говорить и вовсе не приходится. Это вам не маяк Ла Мадонетта в проливе Бонифачо, между Корсикой и Сардинией. Интересно было бы глянуть на тамошних лоцмейстеров, не иначе как в обшитых золотой канителью кипенно-белых мундирах щеголяют, бдя круглосуточно безопасность мореплавания.

Это теперь я знаю, что любой огонек с известными координатами, освещающий путь мореходу, — это МАЯК, причем именно большими буквами, и абсолютно не важно, из камней он сложен, кирпичей или из собранных в пучок сосновых бревен.

Да, у нас все гораздо проще. Сопочная Карга — это советский компромисс цены и качества. Стальная труба высотой пятнадцать метров, диаметром шестьдесят сантиметров с приваренными стальными скобами в качестве лестницы.

Я под дулом пистолета по этим скобам не полезу — вид у них утлый, или, как в старину говаривали, *скорбный*. Так уж они ненадежно выглядят. Того и гляди, ветерок чуть сильнее дунет, и отправляйся в пике, раскинув руки словно крылья.

А дед Юдин лазит. Старый он уже, однако по скобам сапогами шелестит на зависть нам, молодым-зеленым. Подобно бойкому недозревшему юнге в прыщах, с чайного клипера «Катти Сарк», карабкающемуся по вантам к грот-марса-лиселям.

На вершине фонарик не ахти каких грандиозных размеров, выкрашенный в красный цвет, да четыре растяжки, сбегаящие к земле и утопленные концами в бетоне. Растяжки собраны из стальных прутков толщиной с мой указательный палец, метровой длины каждый, с приваренными кольцами на концах.

От фонарика вьется вкруговую вокруг стального тела навигационного знака пара проводов, устремляющихся вниз, к установленным на земле под знаком электробатарей. Вот вместо штабеля этих электробатарей у подножия знака нам и надлежит подключить Радиоизотопный термоэлектрический генератор, то есть РИТЭГ.

Вот и вся конструкция, гордо именуемая навигационный знак Сопочная Карга. До настоящего маяка знаку Сопочная Карга, как мне до пенсии. Знак стоит у самого устья Енисея и отмечает начало Енисейского залива Карского моря. Люди, может, и есть где-то в округе, но как-то на глаза мне ни разу не попадались. Да и есть ли они?

Хотя есть здесь люди. Есть-таки! Правда, сам я их никогда не видел, но знаю, что они тут. Прямо на мысе в двух километрах от знака. Морская гидрометеорологическая станция «МГ-2 Сопочная Карга». Впервые станция была открыта 2 октября 1939 года и работает без перерывов по настоящее время. Парни на станции изучают гидрометеорологический режим Енисейского залива и обслуживают морской флот и авиацию.

Как носить на руках вездеход

Третий час мы всей гоп-компанией несем на руках свой вездеход самой стильной на сегодня в Заполярье модели под названием ГТСМ. Ну, это уже исключительно моя заслуга. Непробиваемый сплав глупости и отсутствия опыта.

Я, как начальник лоцмейстерской партии, отдал отработанным морским командным голосом суровое указание двигаться вездеходом вдоль пляжа. Был бы опытный, знал бы, что на берег надо прыгать перпендикулярно урезу воды. Выметаешься через енисейский пляж ходом и галопом сразу в тундру, на ягель и далее по вечной мерзлоте.

Здесь приказ начальника — закон для подчиненного. Без каких бы то ни было исключений, даже если начальник еще молодой и глупый, в смысле неопытный.

А был бы начальник умный, прежде чем принимать такое решение, посоветовался бы с дедом Юдиным, техником-лоцмейстером, старым полярником в ракушках, лет пятидесяти от рождения. Он бы мне объяснил, что по енисейскому пляжу на вездеходе *козлить* опасно: чем ближе к урезу воды, тем более насыщен песок водой.

Стоит водителю вездехода чуть зазеваться, гусеница выбрасывает из-под себя песок, утопая во все более жидком песке, и вездеход ложится на брюхо, бурля в воде затонувшей гусеницей.

Все именно так и вышло. Похоже, народ здесь привык слушать начальство беспрекословно в силу своей врожденной дисциплинированности, даже когда оно, начальство это, несет несусветную чушь. Вот на этой их чрезвычайной дисциплинированности я и погорел. Вероятно, до меня все начальники лоцмейстерских партий здесь были несказанно умные и чрезвычайно толковые парни. Народ просто привык к их непогрешимости. И тут, как на грех, к ним прислали меня. Ну а я вот такой безалаберный и *непродуманный*. Не исключено также, что мне решили, в порядке воспитания, показать: сначала надо думать, потом, если чего-то не знаешь, надо советоваться, а потом принимать мудрое, обоснованное решение. Хорошо поучили — пошло на пользу.

Технику моему за пятьдесят, а мне, его начальнику, двадцать четыре. А у меня еще два старикана в оперативном подчинении с совещательным правом, у которых, если что, можно было бы спросить умного совета. Это капитан гидрографического судна «Лот» Камошин Евгений Николаевич и шкипер по должности (но капитан по духу) баржи «Северянка-2» Ницус Гунар Карлович.

Шкипер «Северянки -2» Гунар Карлович - ровесник моему отцу. Ну, я же самый умный, я же инженер, начальник, в конце концов! Что мне эти стариканы с их опытом. Муфлон круторогий! Это я не о Карловиче, это я уже про себя.

Теперь я вместе со всеми моими бравыми лоцмейстерами, выдернув из кузова вездехода одно из бревен «на всякий случай» и рассупонившись до состояния «в чем мать родила», ныряю под правую гусеницу вездехода.

Трусы мочить мне как-то в лом, вода холодная до чертиков в глазах, и об сухие трусы мне ещё предстоит греться. Вода, не как в Восточно-Сибирском море, конечно, но уж точно как в Карском. Водные процедуры мы всей компанией принимаем в Енисейском заливе, а это уже Карское море. Хотя до Енисея рукой подать, но коленкор уже совершенно другой – психология работает.

Гусеница висит в воде без опоры на грунт и при работе все более углубляет яму. Цепляю цепью бревно за трак у переднего катка, контролируя местоположение свободно плавающих органов тела во избежание защемления их гусеничным траком.

Вездеход, грозно зарывав двигателем, с опорой на бревно продвигается на пять метров, я снова ныряю уже под последний каток гусеницы и отцепляю бревно от трака. Парни перетаскивают бревно вперед, и следующий ныряльщик старпом «Лота» Жека цепляет бревно за трак у первого катка. Брр-р-рр! Даже смотреть на это холодно. Вездеход продвигается еще на пять метров.

Следующее погружение за вторым помощником капитана, потом от широкой морской души моториста Сани Редькова, далее мои парни лоцмейстеры, а следом за ними и мне бултыхаться в эту смесь воды, песка и ила. Двигаемся мы таким стильным манером уже часа два с перекурами.

Все мои парни, ну и я, вероятно, такой же, не то синего, не то сиреневого цвета. Вода в Енисейском заливе в это время ледяная. Впрочем, вода здесь и в разгар лета отнюдь не парное молоко.

Начало августа на Енисее уже далеко не разгар лета. Да и не мудрено - не экватор, однако. Угораздило же папуасов занять все теплые местечки на земном шарике! А нам вот Заполярье оставили. Как-то всё несправедливо в этом мире устроено, негармонично.

Согреться можно в кабине вездехода, но греться некогда. Надо нырять. Как в случае с той обезьяной: думать некогда, надо прыгать. Не участвуют в водных процедурах только дед Юдин, в силу почтенного возраста и ослабленного заполярным образом жизни здоровья, а также водитель вездехода, без усталости ворочающий рычаги фрикционов.

Наконец кое-как, на последнем издыхании, донесли вездеход до скального выхода на пляже, зацепились за него правой гусеницей и, лязгнув траками, выскочили с пляжа на ягель. Здесь хоть и мокро, но вездеход передвигается без проблем: под ягелем вечная мерзлота.

Представляю, сколько на моем лохматом затылке и бороде повисло нелестных, мягко выражаясь, эпитетов, произносимых мысленно в мой адрес моими подчиненными парнями сине-фиолетового окраса.

Понимают парни, что заслуга в сегодняшнем полярном купании исключительно моя. Я, конечно, *стряхиваю это дело с воротника и форс держу* по высшему разряду — начальнический. Засранец еще тот, одним словом.

Я мог, конечно, вообще курить бамбук в стороне, на правах начальника. Только не по-человечески это. Не до такой уж степени я засранец, а потому нырял вместе со всеми в порядке живой очереди. Ну, ошибочка вышла, однако. Что мне теперь? Извиняться что ли? Не дождутся! Как говорил мой командир роты Альберт Сергеевич — трудности укрепляют молодежь!

По возвращении на пароход парни выпьют водки с молотым черным перцем, и, даст Бог, никто не разболеется и не упадет духом. Хотя не факт, что водку они уже раньше всю не выпили. Впрочем, они и так парни на зависть крепкие, а под моим скрупулезным руководством станут еще неизмеримо более крепкими, сильными и здоровыми.

Тут вам не здесь, а здесь вам не там! У нас, как на фронте — болеть некогда. Да и раскисать никто нам не позволит. Исключая, разумеется, случаи заболевания триппером. Ну, это пока чисто гипотетически. Однако зарекаться не будем.

В этом смысле, покуда Господь нас милует. Хотя Гунар Карлович Ницус, ссыльнопоселенец, потомственный латышский буржуй и «контра белая», а также несостоявшийся наследник трех доходных домов в столице Латвии городе Риге, говорит, что не моряк тот, кто три раза гонореею не лечил.

Гунар Карлович здесь в серьезном авторитете, но что-то я не знаю, верить ему или нет. Хотя жизненный опыт у Карловича огромный, я бы даже выразился категоричнее — грандиозный.

Заполярные Чингачгуки

Пока мы, выскочив вездеходом с песчаного пляжа, отряхивались, согревали свои многострадальные синие тела, нырнув в теплые, нагретые на кожухе двигателя вездехода труссы, курили да прихорашивались, жизнь не стояла на месте. Второй помощник капитана Фёдор как был в наряде Адама, не знакомого ещё с первородным грехом, в таком виде и успел среди осоки узреть конец какой-то веревки.

Узрел и, движимый естественным человеческим любопытством, незамедлительно за веревку потянул. Вытащили в итоге общими усилиями чужую сеть, полную белорыбицы: муксуна, омуля, нельмы и прочей рыбы, с которой я лично до сей поры знаком не был. Народ, промерзший до синевы, голодный, как десяток Карлсонов, живущих на крыше, долго не раздумывал. Сеть, судя по всему, поставлена недавно. Вся рыба, не сонная, живехонькая и донельзя бойкая, так и трепещет. Ты ее в руки, а она тебя хвостом, да прямо по всей *морде лица* слева направо да справа налево.

Первым к делу приступает Федор. Он, даже не прыгнув в труссы, как есть голышом мчитя к вездеходу за своим альпаком, шарит в карманах в поисках солонки и перечницы, тиснутых из кают-компания «Лота». Посолив и поперчив живого полуметрового муксуна, второй помощник капитана вонзает зубы в жирную спину сразу за его головой. Муксун конвульсивно трепещет хвостом в руках Федора и кричит в полный голос от боли и ужаса.

Писатель-фронтовик Виктор Астафьев, местный, родом с Енисея, из самой Игарки, утверждает в своей книге «Царь рыба», что рыба дескать кричать не умеет. А я вот, хоть и пребываю на Енисее всего без году неделя, при всем моем уважении, совершенно уверенно могу сказать, что Виктор Петрович очень глубоко в этом вопросе ошибается.

Похоже, он рыбу живую зубами на части никогда не рвал. Умеет рыба кричать, умеет! Да еще так умеет, что мороз по шкуре от этого крика продирает.

Я не представлял, что заживо пожираемая рыба может так кричать. А еще говорят: молчит как рыба. Неправда это. Оказывается, рыба вовсе не молчуня. Муксун кричит и плачет, визжит в истерике, пока второй помощник капитана гидрографического судна «Лот», громко чавкая, с аппетитом пожирает его заживо. *Руссо садисто!*

Зрелище еще то — не для слабонервных граждан. Я ухожу подальше, чтобы не видеть и не слышать весь этот ужас. Оно и понятно: я-то полярник начинающий, а эти парни — *чинганчгуки* местной закваски с последующим местным розливом. Аборигены, одним словом, почти настоящие *ненэй ненэчи*. А может, просто уже адаптировались сверх всякой меры, одичали на лоне первозданной заполярной природы.

Аборигены (в широком смысле слова) в принципе кражи меж собой не одобряют, но почитают за доблесть красть у русских. Однако в результате какого-то немислимого умственного вывиха ненцы, селькупы и ханты, несмотря на устоявшуюся среди туземцев традицию, русских почитают все-таки отчего-то своими и красть у них избегают.

Взять рыбу из сети в качестве еды, если человек голоден, — это не кража, и среди енисейских аборигенов не осуждается и не наказывается. В местной туземной традиции вполне нормальным считается даже угон пары оленей бедным соплеменником у богатого, который проходит без особых последствий.

Потому как угон этот не ради обогащения, а ради пропитания и поддержания жизни в чреслах. Вот если бы мы сеть смотали и кинули в вездеход, это было бы уже преступлением, с точки зрения аборигена. Причем грехом таким, за который вполне можно пулей черепную коробку навывлет просквозить — не любят в Заполярье мародеров. Не ты ставил — не тебе и брать.

Советским уголовным законом такие действия не преследуются, а даже поощряются, под предлогом борьбы с браконьерством. Хотя смешно называть браконьерами людей, для которых рыба в реке была веками и является поныне одним из основных средств выживания.

Непонятно, с какой стати государство ничейную рыбу в воде объявило своей собственностью и беззастенчиво регулирует, сколько, чего и кому можно, а всем прочим чаще всего просто ничего нельзя.

Если аборигенное население начнет вылавливать рыбу в Енисее на поплавковые удочки, оно и десяти лет не протянет — придется новых завозить на опустевшие заполярные территории. Сюда желающих приехать не дюже много и без этих идиотских правил. Здесь один вездеход большой урон экологии наносит, вытаптывая гусеницами ягель в тундре, нежели сотня самоедов.

Парни мои от енисейских ненцев только тем и отличаются, что у тех в организме отсутствуют ферменты, расщепляющие спиртное. У моих *соколов* с расщеплением спирта в организме все полным в порядке.

Недаром в местных магазинах помимо водки продается напиток под названием «Спирт питьевой». И он не только продается, но и успешно покупается. И мнится мне, что на этикетке там нарисован как раз для людей, понимающих в этом толк, вот такой исключительно русский иероглиф — «96 %».

Сырую рыбу есть я не буду. От нее червячки в печени заводятся и потом начинают заживо пожирать любителя сырой рыбы. Говорят, долг платежом красен. Сначала ты кушал, потом тебя кушать будут — все честно и по справедливости. *Посеял ветер — пожнешь бурю*. По мне печень так дороже. В конце концов, с голода я не помру. У меня в запасе дней двадцать лечебного голодания, без особых последствий для организма, если вдруг все мероприятие с РИТЭГом так надолго затянется. Судя по усилившемуся многократно рыбьему визгу, кто-то из парней следует примеру Федора. Ну что же, это их печень, это их риск! Каждый человек - хозяин своей судьбы и своей печени. Хотя не факт, что какие-то енисейские червячки выживут в печени, способной очистить кровь человеческую от растворенного в ней русского иероглифа «96 %».

О заполярном гнезде прибалтийских айзсаргов и заполярных коровах

В устье Енисея при следовании по створу Казачий ручей курсом 321.8 °, по левому берегу за мысом Зверевский, севернее устья речки Паёсаля, видна брошенная деревенька. Парни из экипажа «Лота» отчего-то именуют её Ошмарино. Наверное, оттого, что неподалеку находится бухта Ошмаринская. На навигационной карте деревенька помечена как Лайда (нежил.). И не живут люди в этой деревеньке уже давно, примерно с года моего рождения.

По рассказам моих более знающих и неизмеримо более опытных коллег, в деревушке этой жили ссыльные поселенцы, или в терминологии ГУЛАГа именуемые спецпоселенцами из прибалтийских республик, добровольно присоединившихся к СССР в 1940 году.

Видимо, по ходу сценария граждане эти, ничтоже сумняшеся, решили не участвовать в добровольном присоединении к СССР, оттого их и перевели из разряда вольных граждан в разряд спецпоселенцев.

Уже к концу 1940 - началу 1941 население Лайды заметно пополнилось предположительно противниками советской власти, решившими бесповоротно надолго переехать в советское Заполярье на постоянное место жительства. Да и название поселка Лайда и реки Паёсаля - ну чем

не намек на то, что речке название не сами ненцы придумывали. Не иначе как помогал им кто-то. Звучание еще то!

По мне, такое название весьма с прибалтийским запахом. Либо финны, коих сюда советская власть тоже немало переправила, ненецкую речушку на свой лад перекартавили. Кстати, вовсе не факт, что Лайда существовала до появления ссыльных, а не возникла с их появлением.

С расстояния в полумиле от берега видны участки около домов с характерными следами обработки земли — грядки видны, следы от вспашки. Спецпоселенцы, оказывается, в этом царстве вечной мерзлоты умудрялись выращивать овощи: картофель, помидоры, лук, морковь, огурцы и даже редиску.

Советские совхозы, расположенные много южнее, до сей поры не могут повторить эти сельскохозяйственные подвиги ссыльных врагов советской власти. У нас в Игарке тоже совхоз действует «Полярный». Однако, несмотря на то, что Игарка на шестьсот пятьдесят километров южнее устья Енисея, что-то я не припоминаю в нашей столовой свежих помидорчиков с огурчиками. Хотя, может, нам, лоцмейстерам, они просто не по чину?

Я не особо вникал, но мнится мне, что главная задача совхоза - привезти с материка корову, оттуда же перевезти про запас сена на весь год. Не яглем же коров кормить. А потом круглый год дергай корову за сиськи и получай натуральное молоко для детской молочной кухни. Хотя в Игарке, может, тоже трава растет, уж и не знаю. Летом-то, в период навигации, я по тундре в основном по ягелю шуршу.

Для взрослых в ходу порошок молоко, а если развести гуще — получайте сметану к обеду в столовой. Впрочем, не мне о заполярном сельском хозяйстве рассуждать, я корову вблизи последний раз года двадцать два назад видел, сидя карапузом на бабушкиной шее во время дойки.

Нет, вру и даже не краснею. Года три назад имел счастье лицезреть бурёнок на ледоколе «Георгий Седов». Ледокол пару дойных коров погрузил в Певеке и транспортировал на полярную метеорологическую станцию на острове Четырехстолбовом, одном из Медвежьих островов в Восточно-Сибирском море.

Есть такой архипелаг из шести островов, расположенных севернее устья Колымы, и название его на якутском языке звучит так: *Эһэлээхарыылар*. Крутое звучание!

Сам остров Четырехстолбовой знаменит тем, что на нем имели место быть четыре скальных столба — кигиляха, как результат растрескивания и последующего выветривания скал. Зафиксировали их все четыре, когда остров открыли, оттого и назвали так.

Мы на Четырехстолбовом в 1977 году разглядели только три кигиляха. Четвертый кигилях, похоже, под корень осыпался под воздействием могучих природных сил, либо ликвидировали его по какой-то причине люди.

Откуда коровы вдруг в Певеке возникли, для меня до сей поры великая тайна есть. Довеском к коровам на палубе ледокола «Георгий Седов» присутствовало пять стогов душистого сена из теплых южных краев. Занимательное было зрелище: коровы под импровизированным навесом у стогов сена на палубе ледокола в окружении свинцовых вод Ледовитого океана в обломках льдин с возлежащими на них тюленями и моржами.

Одно непонятно: чтобы корова и на следующий год доилась, ей же кроме сена и быка надо предоставить, чтобы он по мужской части коровку приласкал. Раньше-то я не знал таких тонкостей, это мне бабушка Мария Филипповна по секрету рассказала. В противном случае коровка забастует и молоко давать перестанет. Девчонки - они все такие, что уж говорить об особях коровьей породы.

Видимо, быка тоже с материка подвозят к нам в Игарку, в командировку. По любому быка подвозить раз в год не в пример выгоднее, чем ежегодно ему сена запасать на весь сезон. Да и понятно, не возить же коров к быку на материк. «Экономика должна быть экономной!» — это сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев про экономику не так давно придумал!

Так вот про Лайду. Что интересно, съехали ссыльные из этой деревеньки много лет назад, в середине пятидесятых, а дома стоят, стекла целы, лопаты, вилы, грабли, топоры в сарайчиках в целостности-сохранности. Чугунки, ухваты, кочерги, тарелки в избах - словно хозяева и не уехали в свою Прибалтику безвозвратно, а на пару дней по делам отлучились. Ненцы на летний сезон приезжают к Енисейскому заливу порыбачить и живут в этих домах.

Удивительный народ ненцы — приезжают, живут, пользуются утварью и, уезжая, все оставляют на месте и в идеальном порядке. Где-нибудь в Воронежской или Орловской губернии все

уже давно бы растащили, стекла выбили, заборы да избы в очагах вместо топлива спалили, а прочее барахло просто и беззастенчиво *скоммуниздили*.

А тут двадцать пять лет прошло, как латышские айзсарги дома и имущество все, какое здесь нажили, оставили. Так оно, на удивление, все на месте в том же порядке и пребывает. Чудеса!

Сразила меня наповал сломанная пополам поперек штыковая лопата. Сломан на лопате не черенок, а штык лопаты. Какой-то умелец заштопал проволокой поперечный перелом. Раритет могучий, словами не выразить, какой могучий.

«Заштопанная» в месте излома лопата вряд ли стала крепче несломанной, но и ею можно землю поковырять в щадящем режиме — все лучше, чем голыми руками.

Хотел я ею пополнить свою коллекцию полярных раритетов, а потом подумал: дескать, стояла она до меня четверть века, и никто ее не *скоммуниздил*. А тут я, кум французскому королю, на лоцмейстерском пароходе этак вальяжно подъезжаю. Коллекционер, *м..!* Стыдно мне стало, честно говоря, от мыслишки такой. Не взял. Честное слово! Теперь вот жалею, что не взял — все равно «сгинет в нетях» с концами.

Посмотрите в мои честные глаза, я не привираю ни капельки, вот за что купил - за то и продаю и, что характерно, абсолютно бесплатно. И рассказывал мне об этом человек, который врать не будет, — шкипер самоходной баржи «Северянка-2» Гунар Карлович Ницус. Карлович для меня как экскурсовод для туриста: разжевывает все возникающие по Енисею вопросы, а изучил он Ионесси досконально.

Карлович знает, о чем говорит, он сам в статусе врага советской власти и ссыльного спецпоселенца так до сей поры и пребывает, поскольку формально никто его до сей поры не реабилитировал и лучшим другом советской власти не признал.

Карлович

Случилось как-то мне посидеть за стаканом спирта с прибалтийским ветераном борьбы с советской властью. Рассказал кратенько, дескать, да, прибыл не по своей воле, со ссыльными из Прибалтийских республик. Больше о себе от Гунара не удалось добиться ни слова касательно его собственной биографии.

Что касается Лайды, Ницус был более разговорчив. По его рассказу, видимо с чужих слов, там баржа со ссыльнопоселенцами отчего-то не смогла причалить вплотную к берегу, поэтому конвойные вертухаи сапогами вышибли вновь прибывших за борт баржи прямо в воду, потом туда же покидали тощие узлы с пожитками «контриков».

На пустынном берегу прибывших пересчитали и бросили им по одной лопате, кирке и топору из расчета на десяток человек. Произошло это в конце полярного лета, практически перед самым ледоставом. Белые мухи в свинцовом небе уже крылья расправили. Были среди специальных поселенцев кроме латышей и финны с Карельского перешейка, и немцы из Поволжья, и китайцы с корейцами с Дальнего Востока.

Позже завезли непонятно за какие прегрешения партию ссыльных калмыков. Поначалу жили в ямах, выдолбленных в вечной мерзлоте и накрытых сверху плавником. Если эков в лагерях за колючей проволокой держат, время дают на строительство барачков да кормят хоть как-то, то ссыльнопоселенцев просто вручают их судьбе и Божьей милости.

До тепла дожили далеко не все. Это был единственный случай, когда Гунар Карлович расслабился и что-то рассказал. Больше исторических экскурсов в прошлое я от него не слышал.

Пройдет почти сорок лет, и я узнаю, что Гунар Карлович Ницус, шкипер, рулевой и моторист самоходной баржи «Северянка-2» (един в трех ипостасях), латыш, родившийся в тысяча девятьсот тридцатом году, еще ребенком имел несчастье попасть под карающий меч НКВД.

В июне тысяча девятьсот сорок первого года одиннадцатилетний Гунар вместе с мамой и папой Карлом, владевшим тремя доходными домами в столице буржуазной Латвии городе Риге, был репрессирован как классово чуждый элемент, или по-простому *контра белая*, карающими органами революции.

Репрессирован и отправлен под конвоем в ссылку, с поражением в правах, прямиком в Красноярский край. Сначала в село Назарово, потом семейство перебралось с Агапитово, а в тысяча сорок втором году судьба улыбнулась им переездом в город Игарку.

Кому-то переезд стал улыбкой судьбы, а кому-то смертельной её гримасой. Папу Карла уже в Игарке убили в драке не то по пьяным, не то по политическим мотивам. Вскоре умерла и мама, не осилив здоровьем заполярной зимы.

И остался Гунар круглым сиротой тринадцати лет от роду. Мне неизвестно, каким образом занесло малого Гунара в экипаж какого-то енисейского парохода, но с той поры и началась морская, в черно-белую полоску жизнь паренька. Не в те ли годы родилась недобрая русская пословица, гласящая, что у латыша лишь йух да душа. И справедлива пословица эта была, в том числе, и в отношении малолетнего Гунара Ницуса.

И пребывал далее Гунар в статусе политического ссыльного с ущемлением всех прав в течение пятнадцати лет, до тысяча пятьдесят шестого года. В этом году Ницус вновь, формально, обрел права и свободы гражданина СССР. Однако пятно политического ссыльного, якобы злоумышлявшего супротив советской власти в свои одиннадцать лет, долго висело на вороте морского бушлата Ницуса. Реабилитировали Гунара только в девяностые годы. Понятно, что извиниться за детство, проведенное в яме, выдолбленной в вечной мерзлоте и крытой плавником, выловленным в водах Енисея, никто не соизволил.

Да и кому было извиняться? Война, затем послевоенные чистки до смерти Сталина, выкорчевывание из органов ставленников Лаврентия Павловича Берии после пятьдесят третьего года, не прошли бесследно. Особистов, которые Гунара в июне сорок первого с семейством в ледяную тундру на погибель упекли, давно уже, наверное, черви могильные источили.

Кстати, никогда не слышал от него ни слова хулы в адрес советской власти, ни жалоб на свою судьбу. Я даже и не знаю: это из-за опасения, что карающие органы могут на цугундер запросто вздернуть, или от чистоты помыслов, касающихся роли советской Родины в жизни маленького латышского человека, даже репрессированного без достаточных на то оснований.

Сдается мне, тут имеет место некая смесь лояльности и опаски. Хотя таких оптимистов, как Ницус, и днем с огнем в наших заполярных краях не всяко сыскать удаётся.

Старшую сестру Гунара, которая успела выйти замуж за члена Коммунистической партии Латвии, тогда в сорок первом году вниманием обошли, оставив её в покое. Я вот думаю, а почему бы тем парням из особистов НКВД, что Латвию зачищали от врагов советской власти, было не отправить малого одиннадцатилетнего Гунара к сестре единоутробной на воспитание?

Единственное, о чем Карлович рассказал, это о своей поездке в Ригу в начале семидесятых в гости к сестре. Не знаю, как уж ему удалось отыскать ее, видимо, шурин как партийный деятель в республике на слуху был. Заявился Гунар на землю пращуров в гости. Сестра на русском *ни бельмеса* не понимает. Брат на родном латышском практически *не Копенгаген*: «твоя моя понимай» выговаривает кое-как, через пень колоду. Поговорили на пальцах по-родственному, да шурин, владевший русским, слегка толмачом поработал.

Мне очень интересно было бы узнать, вернул ли Гунар Карлович в собственность три доходных дома в центре города Риги, как наследник своего папы Карла, когда СССР рассыпался в прах и на его обломках восторжествовал капитализм?

Думаю, что Гунар в полном своем праве и смог бы, если бы захотел. Ведь отняли же у актрисы Вии Артмане квартиру в центре Риги в пользу наследника старого, довоенного владельца. Вот только мнится мне, что вряд ли Гунар захотел ввязываться в такую тяжбу.

Девяностые годы двадцатого века — поганые годы. А сколько мерзавцев загребущих рыла свои оскаленные на белый свет явили. Всяких тварей хватало, начиная от мелкой гопоты снизу и до самого элитного верха. Да и не сильно в морально-этическом смысле элита эта от гопоты отличалась.

Сколько тех, кто присосался к самой верхушке и порушил страну для своей сомнительной выгоды! Конечно же, для сомнительной, если кто сомневается или не верит. Кем был Горбачев? Первым Президентом СССР! А кем стал? А стал обыкновенной продажной шельмой на содержании врага. Очень сомнительная выгода.

Выйдите не спеша на центральную площадь своего города, поселка, и вы их без труда увидите и безошибочно опознаете. Нынешние тридцать сребреников - деньжата, безусловно, громадные, но и горят они на лбу целого сообщества нынешних иуд печатью вечной адовой.

Меня по сей день тошнит от гладкой рожи меченой шельмы, первого и последнего президента СССР «товарища» Горбачева, с его «перестройкой». Я уже не говорю о вечно пьяной

морде предателя ЕБН, на фоне звездно-полосатого стяга, с угодливой улыбочкой: «Господи, благослови Америку!». Тьфу! Пакостники!

Господи, какие же они мрази! Так предать страну, поднявшую их из самых низов, от штурвала комбайна, от ржавой бадьи и совковой лопаты бетонщика, к самой вершине!!! Самое ужасное, что их так много, что они есть в каждом населенном пункте нашей когда-то могучей страны. Вертикаль! *Туды её в карусель!* Как же чрезвычайно жаль, что до сей поры так и не изобретена машина времени. Вернуться в подходящий момент, в нужное место и придушить этих выдающихся мразей, пока они ещё напакостить не успели! Ужасно? Да, конечно, ужасно! Но не ужаснее, чем то, что сотворили они с нами и нашей страной! В самый раз — по заслугам и расплата.

Все это будет потом. А сегодня в июле года одна тысяча девятьсот восьмидесятого я абсолютно не в курсе всего этого, за исключением разве что коротенького рассказа Гунара Карловича, услышанного в каюте «Лота» за наполовину полным стаканом спирта под папиросу «Беломора».

Чуки-пуки и енисейская яичница

Начало июля. Остров Большой напротив Караула. Если с острова смотреть на поселок Караул, справа главное русло, слева протока Тропинская. Примерно десяток ненецких рыбаков из поселка Караул варят на костре в небольшом алюминиевом котелке три десятка чаячьих яиц. Больше в котелок не поместилось.

Уж и не знаю, как парней этих идентифицировать — то ли караульцы, то ли караульчане. Интересно, какой умник поселок сей обозвал так и в каком смысле? То ли караулили кандалников в местах сих негостеприимных, то ли грабили молодежь мимо прохожих под крики: «Караул, спасите!»?

Потом уж почитал, поинтересовался — сначала глазам своим не поверил. Оказалось, поселок основан в 1616 году казаками как ясачное зимовье Караул. Ясак казачки здесь складывали, обдирая *ненэй ненэчей*. Эта затерявшаяся в тундре деревенька древнее Перми, Пензы, Красноярска и Иркутска. В начале двадцатого века здесь гостил норвежский полярный исследователь Фритьоф Нансен. Сейчас проживает чуть более тысячи человек.

Мы как-то по пути в район работ зашли «Лотом» в Караул. Дело было вечером, а нам *край надо было* в магазинчике местном закупиться жизненно важными продуктами, без которых функционирование советского полярника бывает слегка затруднено. Магазин был закрыт, но кто-то из местных парней из племени *ненэй ненэчей* подсказал нам адрес проживания заведующей магазином, а может, просто продавщицы.

Домик по названному адресу нашли довольно быстро: светло, полярный день. Избушка была низенькая, обшарпанная, глинобитная, и на стенах из-под осыпающейся штукатурки проглядывали дощечки дранки. Снаружи избушка выглядела так, словно неподалеку упала авиационная бомба и взрывной волной сняла всю штукатурку со стен.

Мы были высочайше допущены в этот домик и закупились, не возвращаясь в магазин, прямо тут же. И насколько снаружи домишко сей выглядел убогой обшарпанной халупой, настолько же внутри он выглядел дворцом Шамаханской царицы.

Ковры на стенах и полу, импортная мебель из Страны восходящего солнца, именуемой Ниппон, люстра богемского хрустала, алый халат японской гейши на хозяйке вкупе с усыпанными золотыми перстнями пальцами и услада советской элиты — невероятное количество хрустальных ваз на подоконниках и на мебели.

Японский проигрыватель «*Pioneer*» и куча *пластов*, стоимостью по сотне рублей за каждый. *Пласты* эти в Ленинграде по сотне рублей стоят, а какова их цена в Карауле, я даже фантазировать не берусь. Даме было с лихвой за сорок. Кто-то из парней на выходе даже присвистнул и произнес: «Упакованная чувиха! За такой *Шахерезадой* как за каменной стеной. Не грех и приударить!».

Помню свою спонтанно возникшую мысль о том, что было бы интересно взглянуть изнутри на жилище главы сельского совета поселка Караул. Если уж у заведующей магазином дворец Шамаханской царицы, то у председателя и вовсе, наверное, Копи царя Соломона. Карлович уже потом вкратце пояснил мне, какие чудеса творит на Таймыре жидкая валюта.

Эк меня заворотило в сторону! Так вот про парней из Караула на острове Большом. Перевернул их вместе с рыбачьими лодками и чудом не утопил недавний шторм на Енисее. С Енисеем шутки плохи, и штормит здесь не слабее, чем в море.

Здесь те, кому удалось счастливо выбраться на остров. На вопрос Гунара о каком-то его местном знакомце, ненцы, горестно покачивая головами, отвечали, дескать, был на рыбалке с нами, а теперь где-то нет его — утонул, наверное.

Лодки с моторами, рыболовными снастями, уловом и прочими причиндалами благополучно покоятся на дне Енисея. Как случилось, что уцелел котелок, ума не приложу. Кроме того, абсолютно неясно, каким образом они добывают огонь. Надо будет Карловича расспросить подробно.

Аборигены сидят на острове уже трое суток кряду, питаются яйцами чаек, коими остров буквально усыпан, и ждут, что подвернется оказия и кто-либо увидит их и перебросит через Енисей на коренной берег. А там пару километров пешком до поселка Караул.

Я занят своими геодезическими упражнениями: кручу на навигационном знаке теодолит. Гунар Карлович, окруженный ненцами, потерпевшими крушение, благодушно повествует им, что, дескать, начальник сейчас отработает свою геодезическую работу, потом он, шкипер самоходной баржи, отвезет начальника на пароход.

Работа у нас очень важная и отлагательства не терпит, потому как, если мы в срок ее не исполним, на Енисее все застопорится, просто встанет колом. А вот после этого он, то есть Гунар Карлович Ницус, капитан самоходной баржи «Северянка-2» вернется к потерпевшим от гнева сердитого штормового Енисея, спасет их и решит все проблемы.

А покуда мы туда-сюда по важным государственным делам будем мотаться, пусть ненецкие парни варят и едят чайчьи яйца, пьют вкусную енисейскую воду и не беспокоятся о своей дальнейшей судьбе. Все у них будет *чики-пуки*.

«*Чики-пуки*» сказано в смысле, что все хорошо, помирать еще рано и в дальнейшем все будет просто замечательно. Когда-то в туманной древности великие шаманы, покурив волшебных грибов, для общения со своими языческими Богами одевали на себя бусы из зубов и костей свирепых хищников, принесенных в жертву не менее свирепым Богам.

При камлании, в пляске под бубен, эти косточки и зубы, ударяясь в танце меж собой, издавали звуки «чики-пуки, чики-пуки». Впоследствии этот звук стал ассоциироваться в народе с надеждой на помощь Богов и благоприятный исход повода, по которому били в бубен, камлали и приносили жертвы Владыкам небес.

У Гунара по поводу этого выражения имеется свое мнение. Известно, что среди каторжных сидельцев в сталинских лагерях присутствовало довольно большое количество интеллигентных, образованных врагов народа, коим в силу их энциклопедических знаний была известна фраза: «*Хичи пуки чики ау ки эй*».

Фраза эта якобы была первоначально вывезена испанскими конкистадорами с полуострова Юкатан из племени ацтеков или майя. Впоследствии за лагерной колючкой с помощью репрессированных испанцев, как господ франкистов из «Голубой дивизии», так и товарищей республиканцев, она трансформировалась в *чики-пуки* как обещание лучших времен и просьбу не помирать раньше времени.

Проблемы ненецких рыболовов будут решаться, видимо, на коммерческой основе, как конкретно, я не знаю и даже не пытаюсь проявить интерес к данному вопросу. Не мое это дело, и поводом для обсуждения с кем-либо оно не будет.

Здесь свои законы и правила, и не мне, сопливному еще лоцмейстеру двадцати пяти лет от роду, их менять. Они устанавливались за многие сотни лет до моего появления в этих заповедных землях. Каждый из нас хозяин своей жизни и творец своего будущего.

Гунар вырос в суровых условиях, приближенных к каторжным, в яме, выдолбленной в вечной мерзлоте. И, судя по всему, в период его детства и юности местное аборигенное население не спешило помогать врагам народа и советской власти - ссыльнопоселенцам.

Полагаю, что в свое время ребята в кухлянках, рожденные в чумах, не дали Гунару повода вспылать к ним особым дружелюбием. Во всяком случае, глядя на поведение шкипера в данной ситуации, приходят на ум именно такие мысли. А может быть, я и ошибаюсь. Вот такая вот получилась енисейская яичница.

И кто нарушил равновесие?

Существует в народе мнение, что самоеды, которых власти именовали просто «туземцами», в свое время сотрудничали с ними на коммерческой основе. То бишь отлавливали, а скорее всего, просто отстреливали беглых из сталинских лагерей каторжан, да и спецпоселенцев, под горячую руку, кои тоже бегали по тундре в поисках лучшей жизни.

Попробуй разобраться, что за оборванец в опорках, сверкая голой задницей, бежит по бескрайней, хлюпающей болотом, а то и заснеженной тундре. Отчитывались, по слухам, перед лагерным начальством ушами, пальцами и головами беглецов. С пленными хлопот неизмеримо больше, нежели с телами хладными и неживыми.

Причем принимали участие в такой охоте все без исключения. Ненцы, селькупы, эвенки, ханты, манси, долганы, кеты, энцы, нганасане — все они для бледнолицых похожи друг на друга как две капли воды. Какой беглец способен отличить их на взгляд? На кого указать пальцем и не опростоволоситься?

Посему, видимо, и Гунар Карлович не питает к енисейским туземцам особого пиетета. И ничего тут не поделаешь! Такова суровая правда жизни.

С другой стороны, эта же горькая правда дает основание оправдать такое поведение аборигенов. Кто первым нарушил шаткое равновесие? Неизвестно! Аборигены ли начали первыми отстреливать и сдавать лагерных беглецов, или беглые каторжане сводили под корень, вырезая во избежание огласки поголовно семьи и рода аборигенов, встреченные на пути бегства? Кто из них прав? Кто знает? Мне это не ведомо.

Примеров тому много. Много и причин, вызвавших противостояние аборигенов и некоренного населения. У аборигенов и в лучшие-то времена жизнь была не сахар. А с началом Великой Отечественной войны нормы оплаты за трудодень в оленеводческих колхозах упали до смехотворных — пятнадцати граммов мяса, пяти граммов масла и десяти граммов зерна. Смертельный паек!

Аборигены выжили бы и сами, без помощи властей, если бы власти под лозунгом «Все для фронта, все для победы» не подняли изъятие источников существования аборигенов: рыбы и оленей — результатов охотничьего промысла - за пределы разумных объемов.

К концу сорок первого года в тундре стали разбегаться на все четыре стороны оленеводческие колхозы, рыболовные и охотничьи артели. Замаячила перед взором туземцев угроза голодной смерти. Люди уходили в тундру, избегая контактов с представителями власти.

В сорок третьем году власти вообще прекратили выдачу хлеба даже тем коренным жителям, которые несмотря ни на что продолжали исправно платить налоги рыбой, дичью, оленями. Ловля беглых стала одним из способов выжить, поскольку позволяла получить хоть что-то из рук властей, от щедрот НКВД. Для аборигена всякий незнакомый в тундре является возможным врагом, для беглеца всякий абориген однозначно враг.

Тундра насколько просторная и безлюдная, настолько же и тесная. Бегущего по тундре каторжанина по любому несет к людям. Там у аборигенов тепло, еда, одежда, оружие, жизнь. У беглеца нет других вариантов. Все другие варианты приводят к смертельному исходу.

В конечном итоге они сходятся лицом к лицу, и порою случается то, чему бы лучше никогда не случаться. Единственно возможный вариант приводит к единственно возможному конечному исходу — смертельному. Что примечательно, и с окончанием войны жизнь в Заполярье для аборигенов, как это ни странно, легче не стала. Она и сейчас совсем не легкая.

К примеру, широко известный в очень узких кругах случай. В июне тысяча девятьсот сорок восьмого года из-под стражи, разоружив охранников, совершили побег заключенные стройки номер «Пятьсот один», тянувшие железнодорожную ветку сообщением Чум — Лабытнанги. Девятнадцать беглых каторжан совершили нападение на ненецкий оленеводческий колхоз «Красный Октябрь». Род Терентьевых из семи мужчин, пятнадцати женщин, двадцати детей в возрасте от пяти месяцев до тринадцати лет был расстрелян из огнестрельного оружия, порезан ножами и зарублен топорами. Взяв продукты и охотничье оружие, беглые каторжане ушли в тундру, но были настигнуты сотрудниками НКВД у Воркутинского лагеря, окружены и без жалости уничтожены.

Летом следующего тысяча девятьсот сорок девятого года восстали каторжане на станции Абезь, между Интой и Воркутой. Восставшие лавиной двинулись в сторону Воркуты, освобождая лагерь, встречавшиеся на пути. Число восставших перевалило за семьдесят тысяч человек.

Продвигаясь, восставшие безжалостно пускали под нож нехстати оказавшихся на пути аборигенов: якутов, эвенков, зырян - в отместку за выдачу ими властям беглых за денежное вознаграждение.

В тундре нет газет, но вести бегут от стойбища к стойбищу семимильными шагами. Вся огромная страна не знала о восстаниях в сталинских лагерях, о боях в Заполярье между каторжанами и сотрудниками НКВД, а аборигены всегда были в курсе.

Даже спустя три десятилетия, прошедшие с тех событий, местные до сей поры относятся к появлению в тундре посторонних с опаской. Мы, лоцмейстеры, тоже для них посторонние. Они и к нам относятся с опаской, видимо, подспудно, на уровне подсознания, ожидая от нас какой-либо «бледнолицей» пакости.

Лоцмейстеры люди государственные. А к пакостям со стороны государства аборигены уже привыкли. Ничто не проходит бесследно. Вот уж воистину, «никто не забыт, ничто не забыто».

Я это понял, когда по случаю пришлось посетить жилище ненцев, временно занявших брошенный дом в Лайде. Стучишь в дверь,ходишь и видишь первую реакцию мужчин на твое появление. И реакция эта — произвольный взгляд в сторону поставленного в углу оружия.

У меня всегда при встречах с аборигенами было четкое ощущение, что я на самом деле инопланетянин, волею судеб катапультированный с пролетавшего мимо неопознанного летающего объекта в жизнь коренных *ненэй ненэчи* на чуждой и незнакомой мне планете.

Немногословность и скрытность - характерные для ненцев черты. Они прежде всего итог совместной в течение столетий жизни бок о бок с бледнолицыми колонизаторами. А когда-то, в доисторические времена, отважные, без страха и упрека *пахатыры* аборигенов вместе с мифическими беловолосыми подземными людьми *сихиртя* охотились на мамонтов, пещерных медведей и саблезубых тигров. А если шли в бой или на поединок, то под грохот шаманских бубнов, обтянутых человеческой кожей.

Обменный фонд

Я по доброте душевной пытаюсь повлиять на Гунара, чтобы он сразу взял потерпевших на борт и доставил к берегу, пока я занят работой на навигационном знаке. Мне с теодолитом крутиться не меньше часа, если с перекурами. Гунару со всеми хлопотами на переброску енисейских *робинзонов* с лихвой тридцати минут хватит.

Вот зачем им все это время понапрасну толкаться по острову, *не пришей рукав в известном месте*. Гунар сурово смотрит на меня и напоминает, что я начальник лоцмейстерской партии и волен отдавать ему команды только касательно выполнения лоцмейстерских работ.

Капитаном же самоходной баржи «Северянка-2» является он, Гунар Карлович Ницус, и никто другой помимо него. А это означает, что капитан Ницус способен самостоятельно принять правильное решение относительно потерпевших от стихии товарищей ненцев и их дальнейшей судьбы. На словах «правильное решение» Гунар Карлович делает особый акцент.

Я смотрю на рассерженного моей настойчивостью Гунара и говорю, сплюнув, с приторно доброй, ехидной улыбкой на лице:

— Да хрен с тобой, старый, упрямый латышский буржуй, поступай как знаешь.

Карлович на мой большевистский выпад не обижается. Понимает он, что я не намерен качать начальнические права по сиюминутному поводу, и лицо его разглаживается от гневных морщин, а гримаса недовольства сменяется хитрой латышской улыбкой.

Жизнь, конечно, научила Гунара всему, не обделен он и умением делать деньги. Он, судя по всему, умеет в жизни все, противном случае он просто не выжил бы, всеми брошенный в выдолбленной в вечной мерзлоте землянке.

Оказался я как-то единожды по какому-то непонятному для меня случайному стечению обстоятельств в машинном отделении баржи «Северянка -2». Это святая святых Гунара Карловича, куда он не пускает никого. И меня бы не пустил, кабы он в этот момент был чуть трезвее. Но не случилось ему тогда протрезветь до нужной кондиции.

Побывал я таки в святая святых капитана Ницуса, да не нахрапом, а с его позволения — сам позвал. Не напрашивался я *в экскурсию* по его секретным закоулкам. Скучно нам на переходе от Игарки до Усть-Порта было.

Припасенной ранее Гунаром поллитровки водки для банкета нормальной продолжительности в узком кругу оказалось недостаточно. Просыпается в нём иной раз полученная по наследству от папы Карла буржуйская сметливость и врожденная латышская прижимистость. Нет, парень он хоть и в преклонном возрасте, не жадный, но и рубаха нараспашку не в латышских традициях, несмотря на сибирскую закалку.

Закусочки вполне с избытком хватало, а содержимое поллитровки за дружеской беседой испарилось слишком быстро и безвозвратно. А аппетит, как известно, приходит, когда вовсе не планировали.

Все свободное место в машинном отделении баржи и в шкиперской каюте под ходовой рубкой было заставлено двумя десятками ящиков с водкой и питьевым спиртом — обменный шкиперский фонд.

Хорошо, я парень не болтливый и язык предпочитаю держать за зубами по любым поводам: мало ли что может пригрезиться моему молодому мозгу, одурманенному спиртными парами. Всю подноготную за Карловича я не знаю, поскольку иголок под ногти ему не загонял и пяток на дыбе на углях не поджаривал.

Сам он, как истинный латыш, не особо охоч до разговоров, не связанных с выполнением шкиперских обязанностей. Я же могу только иметь некоторые соображения по поводу Карловича и собственное мнение.

И я их имею. И, честно признаюсь, они в пользу Карловича. Мне нравится этот немногословный латышский старикан, «контра» и «враг советской власти», в одиннадцатилетнем возрасте осужденный Особой тройкой практически на неизбежную смерть в замороженной енисейской тундре.

Нормальному человеку однозначно понятно, что никакой Гунар не контра и не враг советской власти. Тот, кто его отправлял в ссылку на верную смерть в замороженную тундру, в лучшем случае, не похмелился после тяжкого запоя и соображал затуманенной спиртом башкой дюже плохо либо, в худшем случае, был по натуре выдающейся *падлой*.

Мальчонка только чудом не разделил судьбу своих родителей и не растворился подобно им в болотной грязи под слоем ягеля. И косточки его не растащены по тундре вездесущими песцами, потому как глубокую могилу в вечной мерзлоте для него никто ковырять не стал бы.

Он повидал в жизни такое, чего мне, надеюсь, никогда увидеть не придется, да и другим такого я не пожелаю. Избави нас, Господи, от таких приключений! Вот то, что на самом деле важно! Все остальное — это просто мелкие подробности.

Ну имеет Гунар Карлович на своем шкиперском месте, за штурвалом вездесущей самоходной баржи, свой маленький *латышский гешефт*. Безусловно, местные аборигены — это вам не папуасы Новой Гвинеи, а Гунар Карлович вовсе не Миклухо-Маклай. Ненцев на бусах не разведешь, в курсе они что и как и даже где и почём. За десяток ржавых кремневых ружей у них Манхэттен прикупить не удастся. Где тех ружей кремневых раздобыть, да и кто им даст «манхэттенами» торговать? Но вот благодаря заполярному жидкому золоту, можно воплотить в жизнь кое-какие мелкие фантазии — в разумных пределах, конечно.

Какие фантазии воплощает Гунар Карлович и воплощает ли, я не знаю, а потому и трепаться по этому поводу попусту не буду. Все решения, которые на моей памяти принимал шкипер Ницус, были правильными. Я уверен, что и нынешнее его решение, как он и обещал, будет мудрым, абсолютно соответствующим, без изъянов, Кодексу строителя коммунизма.

О вреде протирания спиртом контактов маячного оборудования

Из задумчивости меня выбрасывает громopodobными металлическими звуками — резким БАНГГ, затем шелестом мимо моей макушки ЖИЗЗЗЗЗ и металлическим грохотом БУ-БУ-БУ о стальную трубу маяка. С перепугу я начинаю судорожно колотить болотными сапожищами в водительское лобовое стекло,

Вездеход резко тормозит, едва не сбросив меня, лишённого опоры ног, с кабины. Парни, дремавшие под натужное жужжание двигателя вездехода, начинают просыпаться и недоуменно крутят головами. Оказалось всё донельзя просто. Я на кабине о чем-то задумался, народ в кузове, оседлав задницами тёплый РИТЭГ, задремал.

Как выяснилось позже, водитель с дедом Юдиным, насмотревшись на нас, посиневших от ныряния в Енисей, слегка продрогли сами и в процессе движения решили слегка приподнять себе настроение, прикладываясь к фляжке со спиртом, гипотетически предназначенным для протирки контактов электрооборудования маяков. Судя по всему, маячное оборудование в ближайшее время так и останется с непротертыми электрическими контактами.

Понятно, что техник-лоцмейстер еще не выжил из ума, чтобы вот так запросто тратить драгоценную влагу на протирку контактов. Контакты не золотые, их можно просто послушавить и протереть бархоткой или мелкой наждачной бумагой. Но, похоже, дед Юдин на пару с водителем вездехода достаточно растеряли совести и умишка, чтобы беспардонно наклюкаться спирта 96%, до положения риз.

И это в процессе транспортирования термоядерной конструкции, доверенной нам, бравым енисейским раздолбаям высочайшим повелением кошмарно высокого начальства из самого Министерства Морского флота СССР. Надо было мне устроить беспощадный шмон, с целью обнаружения излишков спиртосодержащих жидкостей.

Мне и в голову не пришло, что такая беспардонная наглость возможна в нашей дружной компании настоящих полярников и в такой непростой и опасной в радиационном отношении ситуации.

Изрядно причастившись, дед Юдин пригрелся у пышущего жаром двигателя вездехода, расположенного под кожухом между сидениями водителя и пассажира, и отъехал в крепкие объятия Морфея.

Водитель вездехода бодро ворочал рычагами ровно до того момента, пока этого требовало движение по пересеченной местности и форсирование безымянного ручья и речки Сопочной.

Стоило вездеходу вырваться на оперативный простор, водила прицелился на торчащий впереди навигационный знак Сопочная карга и снизил скорость вездехода до умеренной. Сделано это было во избежание риска растрясти команду и радиоизотопный источник повышенной для нашего здоровья опасности.

Однообразие окружающей тундры, тепло и монотонный гул двигателя, да еще сотка граммов неразведенного спирта, залитая в водителя вездехода на голодный желудок и занюханная рукавом промасленного солидоллом альпака, сотворили свое черное дело. Пьяный *водила* сначала просто клевал носом, а потом и вовсе откровенно задремал.

Баггзззнуло, когда практически не управляемый вездеход порвал правой гусеницей растяжку маяка, собранную из стальных прутьев толщиной в полтора сантиметра. Обрывок растяжки прошелестел над моим затылком, чудом не сббив верхушку черепа, и стеганул со всей дури по трубе маяка. На десять сантиметров ниже - и мой кроличий треух, полный моих мозгов, размазался бы о трубу маяка Сопкарга.

Ну не ожидал я такой подлости от своего уважаемого полярного наставника деда Юдина. *А как же исподнее в полоску? А попа в ракушках? А вал девятый? А холод вечной мерзлоты? Мы полярники!!! Тьфу! М...!*

Я, понимаешь, к нему со всей душой, а он мне прямо в мои собственные штаны так вот без затей нагадил. Да так беззастенчиво, что просто дух захватывает. Мне, пожалуй, и полсотни лет не хватит, чтобы такое забыть и простить.

Вот такая подлость с нами приключилась. Оборванной растяжкой маяка мне едва не *отчекрыжило* черепную коробку. Мало того, если бы не эта лопнувшая растяжка, слава Господу, мы бы с задремавшим водителем вездехода, пьяным Юдиным и мною, витающим в мечтах под облаками, точно сверзились бы с обрыва к урезу воды на берег Енисея.

Причем последствия были бы в виде поломанных костей и раздавленных черепов. Оставалось до обрыва ни много ни мало метров двадцать пять. Видать, Всевышний отвел — самый чуток до смертушки не доехали.

С восьми метров, в вездеходе, с людьми в кузове, кубарем вниз, костей наломали бы — водителю на десятку за пьянку, а мне на полноценную семилетку строгого режима как халатному начальнику. И сидели бы мы с ним на одной зоне, в одном *зиндане* за колючей проволокой.

При условии, что остались бы живыми, что весьма и весьма маловероятно. Дед Юдин, кстати, даже не проснулся спяну. Так в анабиозе и пребывает, «краб» старый — панцирь свой ракушечный о двигатель в вездеходе греет.

Я ему прогул нарисую за пьянку в условиях, приближенных к боевым, и в Игарку на гидробазу радиограммой настучу официально о грехах его тяжких. Подробности о предотвращенных последствиях с возможным хрустом сломанных костей и лопнувших черепов придется опустить. Ничего, хватит с него и пьяного прогула.

Пусть потом всю жизнь меня вспоминает, ударник социалистического соревнования. Мне поначалу, как понял, что к чему, жутко хотелось его придушить вульгарно пальцами прямо за самый кадык. Теперь уже отпустило.

Однако легко отделается, пень старый. Я парень отходчивый. Не убивать же его прямо совсем до самой смерти. Короче, вычеркнул я деда Юдина из своего списка уважаемых мною ветеранов-полярников навсегда и бесповоротно. Обидчивый какой, *м...!* Это я сегодня обидчивый. Впрочем, я на эту тему еще все-таки еще немножко подумаю.

Есть у меня в голове личный список уважаемых мною людей, изрядно «запятнавших» свою биографию заслугами в исследовании Арктики и Антарктики. Список большой. Присутствуют в нем русаки Семен Челюскин, Харитон Лаптев, Фадей Беллинсгаузен, Владимир Русанов, Георгий Брусилов, Георгий Седов, Ян Нагурский, норвежцы Руаль Амундсен и Фритьоф Нансен, американец Роберт Пири и британец Роберт Скотт и многие иже с ними.

Но первым в этом списке твердо обосновался легендарный ирландец Эрнест Генри Шеклтон. Этот «невезунчик» в первой экспедиции на Южный полюс достиг лишь широты 82° 11' и был эвакуирован по состоянию здоровья. В 1907 году «неудачник» Шеклтон в ходе руководимой ими экспедиции «Нимрода» достиг 88° 23' ю. ш., опять-таки, «увы» ему, не дойдя до Южного полюса всего 180 километров.

После покорения Южного полюса Амундсенем и Скоттом, Шеклтон заразился навязчивой идеей пересечь Антарктиду на собачьих упряжках от моря до моря. Эта попытка Шеклтона пересечь Антарктический материк в 1914 году закончилась и вовсе катастрофически.

Экспедиционное судно Шеклтона «*Endurance*» было зажато в море Уэдделла и затонуло, раздавленное льдами. Экспедиция преодолела часть пути, дрейфуя на льдине, часть пешком по льду и далее на шлюпках. За два года членами экспедиции было пройдено две тысячи километров до острова Южная Джорджия.

«Хроническому неудачнику» Шеклtonу в результате невероятной стойкости и титанических усилий удалось вернуться самому и вернуть всех членов экспедиции в целостности и сохранности, не потеряв ни одного, превратив катастрофу в победу человеческого духа и воли к жизни в самых суровых природных условиях на земном шарике.

Кто-то из полярных исследователей, не поручусь за точность цитаты, даже сказал по этому поводу, что, если вы хотите организовать географическую экспедицию, обратитесь к Роберту Скотту, если достичь Южного полюса, ищите Руаля Амундсена, но если вы пребываете в глубокой чертовой заднице, обращайтесь только к Эрнесту Генри Шеклtonу.

Это я к тому, что последним в этот мой личный список ранее был внесен дед Юдин и теперь так же благополучно вынесен и вымаран мною из него в результате вышеописанного происшествия. Парень я не злопамятный, но не переносу людей, готовых за глоток спирта позабыть о собственной совести.

Карловичу про это позорное происшествие я сам при встрече поведал, когда он нас с вездеходом на баржу свою самоходную принял. Вот тогда он и сказал мне без затей, глядя прямо в глаза:

- *Твою ...*, гражданин начальник, *м...!* Твой это косяк! Для того ты над нами и посажен, чтобы контролировать и порядок блюсти. Блюсти железной рукой, а не мечтам предаваться, грея задницу свою на кабине вездехода. Кабы за дедом Юдиным прошлых грехов не числилось, его бы и без тебя с РИТЭГом на Сопкаргу отправили. Однако доверили тебе, а ты накосячил по полной программе. Благо хоть без трупов обошлось. А Юдину, не будь он таким гнилым и трухлявым, по чести, следовало бы отбить башку, *к такой м...*, за грешок сей немалый. И за меньшие проступки людей жестко к ответу призывали. Смертью такие грешки смердят.

И потом, снова посмотрев пронзительно в мои глаза, добавил:

— Ты уж поверь мне! Я знаю!

В устах Карловича «гражданин начальник» - выражение, мною ранее никогда не слышанное и, похоже, крайне редкое, означающее степень высшего недовольства и негодования. Услышав

такое в свой адрес, я считал за лучшее с Гунаром не спорить, дабы не вызвать в свой адрес еще пуших эпитетов. Да, собственно, и возразить-то мне Ницусу нечего. Прав он вкруговую по всем пунктам.

Горячий машинист полярного коня

Генератор выгружали руками, без рационализаторских предложений деда Юдина, ввиду его неспособности стоять на двух ногах и трезво мыслить в данный момент. Парни злые, как волки полярные, оттого и силы проснулись в них могучие, словами и мыслями крайне нецензурными подкрепленные.

Все очень ясно представляют, какие последствия нас ожидали, если бы на пути вездехода растяжка маячная так своевременно не оказалась. Собственно, растяжка эта нас всех спасла. Воистину — малая беда отводит беду большую.

Что я рассказывал водителю вездехода, точно не помню, потому как не в себе слегка был. Все, что помню, — это то, что речь была не очень литературная и постоянный зуд в ладонях обуревал — так мне хотелось водителю лицо расплющить о гусеничный трак вездехода.

Еще часа два ждали, пока техник «откисал», дабы маячную технику к генератору подсоединить. РИТЭГ снесли почти вплотную к трубе знака. Грелись все эти два часа, прижавшись спинами к корпусу РИТЭГа. К счастью, лезть на самую верхотуру навигационного знака по скобам деду Юдину необходимости не было. Он просто отсоединил провода от электробатарей и подсоединил к РИТЭГу. Фонарь маячный весело так замигал кому-то там на енисейском фарватере. Работу маячного фонаря проконтролировали снизу, благо характеристики огня менять было не надо. Да я деда Юдина по любому в таком состоянии на верхотуру знака не пустил бы. Ему исполнить прыжок «из-под купола цирка» с пятнадцати метров под команду «алле-ап» пьяной дурной головой о вечную полярную мерзлоту, скудно прикрытую ягелем, было очень даже запросто. *Как два пальца об асфальт!*

На обратном пути водитель вездехода *отчебучил очередную козу*. Осерчал, бедолага, на мой дополнительный инструктаж по технике безопасности вождения вездеходов в экстремальных условиях Крайнего Севера, состоявший исключительно из нелитературных выражений. Да и пары спиртные из дурной башки, видимо, не совсем выветрились.

Зря, конечно, я его так, надо было более литературные выражения отпускать. Или, наоборот, сразу по ушам надавать покрепче следовало. *Купь сюзь, бук сюзь* — много слов г..., как говорят мои закадычные друзья-товарищи тюркского происхождения. Они же утверждают, что удар в челюсть много эффективнее многочасовых вербальных увещаний воспитательного характера.

На пути к знаку, под гнетом РИТЭГа, мы крались на цыпочках нежно, не спеша преодолели небольшую речушку метров двенадцать шириной. На карте речушка именовалась Сопочной. Съехали с пологого бережка в воду, проплыли поперек речушки и вскарабкались на крутой в полтора метра высотой обрывистый бережок.

Все вышло очень даже благообразно. Осознание, что у тебя за спиной, в кузове вездехода дремлет ядерная штука неизвестной тебе мощи, очень даже дисциплинирует и даже взбадривает, повышая жизненный тонус.

Когда же возвращались налегке к пароходу после матерного инструктажа, вездеходчик уселся за рычаги вездехода с видом машиниста паровоза с запаленным перегретым котлом. Впечатление у меня было, что он (вездеходчик) вот-вот взорвется. Ехали назад на предельных скоростях, словно на вездеходных гонках в праздник таймырского оленевода.

Водила пар из ушей таким образом пар выпускал. И даже когда на пути появилась та самая речушка, скорость не упала ни на йоту. «Крепка броня и танки наши быстры». Критическое давление паровозного пара в мозгах водителя вездехода достигло допустимый психикой предел и что-то там внутри «лопнуло».

Вездеход, прыгнув на полной скорости с бережка с небольшим трамплином, прилетел прямо в тютельку на самую середину речушки. Нырок был просто замечательный. У меня челюсти дюже ядрено друг о дружку клацнули. А в голову пришли две довольно бредовые мысли: сейчас мы все утонем, и как хорошо, что теодолит в кабине.

После шлепка вездеходом о поверхность вода взрывом разлетелась в стороны по кругу, и мы ухнули в образовавшуюся в воде яму. Потом нас накрыло вернувшейся водой полностью, так, будто и не было тучки никакого вездехода.

Парней в кузове накрыло водой с головами буквально за секунду. Над поверхностью заполярной речки Сопочная, прямо посередине меж её голых берегов, гордо возвышался лишь мой героический, но такой одинокий бюст.

Длилось это положение секунд пять, потом над водой стали появляться головы парней в поисках глотка воздуха, а затем всплыл и сам вездеход, с шумом водопада раздвигая водную поверхность.

Так же бурно, как и из вездехода, хлюпая, стекала в обратную сторону речная вода, успевшая проникнуть в мои штаны. Вездеход натужно заурчал, отфыркиваясь выхлопной трубой, затем, шлепая гусеницами в воде, деловито двинулся к противоположному берегу.

Берег реки, на который мы выбирались, был довольно пологим, и вездеход легко выполз на него, извергая с себя потоки мутной воды, и остановился. Судя по всему, вездеходчик притормозил, дабы поинтересоваться нашим мокрым самочувствием.

Сразу после остановки я спрыгнул с крыши кабины и пошел к кустам выливать воду из сапог и отжимать намокшую ниже груди одежду. Пока я разоблачался до исподнего, отжимал и развешивал мокрые манатки на ветвях кустарника, за моей спиной гомон, усиленный многоголосым эхом на полярной фене, перебивался какими-то мокрыми шлепками. *Водила*, сдаётся мне, крепко получил-таки от парней по ушам за свой горячий нрав и за несанкционированное сверху злоупотребление протирочными спиртосодержащими жидкостями на пару с дедом Юдиным. Особенно громкими были мокрые «аплодисменты» лоцмейстерской публики за виртуозное вождение вездехода в экстремальных условиях Крайнего Севера.

Я уже не стал вникать в эти тонкости. Процесс сей был неуправляем, а в неуправляемые процессы, как мне кажется, лучше не вступать. Вдохновителем действий в духе «око за око» был боцман, мужичок лет сорока, небольшого росточка, жилистый и крепкий на кулак. Боцманы они все ребята не промах и на руку дюже скорые, Медленным на расправу и слабым духом парням на боцманскую должность ходу просто нет.

Просушиться нам не удалось, поскольку солнечная активность явно не располагала к загару на заполярном пляже. Пришлось отжать одежду и снова влезать в мокрую робу.

На обратной дороге боцман с «Лота» и моторист Саня Редьков шустрили на пару, то и дело тормозя *водилу* около кучек сброшенных оленьих рогов. Они по-быстрому перекидывали их в кузов вездехода, рискуя наколоть ими моих парней из лоцпартии.

Что боцман, что моторист Редьков имели в душе некую струну, подобную самой толстой воловьей жиле на контрабасе. Можно было бы, как принято, обозвать ее коммерческой стрункой, но уж очень ей не подходит уменьшительное слово струнка. Нет, это точно была толстая воловья жила с весьма сочным барабанным звуком БУУУ!

Насчет боцмана у меня нет полной уверенности, но вот на лице моториста Редькова лежала пожизненно несмываемая печать принадлежности сего имярека к Богом избранному народу.

Стоило посмотреть на изображение библейского Давида, второго царя народа Израиля после Саула, младшего сына Иессея из Бет-Лехема, чтобы понять, что моторист Саня Редьков марширует по жизни под явно вымышленным псевдонимом. Вот и не верь в реинкарнацию.

Сам же Саня Редьков на все провокационные вопросы отвечал всегда одним весьма и весьма мощным, практически убийственным доводом — сыны Израилевы судовыми мотористами, да еще в Заполярье да на Енисее не встречаются.

Может, конечно, он кого-то и убедил, но только не меня. Вернее, не Карловича, а тот уж поделился со мной своим веским и безапелляционным латышским *фэ* по поводу моториста Редькова.

Впрочем, в том, что Саня юлит подобно вьюну меж пальцев, я большого греха не вижу. Было бы странно, если бы он взял и чистосердечно как на духу выложил причину, по которой он тут на «Лоте» по уши в солидоле ниже ватерлинии обретается. Судя по всему, причина эта важная, и шелестеть языком на эту тему противопоказано.

Я вроде антисемитских настроений за собой не замечал, да и Редькова в гетто отправлять не планировал. Мне по большому счету глубоко *по бубну*, какой он там национальности. А это всё простое дурацкое любопытство. Человек, он ведь такое до неприличия любопытное существо, что просто диву даешься. Это я себя от поганого настроения после приключений наших с РИТЭГом избавить пытаюсь думами о всякой хрени несуральной.

Карлович принял всю нашу компанию с вездеходом на борт баржи там же, где и десантировал. Он просто глаза вытаращил при виде абсолютно мокрой компании и меня, промокшего лишь до половины. Тут я с ним и пообщался по существу происшествия. Как же мне Карлович, фигурально выражаясь, уши лихо надрал — до сей поры от стыда пунцовые.

Лучшее средство в борьбе с пьянством

Дед Юдин меня подвел, конечно, со страшной силой, и зол я на него не передать до какой степени. Однако, если вдуматься, а кто не грешен? Да и деду я все-таки многим обязан. В прошлом году перед первым выходом в самостоятельный рейс Сергей Григорьевич Овчинников вызвал меня к себе и представил моего техника, деда Юдина, сказав при этом, что дед сей научит меня всему, что я по недосмотру преподавателей не смог постичь за период шестилетнего обучения в «Макаровке».

При этом, улыбаясь, он предупредил, дабы не переживал я сильно по факту незнания многих вещей, потому как и до меня все, в том числе и Овчинников, проходили тренинг у техника Юдина. А всё потому, что не учили нас этому, считая, что собрать на ягеле навигационный знак из бревен и взгромоздить его на высоту в восемнадцать, а то и двадцать метров - дело абсолютно плевое. А вот когда ты сталкиваешься с такой «плевой» задачей нос к носу, оказывается, что не знаешь ты, с какого конца к решению данной задачи подкрасться.

Причем касается это не только вопросов технических, но и проблем, возникающих в процессе общения с личным составом. Вылезет какая-либо проблемка наружу в процессе личностных отношений, а ты в силу молодости и малого опыта встаешь перед вопросом: как правильно поступить в данной ситуации.

Ключевое слово здесь — правильно. Вот шеф мой и дал прямо и четко указание: иди и руководи самостоятельно, но в дружбе с собственной головой. А если какая закавыка возникнет в техническом плане либо в процессе общения с личным составом, слушай внимательно советы вот этого замшелого в ракушках полярного деда. Нет у деда высшего образования, зато опыт у него есть могучий.

Слышал я где-то, а возможно, прочел, что лучшим средством в борьбе с малярией до открытия хинина в девятнадцатом веке был рецепт индейцев кечуа — лимон, нашпигованный перцем и порошком, вводят в анус и меняют два-три раза в день. Мнится мне, рецепт серьезный, даже жесткий, и пригодился бы не только против малярии.

Я бы с удовольствием попользовал сим рецептом своих подчиненных в качестве средства борьбы с совершенно несвоевременным и чрезмерным по массе употреблением спиртных напитков. Вот только где напасть такого количества лимонов с перцем, да еще и пороха в придачу.

На первом моем выходе в район работ случилась вот такая оказия, ввиду полного отсутствия контроля с моей стороны. Дебют начинающего молодого специалиста с сопутствующими «вывихами». Утешало то, что обошлось только «вывихами», без переломов.

Дали мне временно под руку гидрографическое судно «С-215», загрузили бревнами, досками, проволокой, гвоздями, шанцевым инструментом и прочим лоцмейстерским оборудованием. Погрузкой командовал техник Юдин, поскольку я ни бельмеса в этих делах не понимал: сколько, чего и для чего нужно все это погруженное на борт имущество.

До сей поры я еще никем, кроме поступающих в ЛВИМУ абитуриентов в летний период не руководил, не говоря уже о бойких лоцмейстерах, седых шкиперах и лысых капитанах с изрядным брюшком поверх поясного ремня. Капитан г/с «С-215» уже в возрасте, во время Великой Отечественной воевал боцманом на торпедном катере, а уже в мирное время успел обзавестись изрядной морской грудью.

Сутки мы шли до места, где предстояло восстановить первый снесенный ледоходом навигационный знак. Подошли ночью и встали на якорь на траверзе места с координатами знака. Самого знака, как понятно, в природе уже не существовало.

Подъем в шесть часов, бреюсь, чищу зубы, умываюсь и выхожу на палубу. Лоцмейстерская партия в сборе, построена дедом Юдиным согласно армейскому уставу. Енисей слегка штормит, «С-215» подкидывает на волне, и вся моя лоцмейстерская братия на этой же волне энергично качается.

Приглядываюсь я внимательно и понимаю, что качаются мои подчиненные не в такт с подходом волн в борт нашего работяги парохода. Да и ветер порывами до моего носа доставляет весьма душный запах, именуемый перегаром. Слово «перегар» не совсем точно отражает сложившуюся удушливую атмосферу, я бы назвал эту «духовную» субстанцию новым словом — *перегарище*.

Понятно, что грузить шлюпку бревнами, досками и прочим необходимым материалом, используемым при восстановлении знака, в таком состоянии опьянения, да на волне, дело просто нереальное.

Обязательно кто-нибудь из моих пьяных в хлам подчиненных в процессе погрузки вывалится за борт, а то попадет под бревно при погрузке, и кости себе переломает. А посему отпускаю я трудовой, перегруженный алкоголем народ отсыпаться ввиду полной нетрудоспособности, предварительно прочитав короткую лекцию о вреде злоупотребления алкоголем.

Народ, шатаясь, разбредается по каютам отсыпаться, а ко мне подходит техник, мой специалист по маячному оборудованию и различным жизненным перипетиям дед Юдин и шепотом возмущается:

— Саныч, ты чего творишь? Так нельзя!

Я в недоумении поднимаю на него глаза:

— Вы считаете, что они в таком состоянии могут выполнять свою работу? А как можно? Или как должно? За день простоя меня не расстреляют, а вот если кто-то из этих *башибузуков* утонет или костей себе наломает, вот тогда с меня спросят по полной программе, причем в зале районного народного суда.

Дед Юдин машет рукой:

— Да я не о том. Распустил ты их по койкам правильно, сегодня они уже не работники. Вот только лекции о вреде пьянства недостаточно, однако, будет. Больно ты мягок. Завтра с утра они тоже будут уже не работники. Горючее еще не кончилось, а посему вся братия с утра будет такая же укачанная.

И продолжает излагать: дескать, обратил ли я внимание на синего усатого работягу с наколками на организме? Парень с уголовным прошлым, недавно освобожден — бунтарская душа. Он вроде зачинщика — *шишку держать* в партии пытается. Надо бы в ухо ему треснуть, да так, чтобы с копыт на палубу, как кедр, топором подрубленный.

А по-иному, мирным путем, никак не получится. Остальные вроде телят али барашков — идут туда, куда их за веревку ведут. И командует пока этот синий, усатый, а должен вести начальник, то есть я.

Дед у них после меня самый главный, типа бригадир, а отчего-то сам нарушителю дисциплины в ухо треснуть не поспешает. Я с Юдина спрашивать должен за дисциплину среди членов личного состава лоцмейстерской партии.

Он же вместо того, чтобы принять меры и искоренить бунтаря на корню, хрень эту мне на уши вешает и свои обязанности на мои слабые молодые плечи перекладывает. Да и попахивает от него тоже не парным молоком. Картинка-то неприглядная получается. Сам дружно бухает вместе с коллективом, а народ колотить по ушам мне возможность предоставляет. Нехорошо как-то! Не интеллигентно!

Насмешил меня дед Юдин. Улыбаюсь и спрашиваю ехидно так, дескать, как это такое возможно?

Дед Юдин поначалу вроде замялся на минутку, а потом, моргнув глазом и, набравшись духу, начал тараторить заговорщическим шепотом: «Меня послали тебя научить нашему делу. Вы ведь все приходите после «Макаровки» с высшим образованием, а в деле нашем лоцмейстерском ни хрена не смыслите, словно свиньи в вологодских кружевах. Учили ни много ни мало шесть лет, а коснись маяк построить либо створные знаки, и все — полный фук! Ты ж без меня на Енисее, как дитя без мамкиной сиськи.

Парни бухать будут, пока ты их не остановишь. Мне остановить их не по силам. Видят они, что ты молодой да неопытный, вот и кобенятся. Могу я синему, усатому в ухо дать, только при моем возрасте и бараньем весе сей же момент за бортом окажусь, как та княжна у Стеньки Разина. Стар я уже здоровьем рисковать да уголовным авторитетам и прочим неуважаемым уркаганам пыль с ушей стряхивать. Не та у меня весовая категория».

Дед оказался прав. Утром следующего дня вся лоцмейстерская команда явилась на палубу, и все до одного снова пьяней пьяного. Пришлось мне кодлу эту своевольную, охреневшую от безнаказанности, едва стоящую на ногах, снова отправлять отсыпаться.

А синего усатого подчиненного пригласил к себе в каюту на профилактическую беседу. Я же их всех второй раз в жизни вижу – ни имени, ни фамилии, ни по фотографии не различаю. Так он в моей памяти и остался синим и усатым – как без вести пропавший – ни имени, ни фамилии.

Прав был дед и в том смысле, что усатый синего цвета. Уж не знаю, в каком ранге он там, в уголовной иерархии значится, но синих картинок на нем нарисовано оказалось изрядно. Но картинки все больше такие, что на высокое искусство тату ну никак не тянут. Зашел парень на беседу ко мне, растелешившись, в майке голубенькой, так что картинки рассмотреть возможность имелась. Поскольку товарищ уже крепенько поддатый, с него и взятки гладки.

Ни тебе соборов с куполами, ни эполет на плече, ни кандалов с колокольчиками, ни звезд на коленях, не говоря уже о кинжале, протыкающем шею. Все больше по мелочи и грубого исполнения: головка женская, колючая проволока, решётка, розы, кинжалы, женщина на колесе с крылышками, русалка на запястье, ну и прочие художества, явно не в исполнении Леонардо да Винчи.

Пригласил я его вежливо присесть на свободную коечку супротив моей, рядом со столом, взял списочек личного состава лоцмейстерской партии и, как учил дед Юдин, зарядил имяреку с правого локтя (в половину мощности) прямо в левое ухо.

Причем засадил не очень быстро и в меру сильно. В режиме азбуки Морзе, в ритме «та-та». ТА — в азбуке Морзе это тире. Вот как произносишь «та-та», чуть в растяжку, так все и произошло. Ну, мой оппонент и поник головушкой, словно манекен ватный. А я на себя не нарадуюсь: не лоцмейстер, а прямо радист какой-то, маркиз Гульельмо Джованни Маркони.

Рука у меня тяжелая. Если в сердцах слишком энергично хлопаю комара на собственном лбу, потом гуд в черепной коробке стоит приличное время. О тяжести собственной руки мне довелось впервые узнать лет шесть назад.

На первом курсе напросился я с сокурсником Жекой Якименко из группы полярных метеорологов, походить на тренировки в секцию классической борьбы в экипаже на 21 линии Васильевского острова. И как-то в процессе одной из тренировок тренер, мастер спорта СССР по классической борьбе, мне «склепку» показал.

Тренер тоже наш курсант четвертого курса с судомеханического факультета, с меня ростом, но более накачанный и тяжелее меня килограммов на десять. Бросок проворотом класса «уходом» при разноименной стойке, его вроде еще склепкой называют. Это прием такой борцовский — захватываешь левой рукой правую руку противника, свою правую перекидываешь через его голову с разворотом тела, накладываешь на захваченную руку и своим весом валишь противника на ковер.

Объяснил мне мастер спорта на словах, показал в натуре, предоставил мне возможность произвести прием медленно пару раз, а затем уже в ускоренном режиме. Когда я выполнял прием в медленном темпе, вроде выдержал и траекторию руки, и разворот, да и сам бросок. Вот в ускоренном режиме у меня вышла незадача. Вернее даже полный конфуз.

Ну не успел я на скорости в развороте выпрямить и полностью перекинуть свою правую руку через голову тренера. Въехал на развороте, со всей дури, какая в руках имелась, правым своим локтем в его левое борцовское ухо. Откачивали Мастера спорта СССР общими усилиями все присутствующие классические борцы и те, которые иже с ними рядом суетились, *чайники* вроде меня. Пришел в себя мой тренер минут через пять.

Последствий в виде переломов, сотрясений и прочих медицинских неприятностей, к моему счастью, не случилось. Крепкая голова у мастера спорта СССР оказалась. Но с той поры я твердо запомнил, что рука у меня шибко, однако, тяжелая. Я бы даже сказал, опасно тяжелая, прежде всего для меня. Мастер спорта СССР так и сказал, потряхивая буйной борцовской головушкой:

— Тяжела у тебя, парень, ручонка!

Никогда, правда, до сей поры не пользовался этим своим знанием. Ни в кабаках, где случались по молодости всяческие конфликтные ситуации, ни на улице, когда просили закурить больше одной папироски. Я парень достаточно мирный, на рожон, как правило, не лезу.

Но вот так уж вышло — дед Юдин сказал, что по-иному, мирным путем, ну никак не получится. Он старый — он знает, как правильно, когда нужно, где должно и насколько больно.

Начальство-то четко меня предупредило: дед Юдин, старый полярник, учить тебя будет всему. А с начальством спорить я пока был не готов, молод ещё. Сказано: старый полярник — значит, старый полярник. Сказано всему — значит, всему!

Откачивал синего и усатого лоцмейстера сам дед Юдин, вызванный мною из каюты напротив моей в качестве специалиста-травматолога, а также реаниматора. Синий и усатый, на свою беду, не был мастером спорта СССР по классической борьбе, да к тому же предварительно изрядно хлебнул спиртного.

Процесс откачивания получился долгим, несмотря на включенную мною в руку среднюю мощность. Я уже переживать начал, а не прибил ли я «авторитета» вовсе до самой смертушки. А ну как возьмет и штилеты откинет? Тревожно у меня в груди как-то стало при взгляде на бессознательное тело. Обошлось, однако, к моему несказанному счастью. И слава Богу, что в организме усатого ничего важного не сломалось.

А уж как дед привел синего в чувство, так мы на пару объяснили ему уже на словах цель наших не совсем гуманных воспитательных действий. Дескать, если по-хорошему, так все хорошо и будет, а ну как по-плохому, так и ждите повторения не очень благоприятного, но довольно болезненного казуса. Это я дословно воспроизвожу дипломатические изощрения деда Юдина.

С объяснениями на словах все больше дед Юдин старался, а я под его ласковое бормотание физиономию суровую пострадавшему для доходчивости под бородой морщил. Успел я перед приездом к месту работы в Игарку кое-какую бородёнку лопатой отрастить, пока после распределения в отпуске на воле вольной болтался. Под бороденкой-то не очень заметно, что инженер-гидрограф еще мальчишечка и ему всего-то от роду двадцать три годика исполнилось, несмотря на тяжелые локти.

Да, пока дед Юдин дипломатию свою рассусоливал, я элемента этого уголовного исследовал, на предмет наличия-отсутствия колюще-режущих предметов, в имеющихся на уголовном «элементе» предметах лоцмейстерского обмундирования.

Не очень хочется в темном месте получить заточенной вилкой, в лучших криминальных традициях, или сапожным шилом в какой-нибудь важный элемент организма типа ягодицы. Надо отдать должное сине-усатому лоцмейстеру, при нем никаких опасных для моей жизни предметов не обнаружилось. Видимо, он таки специалист голыми руками действовать — «пасть пальцами оппоненту порвать или моргалы, к примеру, ковырнуть».

Дед в итоге возложил на пострадавшего синего усатого подчиненного личную моральную и физическую ответственность за состояние здоровья членов лоцмейстерской партии на построении следующим утром. А затем и отправил его провести предварительную воспитательную работу с этим самым личным составом. Потряхивая головой и покачиваясь на енисейской волне, воспитуемый удалился к пьяному личному составу партии.

А чуть погодя дед Юдин и сам поближе к подчиненным перебрался, дабы довести воспитательный процесс до нужного накала демонстрацией травмированного уха синего и усатого. Подозреваю, были у деда и другие намерения — изъять имеющиеся у личного состава излишки горячительных напитков в общественный фонд с целью дальнейшей протирки ими электрических контактов маячного оборудования.

Следующим утром личный состав моей лоцмейстерской партии с грехом пополам таки приступил к работе, правда, в плохом настроении, с тяжелыми от похмелья головами. Однако пьяных в боевом лоцмейстерском строю не наблюдалось. Да и природа не бушевала особенно, погода располагала вполне к спокойной и безопасной погрузке стройматериалов на плавсредство для отправки на берег.

Виновник же всех этих перипетий впоследствии после первого же прибытия в порт приписки Игарку из наших храбрых лоцмейстерских рядов скоростижно списался. Я был с ним так кратко знаком, всего-то в ритме «та-та», что имечко его из моей головы довольно быстро стерлось.

Что-то ему в нашей дружной лоцмейстерской компании не глянулось, однако. Или кто-то. Я предполагаю, что не глянулись ему наши с дедом Юдиным вредоносные личности, предпочитающие, как оказалось, негуманные методы воспитания личного состава. С другой стороны, понятно, что методы такие ему были не в диковинку. Не ожидал, судя по всему, такого неласкового обращения, оттого обиделся и в коллективе не прижился.

Подозреваю, решающую роль сыграла в этом вопросе тяжесть моих локтей. Имярек был серьезно потрясен и шокирован. И, судя по всему, решил не доводить до повторения подобных экспериментов. Я тоже был слегка шокирован их мощью. Первый опыт уже забываться начал, тем более тогда все произошло случайно.

Не припомню, чтобы я после этого в жизни еще хотя бы раз воспользовался своими локтями подобным образом. Избави Бог. Так можно, не рассчитав, кого-либо случайно и в Страну Вечной охоты переправить, минуя услуги лодочника Харона.

Что касается увольнения оппонента по собственному желанию, так он же не в курсе был, что я, в общем-то, довольно белый и пушистый. А имевшие место в данном случае мои довольно жесткие действия — это все каверзные происки старого полярного лоцмейстера Юдина.

Видимо, я все-таки показался тому синему-усатому злобным бесом, молотящим без разбору гражданам по ушам локтями. Ну да и ладно. Мы с дедом Юдиным не в обиде. Нам работники нужны, а не специалисты по распитию алкогольных напитков без меры, да еще раскрашенные по организму синими картинками эротического характера.

Водку пьянствовать дело нехитрое, это мы и сами умеем, но и меру свою не забываем. Может, они кого-то своими пьяными русалками, наколотыми на организме, и напугают, но только не нас. Не судьба, видать, синим да усатым в наших стройных рядах *шишку держать*. Да и кто бы им позволил? Ну не мы с дедом Юдиным, это точно.

Народ мой подчиненный, видимо, произошедшим инцидентом был впечатлён до небывалой ранее глубины души. Не иначе дед Юдин в сочных красках обрисовал произошедший с уголовным «авторитетом» конфуз. А больше, собственно, и некому. Я так ни слова не произнес никому по данному поводу. И потекла наша лоцмейстерская жизнь тишком да ладком, напрямую в светлое коммунистическое будущее.

Нет, водку пьянствовать не перестали, конечно. Но одно дело надираться как свинья, до положения риз, и совершенно другое, когда с чувством, с толком, с расстановкой, зная меру, по существенному поводу, да под хорошую закуску, да в свободное от работы время.

А помимо того еще и с одобрения начальства, с указанием подробного списка разумных ограничений, купирующих чрезмерный разгул чрезмерно свободных личностей. Банкет оттого и именуется банкетом, что вести себя в процессе необходимо прилично. Имели впоследствии ещё место занимательные прецеденты, довольно рискованные, но со счастливым концом. Куда же совсем-то без них?

Впрочем, думаю, это возрастное, и со временем, когда мы станем совсем большими, в смысле абсолютно взрослыми и умудренными сединами, превратившись из зеленых недорослей в настоящих мужчин, это легко и просто пройдет.

И будет мера с каждым годом жизни все меньше и меньше. Так что много лет спустя уже и посуды такой мелкой не найдется, дабы сию малую меру можно было измерить. Может, оно и к лучшему? Жизнь и без водки штука весьма замечательная.

Да, был у меня в жизни еще один случай принудительного отрезвления личного состава моей лоцмейстерской партии. Это уже в начале этой навигации — в первый выход в рейс, следом за ледоходом. И метода воспитания в тот раз применялась в корне иная, можно без бахвальства сказать, новаторская и изошренно гуманная.

До района работ предстоял переход в пару суток, и по просьбе коллектива я разрешил отпраздновать выход в рейс при условии, что банкет будет продолжаться недолго, в разумных дозах, Особенный акцент был сделан на то, что личный состав партии не будет болтаться в непотребном состоянии по судну на глазах экипажа. В общем, как в том анекдоте: едем на охоту, ружья и патроны не берем, из автобуса никуда не выходим.

Главный принцип, который необходимо принять к исполнению: выпил, закусил, устал, в койку. И чтобы на походе к району работ были бодрые, трезвые и энергичные, как зеленые в пупырышках огурцы с бабушкиной грядки. Ответственность за проведение мероприятия с человеческим лицом была мною возложена на деда Юдина — пусть пользуется своим авторитетом старейшего в нашей компании полярника во благо.

Отошли от причала где-то около десяти часов утра, пока туда-сюда, праздновать народ начал около двенадцати часов дня, а уже в районе двадцати трех часов все имевшиеся в наличии запасы горячительных напитков были уничтожены.

Надо заметить, что я в мае вернулся из отпуска с материка, а в отпуске заехал погостить к маме, проживавшей в то время в «столице Юга» городе ОШ Киргизской ССР, расположенный в восточной части Ферганской долины.

Целых десять дней я наслаждался гостеприимством замечательного города Ош, посещал восточный базар и кушал правой рукой плов в чайхане под ивами на берегу реки Ак-Буура, стекающей из предгорий Алайского хребта.

А замечательный ферганский виноград по пять копеек за один килограмм золотистых сочных капель? А горячие лепешки прямо из тандыра, оборудованного на базаре? Обожаю восточные города с восточными базарами, восточными сладостями, восточными фруктами и восточными красавицами.

Кстати, плов я кушал правой рукой не благодаря собственной причуде, нет. Дело в том, что мусульмане почитают правую руку чистой и богоугодной, ею можно брать пищу. Левая же рука считается не чистой, и Ислам запрещает кушать и пить посредством левой руки.

Ближайший сподвижник Пророка Мохаммеда, Умар ибн аль-Хаттаб утверждал, что левой рукой едят и пьют шайтаны и предводитель их Иблис. Если ты не хочешь быть похожим на шайтана, держи рюмку и закуску только правой рукой. И, что особенно важно, рюмка должна быть наполнена *кок чаем*.

Правило насчет *кок чая* в рюмке справедливо только для последователей Ислама. Все остальные граждане могут употреблять что угодно, в интервале от жигулевского пива до спирта питьевого 96%, но желательнее правой рукой. Кстати, более отвратительного пива, чем произведенное в «столице Юга», городе Ош, я не пробовал нигде и никогда в своей жизни. Сдается мне что пиво такого вкуса характерно для всех восточных городов, но это, пожалуй, единственный их минус.

Так вот, прогуливаясь как-то по роскошному городскому базару, я заглянул в небольшой магазинчик. Его даже правильнее было бы обозвать лавкой. И выглядел я в этом магазинчике истинно киргизский продукт — «Кыргыз бальзамы Арашан», производства Фрунзенского ликёро-водочного завода. Во всяком случае, таковой была надпись на этикетке.

Напиток в бутылке с желтенькой алюминиевой бескозыркой, как на водке «Столичная», с длинным горлышком, емкостью половина литра по цене ровно одиннадцать рублей, крепостью сорок пять объемных процентов. И на этикетке изображение восточного батыра в коническом шлеме в рамке из цветочного орнамента. Гост 7190–71, это означает, что напиток сей производить начали в 1971 году.

Этакий Насреддин в узбекской тюбетейке, вращая хитрыми глазами, счастливо улыбаясь, рассказал мне, что это старинный напиток высокогорных киргизов, с использованием воды тысячелетних ледников с горных вершин Алайского хребта.

Настаивается «Арашан» на сорока видах целебных высокогорных трав, растущих на самых недоступных для обычного человека скалах. Секрет его изготовления целебной влаги передается от деда к внуку только в одном роду горных киргизов. Даже на Фрунзенском ликёро-водочном заводе никто, кроме одного представителя этого рода, не знает секрета изготовления «Кыргыз бальзамы Арашан».

После употребления этого чудодейственного напитка у обычного мужчины, не говоря уже о доблестных воинах *каарман аскерах*, две недели не опускается самый важный для мужчины орган. Дабы не подвергать свой организм чрезмерному износу, рекомендуется употреблять не более одной чайной ложки в день, предпочтительно запивая *кок чаем*.

Да, конечно, напиток стоит в два раза дороже, чем армянский коньяк пятилетней выдержки с пятью звездами на этикетке. Но «Арашан» того однозначно стоит, и армянский коньяк ему просто не годится даже в подметки.

Короче, Насреддин в тюбетейке пропел такую завлекательную боевую песню, что я тряхнул кошельком и приобрел аж два полулитровых сосуда с сей чудодейственной, алкоголь содержащей, я бы сказал, просто волшебной влаги. Особенно заманчиво звучали обещания наполнения организма просто чудовищной мужской силой в результате употребления древнего напитка киргизских батыров.

Я мужественно выложил двадцать два рубля, рассудив, что, даже если меня развели-таки на бобах и навешали киргизской лапши на уши, сильно я от этого не пострадаю. Двадцать два

неистраченных мною рубля не сделали бы меня богачом, точно так же как они же, истраченные на «Арашан», не сделают меня голью нищей перекатною. Кто не рискует, тот не пьет «Кыргыз бальзама Арашан»!

А веду я к тому, что по приезде имел глупость похвалиться кому-то из парней, какой волшебный напиток имеется у меня в закромах. И вот настал момент, когда запасы горячительных напитков у моих боевых лощмейстеров наконец-то иссякли. И народ, памятуя мой рассказ о волшебном напитке, встал в очередь с намерением вымотать мне душу, но таки отнять сей божественный напиток, отжатый из горных вершин Алайского хребта руками могучих батыров. И душу мне они таки вымотали, вместе с бальзамом.

Выкатил я в итоге оба сосуда в пользу общества, но при условии, что, испив высокогорный бальзам, народ уgomонится и, прекратив поиски добавки, разоидется по койкам. Тем более что добавки искать негде, за бортом вкруговую енисейская холодная вода, и посещения магазинов в ближайшие две недели не предвидится. При розливе бальзама в граненую тару, на каждую лощмейстерскую душу выпало примерно по сто граммов напитка.

Перед употреблением народом данной дозы я, как порядочный человек и, можно сказать, истинный джентльмен, счел необходимым предупредить свое бравое воинство. И честно сообщил, что для наполнения мужского организма необычайным сексуальным напором достаточно употребить всего лишь чайную ложку эликсира.

Публика, однако, пребывая в состоянии крепкого алкогольного кайфа, подняла меня на смех. Я не стал рьяно отстаивать свою правильную точку зрения и, подняв крайний на данный момент тост «за спокойную ночь», опорожнил свою сотку и направился на боковую в свою каюту.

Я от своей сотки сразу никаких конкретных последствий не почувствовал, поскольку ничего спиртного в этот день до бальзама не употреблял. А вот народ отчего-то там впечатлился и довольно изрядно. Оказалось, что все употреблявшие спиртное сегодня ровно через полчаса после тоста «за спокойную ночь», протрезвели до хрустального звона, аки венецианские подвески на люстрах Большого Кремлевского Дворца.

У меня сексуального напора невиданной мощи отчего-то не наблюдалось. Скорее всего, произошло это из-за явной передозировки препарата – сто граммов напитка содержат двадцать доз, кратных чайной ложке. Но, так или иначе, я не смог сомкнуть глаз с момента употребления божественной жидкости в течение двадцати четырех часов. И пялился глазами бестолково в потолок каюты ровно сутки, прерываясь лишь на перекуры.

Представляю, какими эпитетами поминали коллеги меня и мой чудодейственный бальзам. Приложить столько моральных усилий и материальных средств, дабы нарезать до столь блаженного состояния в положении риз, и всё напрасно, впустую, просто в пшик. Больше всех, как мне показалось, расстроился дед Юдин, которому вот так беспардонно поломали все удовольствие. Хотели парни *догнаться*, а я их своим целебным бальзамом волшебнo *обломил*.

Бальзам действительно оказался целебным. По прибытии к месту высадки на берег, народ пребывал в строю в бодром самочувствии, понукаемый жаждой движения, предвкушая счастливое состояние духа, рождаемое творческим созидательным трудом.

Круизный лайнер «Антон Чехов»

Половозрелые самцы северных оленей сбрасывают рога зимой, происходит это в период с конца декабря до конца января. Практически полгода олени рога кучками валяются в тундре в ожидании нашего боцмана, дюже охочего до таких находок.

Олени рога здесь в ходу: одна из разновидностей обменного фонда. Мимо нас по Енисею периодически курсирует большой круизный четырехпалубный теплоход «Антон Чехов». Круиз совершается по маршруту Красноярск—Дудинка—Диксон и обратно, с различными увеселениями в пути.

Теплоход был построен на Австрийской верфи Корнойбург на Дунае в семьдесят седьмом году и сдан в эксплуатацию в семьдесят восьмом году. Круизным пассажирам помимо прочих прелестей обещают еще и ритуал посвящения в полярники при пересечении полярного круга на широте 66° 33' 44", этакое крещение водами полярного Енисея, сродни празднику Нептуна при переходе экватора в тропиках.

Увеселения состоят из национальных самоедских танцев и этнических песнопений, камлания под бубен ряженных «шаманов», посещения чумов, катания на нартах. Настоящий шаман, говорящий с духами, для туристов шаманить не будет. Не шаманское это дело публику за денежные знаки веселить. Этакие пляски только скоморохам под стать.

Большим успехом у пассажиров «Антон Чехова» пользуется дегустация национальных блюд народов Крайнего Севера и приобретение сувениров самоедского рукоделья, а также моржовых клыков, рогов и выделанных шкур оленей. Я уже не говорю по поводу национальных ножей с резными рукоятями из кости моржа, оленьего рога, а то и бивня мамонта.

«Антон Чехов» — это последний писк современного речного кораблестроения и флагман советского речного флота: четыре прогулочных палубы, ресторан, бар, два салона, кинозал, сувенирный киоск и бассейн, куча кают от трёхместных до кают люкс, оборудованных индивидуальным гальюном и душем.

По советским меркам просто плавучий дворец из сказок Шахерезады. На речных маршрутах Советского Союза лучшего и более современного теплохода просто нет. Помимо всего прочего и судьба у теплохода весьма занимательная.

Перегоняли «Антон Чехова» из Австрии по Дунаю в Черное море. В югославском городке Нови Сад для прохождения под мостом пришлось разбирать рубку, кинозал, трубу и даже частично затопить теплоход, приняв триста тонн воды.

Однако даже такие меры оказались недостаточными. Судно пришлось подвергнуть дополнительному перекачиванию воды с носа в корму и обратно по мере прохождения под мостом. Пришлось австрийским перегонщикам и судостроителям попотеть изрядно. В румынском Галаце «Чехова» снова собрали до первоначального состояния, и представителями СССР была осуществлена приемка судна. На теплоходе был поднят Государственный флаг СССР.

При следовании по Волге на предназначенное для работы на Енисее судно местные партийные функционеры прибыли в порядке любопытства и ознакомления. И так оно функционерам по обонянию ударило своим буржуазным душком с «гнильцой», что решили они вместо Енисея самочинно пришвартовать его у себя на Волге. И даже подключили к решению этого вопроса тяжелую «артиллерию» — кого-то из заместителей министра речного флота СССР.

Однако представителям Енисейского речного пароходства в результате титанических усилий таки удалось отбить атаки захватчиков. Поговаривают, что битва была выиграна не без помощи столичных партийных боссов в более солидной «весовой» категории из ЦК КПСС. И восторжествовала справедливость — нашелся укорот на волжских функционеров с их *газенками завидующими да ручонками загребущими*.

Когда же отбились от волжских партийных «ушкуйников», оказалось, что протиснуться в Белое море по Беломорско-Балтийскому каналу не позволяет ширина судна. Ввиду отсутствия других вариантов, «Чехову» предстояло идти вокруг Скандинавского полуострова, это при осадке всего в два метра.

Норвежские власти из «дружественного» Осло решили взгромоздить дополнительные препоны на пути судна в родной порт и запретили его проход в норвежских территориальных водах в районе пролива Скагеррак, определив «Антон Чехова» как «стратегическое» судно. Видимо, попугивались слегка, а не рискнет ли круизный лайнер произвести ракетный залп по столице суверенной Норвегии городу Осло.

Лайнер благодаря своим высоким мореходным качествам проследовал, минуя Скагеррак, по Норвежскому и Баренцеву морю в сопровождении спасательного судна, при необходимости укрываясь от штормов в Норвежских шхерах.

Вообще-то трудно уверенно говорить о высоких мореходных качествах при осадке в два метра. Да и спасательное судно в сопровождении указывает на то, что те, кто на верхнем уровне принимал решение о переходе вокруг Скандинавии, не особо были уверены в высоте этих самых мореходных качеств.

Однако, как говорится, Фортуна не повернулась к данному мероприятию своей филейной частью тела. Далее теплоход проследовал под проводкой ледокола по Северному морскому пути и через Диксон, через Енисейский залив в Енисей. Хозяева Ид'Ерв и Яв'Ерв тоже не имели возражений по данному поводу, и лайнер успешно под их защитой добежал от мыса Сопочная Карга до порта приписки Красноярска.

И теперь этот плавучий дворец торжественно шествует мимо нас на маршруте Красноярск—Игарка—Дудинка—Диксон и обратно. Билет на такой круиз не всякому гражданину Союза ССР по карману. Я даже не представляю, сколько может стоить билет на круизный теплоход, даже в самой простенькой и тесной трехместной каюте.

Во всяком случае, я при всем желании не могу себе позволить подобную роскошь. Нет, поймите правильно, я регулярно катаюсь по этому маршруту, но не на «Антоне Чехове», а на простом логгере германской постройки *по имени* «Лот». Разница лишь в том, что мне за это еще и платят деньги. А еще самоеды под нож оленей не пускают, и самоедские шаманы лично для меня в стойбище не камлают у костра под бубен.

Туристы на круизном лайнере - люди весьма обеспеченные и заинтересованы в получении различных заполярных диковин. Обладатели заполярных диковин, в свою очередь, заинтересованы в получении «диковин», недоступных в обычном порядке на заполярном Енисее, но имеющих место быть на борту круизного лайнера «Антон Чехов».

Самый простой пример - чешское и баварское пиво, элитный забугорный коньяк, лососевая и осетровая икорка, шотландский виски и прочие уникальные радости жизни, о существовании которых я, возможно, даже не имею представления в полном объеме.

На Енисее, в зоне нашей ответственности, все идет своим чередом: гидрографы бегают галсами на «Элдене», лоцмейстеры на «Лоте» и «С-215» шныряют по Енисею от одного навигационного знака к другому, рудовозы на Дудинку и лесовозы до Игарки прут деловито и мощно, ведомые по фарватеру суровыми игарскими лоцманами.

И только круизный лайнер «Антон Чехов», будто и не Чехов вовсе, неспешно прогуливается вдоль енисейских берегов, словно оперный певец Федор Шаляпин, на ярмарке в шубе, в шапке и при посохе. Барин, просто барин! Промахнулись, конечно, с названием. Надо было лайнер «Федором Шаляпиным» окрестить.

Когда лайнер шествует мимо нас, боцман обычно прыгает в разъездной катер, предварительно покидав на него какие-то кули с обменным фондом, и под стрекот мотора устремляется к борту «Антон Чехова».

Как я понимаю, это не самочинные коммерческие позывы боцмана к предпринимательской деятельности, а мероприятие с благословения капитана «Лота». В одной связке с боцманом, как правило, присутствует моторист Редьков. Представители избранного народа тоже предпочитают чешское или на край баварское пиво.

Что выменивает боцман на борту «Антон Чехова» и на какие такие заполярные *ништяки*, я не знаю, поскольку вопрос этот меня абсолютно не интересует. Все, в чем я нуждаюсь на данный момент, у меня есть. А по поводу всего того, о возможном существовании чего в природе я не ведаю, жаба меня абсолютно не давит.

А потому не давит, что я ее в себе еще в детстве задушил, пока она была совсем маленькая и слабая. Зависть и жадность - самые страшные черты человека. Этакое отсутствие любопытства, видимо, издержка моего молодого возраста, и, скорее всего, оно со временем исчезнет, сменившись практичностью и пониманием целесообразности.

Хотя не хотелось бы к старости превратиться в жадного и завидующего ворчливого хапугу с загребущими ручонками. Надеюсь, чаша сия меня все-таки минует.

О мародерах

Бродил я тут недавно по берегу с теодолитом за спиной, по своим инженерным делам на знаке Гольчиха, в районе поселка Воронцова. Дела исполнил в полном объеме, а возвращаясь, в километре чуть в стороне на склоне холма увидел нечто, не виденное мною ранее и, на мой взгляд, странное для местных пейзажей. Конкретно на таком расстоянии определить природу явления не удалось, и решил я размять косточки, прогулявшись в любопытную сторону.

Как потом объяснил мне Карлович, это явление в тундре именуется *хальмер*, или *нгэсь* — национальное ненецкое кладбище, погост, если выражаться по-простому. Ненцы не закапывают покойников в землю. Копать землю запрещено настрого, это может рассердить подземный народ *сихиртя*, пасущий под землей уцелевших мамонтов и отца семи смертей Сиу-Нга-Нися.

Стоят на склоне ящики, прямо на земле. Какие-то из них очень старые из толстых досок толщиной пятьдесят-шестьдесят миллиметров, а есть просто оббитые тарной дощечкой из-под современных водочных и винных ящичков.

Древесина в тундре материал дефицитный. Все устроено на пологом склоне, видимо, для того чтобы вода стекала, не задерживаясь в могилах под телами ненцев, перешедших в мир иной. Причем судя по размерам захоронений (ящики размером до одного метра), процентов семьдесят из них детские.

Нет, мне, конечно, было не до статистических изысканий, но на беглый взгляд именно так и есть. Меня очень удивило, буквально огорошило, что у ненцев такая высокая детская смертность.

Тела мертвых *ненэй ненэчей* уложены прямо на землю и сверху накрыты ящиками по росту покойного. Рядом с могилами уложены различные вещи хозяйственного назначения: нарты вверх полозьями, чугунные и алюминиевые котлы, кастрюли, чайники, медные колокольчики, ножи, топоры, остроги, огромные рыболовные крючки, даже полусгнившие сети на полозьях нарт. Полное снаряжение для путешествия и безбедного существования в тундре загробного нижнего мира.

Многие из могил изрядно разрушены, и через проломы в ящиках видны части человеческих скелетов: грудные клетки, позвоночники, тазовые кости и кости ног. Сюда на погост, видимо, зверье в голодные времена на прикорм является: медведи, полярные волки, песцы и росомахи.

Встречались даже кости, просто разбросанные среди могил на ягеле, со следами звериных зубов. Чего я не увидел, к моему удивлению, так это ни одного черепа. Впечатление такое, что черепа дикое зверье уносит с собой. Черепа были, но только олени, с рогами, скорее всего поминальные жертвы отбывающему в загробный мир родственнику.

Не исключено, что на этих самых оленях души *ненэй ненэчей* и отбывают за грань, в Страну Вечной охоты. На самом деле у ненцев нет Страны Вечной счастливой охоты, как у американских индейцев. Что до меня, так я бы предпочел все-таки Страну Вечной охоты.

Судьба душ провинившихся умерших *ненэй ненэчей* весьма плачевна, они попадают в подземный мир под семью слоями вечной мерзлоты, полный враждебных духов, и правит там Сиу-Нга-Нися — отец семи смертей. Это главное божество подземного мира питается кровавой пищей, душами провинившихся людей и постоянно требует жертвы от живых.

Души правильных ненцев попадают к Верховному Творцу Нуму и ожидают следующего воплощения. Физические тела ненцев превращаются в бездушных насекомых — жуков или пауков - и идут в царство Нга по длинной ледяной дороге.

Мифологии ненецкой я уже позже нахватался там и сям. Слышал звон. Мне всё это в диковинку. Ничего подобного я раньше и не видел. И, что удивительно, страха во мне абсолютно никакого не было, пока я по *нгэсю* бродил среди костей.

Ни на одну йоту страха, все чисто — без всякой мистической жути. Это при том, что скелеты взрослых и детей вокруг возлежат, да кости разбросаны. И даже запаха тлена мертвых тел в воздухе нет. Ветер только в ящиках и нартах песню заполярной смерти завывает протяжно да колокольчиками побрякивает.

Нет в них отчего-то звону искристого, лишь брякают тоскливо и грубо, словно связка пустых банок из-под кильки в томате. Наверное, специально так задумано. Смерть кругом, оттого колокольчикам и не до звона искристого.

Час я бродил по *нгэсю*, любопытство свое теша. Словно в музее побывал. А потом покурил чуть в стороне, присев на ящик теодолита, и не спеша двинул к берегу Енисея. Там на пляже подшлемником над головой покручу, соловьем разбойником посвищу, глядишь, боцман на катере за мной и явится.

А то и Гунар на своем «карманном линкоре» подоспеет. А пока они собираться будут, я сам морошки с витамином С натрескаюсь да Карловичу пару горстей в подшлемник наберу. Все время не понапрасну пройдет.

Спустя пару часов Гунар пристально, испытующе смотрит мне в глаза. Даже не в глаза, а куда-то в пространство моей черепной коробки за ними. Мысли в мозгу моём выковыривает, прочитывать норовит, старый полярный шкипер. Потом отводит взгляд и, слегка крикнув, спрашивает:

— А не взял ли ты себе, дружище, случаем у покойников вещичку какую на *хелмере* в личную собственность: ножичек там, колокольчик на память, а то череп ненецкий, росомахами обглоданный, - в коллекцию?

— Да, что ты, Гунар? Покойников грабить — это все равно как к ним в гости напрашиваться, — меня аж оторопь взяла от такой постановки вопроса, стая мурашек от затылка до копчика галопом промчалась.

— Смотри, аборигены мародеров не любят, могут прободение навывлет буйной головушке пулей устроить и концы под ягель. А что до черепов, так не звери их с собой забирают. Люди порою хуже зверей. Ныне развелось любителей мистики, вот по ним черепа и расходятся, особенно детские. Ходят, бродят тут слухи невнятные про те черепа. Якобы в прошлую навигацию на «Антон Чехова» с предложением полного мешка этого добра для туристов приходили. И не надо никому про кладбище рассказывать. Понял? — уперся вопросительно в меня строгими глазами латышский старикан.

Я согласно киваю. Чего уж тут понимать!? Была мыслишка гнилая, честно признаться, колокольчик медный отцепить. Но что-то этакое, необъяснимое, меня вовремя остановило. Уж не тот ли, кто присматривает, чтобы я по дури своей на какую скользкую дорожку не выперся. Про *нгэсь*, кроме Карловича, больше никому не рассказывал, во избежание греха и соблазна. Мало ли кому в голову какая дурная мыслишка с гнильцой постучится.

Встряхиваю головой, словно пытаюсь освободиться от наваждения:

— И что, забрали мешок с косточками парни с “Антон Чехова”?

Карлович снова вскидывает на меня свои умные стариковские, повидавшие много всякого в этом мире глаза:

— Не знаю. История об этом умалчивает!

Диспут

Возник у нас с капитаном лоцмейстерского парохода «С-215» в прошлую навигацию непростой такой «диспут». Забрался я на капитанский мост по какой-то надобности, а там капитан. Надо отметить, что в тот раз наш родной «Лот» отправили за какими-то надобностями вроде на Диксон, а меня с парнями из лоцпартии временно, от силы на пару недель, перебросили на пароход, гордо именуемый «С-215».

Обычно на нем работает от мыса Кармакулы у Игарки и до середины дистанции между Игаркой и Сопочной Каргой Юрий Николаевич Лебедев. В этот раз Юрий Николаевич временно отсутствовал по неизвестной мне причине, и мне пришлось поработать в зоне его ответственности и на его законном пароходе «С-215».

Парни мои под командованием деда Юдина на берегу створный навигационный знак собирают, дабы воздвигнуть его в небеса метров на двадцать по вертикали. «С-215» на якоре метрах в ста пятидесяти от берега на якоре стоит. Как с этим знаком справимся, надо начинать сборку и подъем второго створного знака — переднего, того, что поменьше. Я же был занят поисками центра снесенного ледоходом переднего створного знака и только поднялся на борт, вернувшись с берега.

Голова у меня была забита какой-то геодезической заботой с мельтешащими циферками перед глазами, а тут капитан мне выдал «ценное указание», дескать, собирай своих парней с берега, вечером надо идти в Дудинку по важному делу. У меня работа идет ни шатко ни валко, не все разом клеится, и тут он со своим «мне надо».

На мой вопрос, за каким таким «надо» идем с Дудинку, отвечает туманно. Прямо как истинный селькуп или нганасанин: дескать, шибко, однако, надо, совсем шибко, капитан я тут или кто? Надо - и все, и объясняться не хочу и не буду, не капитанское это дело незнамо перед кем оправдываться. В том смысле, что кто он и кто я?! Типа в микроскоп он меня не видит, таким я мелким и незаметным кажусь этой громаде с капитанской золотой «капустой» на кителе.

Он КАПИТАН!!! Грудь в орденах, фронтовик! А я пацан двадцати четырех лет, только-только от мамкиной сиськи оторванный. Юрий-то Николаевич лет на пятнадцать постарше меня. Капитан привык к нему, а меня почитает за совсем желторотого воробья. Ладно, пусть буду воробей. Только взьерошенный воробей иной раз тоже не подарок.

В нашей работе капитан вместе с пароходом придается лоцмейстерской партии, и все решения, куда идти, где стоять, что делать и как долго, принимает начальник лоцмейстерской партии. Не просто принимает, но и озвучивает капитану, который обязан эти решения исполнять в соответствии со своей компетенцией и доставлять лоцпартию в точку назначения.

Капитан, конечно, имеет право совещательного голоса при принятии решения. Он даже может воспротивиться неразумному решению либо отказаться от его выполнения в случае, если принятое решение угрожает безопасности судовождения, подвергает риску жизни людей.

Но мотивация в духе вольного ненецкого оленевода - «мне шибко надо, однако» - никак не может являться поводом для отказа выполнять решения, принятые начальником лоцмейстерской партии.

Если я пароход за водкой в магазин за тридевять земель погоню, вот тогда капитан может смело послать меня по адресу, известному всему Советскому Союзу. Только не моя это стезя - пароходы за спиртными напитками гонять.

До Дудинки десять часов хода, десять часов обратно, да и в порту за каким-то весьма сомнительным «надо» часов пять минимум проторчать придется - вкруговую сутки, а то и более, насмарку. Нам поставлена руководством задача в темпе вальса восстановить средства навигационного обеспечения на замену сбритым ледоходом — рудовозы с лесовозами уже на подходе к Енисею. Я, понятное дело, продолжаю дудеть в свою дуду: ни в какую Дудинку не пойдем, пока не узнаю, какое «надо», и не смогу убедиться, что оно действительно правильное «надо». У меня стройматериалы на берегу, люди пашут в поте лица, выспаться не успевают. Это я толкаю их всеми имеющимися административными рычагами и разными сладкими заманухами работать по шестнадцать часов в сутки, чтобы поспеть к сроку с восстановлением знаков.

Главная замануха — это мое «железное» слово, что все переработанные сверх нормы часы мною будут учтены, подписаны руководством и честно выданы плюсом к отпуску в качестве отгулов.

Причем самая тяжкая часть этого моего обещания состоит как раз в том, чтобы руководство меня не «кинуло через борт» и честно подписало все мои скрупулезные подсчеты. В противном случае в следующую навигацию моему «железному» слову, ставшему таким отвратительно мягким и согнутому начальством в дугу на половину шестого, уже никто и никогда не поверит.

Дать железное слово и не исполнить его — это просто беспрецедентная административная импотенция. Дал слово — держи. Не можешь исполнить обещанного, молчи в тряпочку и никому ничего не обещавай. Так что это вопрос даже не чести руководства, это вопрос уже моей личной человеческой чести. Мне еще та битва с начальством предстоит за часы эти сверхурочные.

Начальство на холке моей взмыленной без седла сидит, радиограммами в бока шпоры вонзает, взнуздав жестко. Пришпоривают не по-детски. Только радиограммы из Игарки: что сделано, почему не сделано, когда будет сделано? Ты сегодня начальству кровь из носу выдай то, что оно требует. Они тебе три короба наобещают и горы злотые в придачу, но завтра или послезавтра, и не факт, что обещанное исполнят.

А посему я тоже рогом уперся, словно горный муфлон, и капитану *в обрат*: не будет никакой Дудинки. Дудим в уши друг другу, словно узбеки в тубетейках в народный тюркский духовой инструмент карнай. Он про Дудинку, я о производственной необходимости. Он мне про «край надо», я ему - «за каким таким надо?». Он мне «трам-тара-рам» нелитературно по матушке. Я ему сдержанно и вежливо - «а не могу, край не могу».

Он меня слушать не хочет, да и я его не слушаю, хотя беседуем довольно громко. Я через силу вежлив, не могу голос на фронтовика повысить, совесть не позволяет. А ему все мои вежливые аргументы по барабану. Привык он по едреной матушке вопросы насущные решать.

Ему чуть уступишь, и, считай, все пропало — сядет на шею, пришпорит, да еще покрикивать с матерками будет. Действительно, *м...*, карнай. Недаром слово «карнай» с тюркского языка переводится как «флейта для глухих». Оба «рогами» уперлись, оба глухие. Чувствую, подвох тут какой-то, совсем, однако, неправильный.

А кэп все более распяляется, шкворчит, словно сало на сковороде. Я уж смотрю за ним внимательно — как бы мне *в бубен* от старого маримана сгоряча *не прилетело*. Дед-то бравый до ужаса — боцман торпедного катера в боевом героическом прошлом.

Вопрос-то яйца выеденного не стоит, если всё по уму, он просто решается. Капитан радирует свое «надо» в Игарку руководству, начальство жует вопрос, и мне спускается радиограмма с командой на исполнение капитанского «надо».

А коли капитан таким обходным манером, вкруговую, идти желает, значит, не факт, что начальство даст «добро». В таком случае капитанское «надо» нам без надобности, просто-таки *по бубну селькупского шамана*.

И не просто без надобности, а абсолютно во вред поставленным целям и задачам. Я же воробей правильный, хоть и взъерошенный. Партия сказала надо — комсомол ответил есть! А тут какая-то муть на поверхность всплывает. Нет, так дело не пойдет!

То есть это «надо» вовсе не производственная необходимость, а просто личный, я бы сказал грубо, шкурный интерес, и этот шкурный интерес мне, как начинающему руководителю, просто рыба кость поперек моего лоцмейстерского горла.

Да что там кость, самый настоящий удар промеж ног ниже пояса. Может, в будущем, я и научусь договариваться с капитанами в таких ситуациях. Но лишь при условии, что они не будут пытаться ставить меня, уже сильно бородатого, в позу сопливого мальчишки.

А старикан снова в крик и багровеет, как свекла в борще общепитовском. Ну, думаю, сейчас кондрашка обнимет, да прижмет деда крепко — крякнет ненароком да отчалит в райские куши. А меня потом спросят, зачем я дедушку до смерти «забодал» своим упорством *муфлонским*.

Плюнул старый полярный «краб» «в психе» мне под ноги и отправился в капитанскую каюту принимать двести успокоительных капель датского короля. Вот уж! Как там у Окуджавы? *Укрепляйте организм, принимайте меры — капли датского короля пейте кавалеры*.

В ответ и я плюнул на это дело — скатился с капитанского мостика по трапу и прямым ходом через борт «С-215» на баржонку к Гунару Карловичу. Плюнул я, конечно, мысленно, потому как на палубу парохода плевать — это верх морского скотства.

Плевать же за борт в енисейскую воду, согласно самоедским понятиям, совсем, однако, большой языческий грех — можно обидеть разом и хозяина вод енисейских Ид' Ерва, и хозяин моря Яв' Ерва. И неизвестно, как еще посмотрит на такие хамские плевки Сиу-Нга-Нися, отец семи ненецких смертей — с ним тоже шутки шутить совсем, однако, плохо.

Двинули мы с Ницусом на берег к парням нашим героическим, которые там, на берегу пятак вокруг знака в жидкое слизистое болото растоптали. Они на берегу без меня как без рук, а я без них всюду вовсе никто.

Топаем мы с Карловичем от «Лота» к берегу на баржонке, и я попутно пересказываю ему тезисы нашего с капитаном «диспута». А самого меня терзают смутные сомнения, а уж не за каплями ли датского короля капитан в Дудинку намылился.

Боцманский наезд

В ответ Карлович смеется и рассказывает мне быль из разряда заполярных легенд. Ничто не ново под луной. Задолго до меня прибыл по распределению на Игарскую Гидрографическую базу новоиспеченный инженер-гидрограф, и определили его с ходу на должность инженера лоцмейстерского отряда. Обозначили ему с лоцпартией работать на «С-215», с этим же капитаном, который сегодня со мной вступил в конфронтацию.

Фамилия у новичка была заковыристая, не то Барбьяра, не то Барбиняра, Карлович уж и не упомнит точно, как молодого лоцмейстера было величать. Впрочем, не в этом суть. Будем называть его Барбинярой. И спустя какое-то время после начала трудовой деятельности молодого инженера капитану вдруг оказалось «надо» срочно в поселок ближайший, где имеется магазин. За каплями.

Возможно, это была Дудинка, а может, Караул, Воронцово или Усть-Порт. Название населенного пункта не принципиально. На заполярном Енисее не так уж много магазинов. Карлович просто не упомнит уже ввиду прошествия приличного отрезка времени с той поры.

Да, кстати немаловажный факт, капитан «С-215» - заслуженный человек, участник Великой Отечественной войны, главный корабельный старшина, воевавший в Заполярье боцманом или командиром торпедного катера. По большому счету дядька-то замечательный, с массой всяческих положительных качеств, но с боцманским гонором, помноженным на звание капитана, и со своими не всегда понятными «надо». Барбиняра же, как и все инженеры-гидрографы, был выпущен по окончании Арктического факультета Ленинградского высшего инженерного морского училища имени С. О. Макарова не только с дипломом о высшем образовании, но и в звании лейтенанта военно-морского флота в запасе.

Капитан при всем своем кошмарно огромном боевом опыте всего лишь главный корабельный старшина. Согласно военно-морской табели о рангах, главный корабельный старшина всяко ниже званием, чем лейтенант.

И наехал как-то капитан на молодого инженера Барбиняру со своим «надо» ровно точно так же, как сегодня на меня. Причем в тоне командном, я бы выразился, в боцманском тоне, со всеми прелестями боцманской природы и присущей этой природе виртуозностью морской речи.

Диспут между оппонентами разгорался недолго, но интенсивно, и, когда тон капитана в ответ на довольно ровные возражения Барбиняры и сила звука его голоса достигли кульминации, молодого инженера тоже сорвало с гаек.

Молодой специалист, доведенный до точки кипения, извергая пар из ушей, заорал во всю мощь своих молодых легких, словно старорежимный держиморда голубых кровей, на матроса первогодка:

- Ты кто такой? Ты как стоишь перед офицером, скотина? Да я тебя съем вместе с какашками! Всерьез молодой так распалился или просто решил легким юмором ответить на капитанский наезд, так и осталось неизвестным. Знавшие Барбиняру парни сразу сказали, что тот мастер на рискованные шутки.

Продолжение было не менее шокирующим, с разного рода нелитературными эпитетами ругательного характера. Я, правда, очень сомневаюсь насчет употребления слова «скотина», да и насчет матерных эпитетов, поскольку, скорее всего, это просто гипербола, потребленная Карловичем для пушного эффекта рассказа.

В итоге за капитанским «надо» в сторону близлежащего, но совсем не близкого магазина так и не пошли. Барбиняра вышел победителем в диспуте, поскольку капитан в расстройстве чувств, плавно перетекающем в предынфарктное состояние, удалился принимать успокоительные капли в капитанскую каюту.

Подробности дальнейших разборок меж капитаном, глубоко в душе оставшимся грозным боцманом, и лейтенантом военно-морского флота в запасе на уровне высокого начальства в легенде не приводились. Думаю, не было никаких начальственных разборок.

Барбиняра впоследствии отработал как положено свои три года в качестве лоцмейстера и задолго до моего появления отбыл из Игарки в неизвестном направлении, в поисках лучшей гидрографической доли. Барбиняра отбыл, а легенда, передаваемая из поколения в поколение молодых гидрографов и лоцмейстеров, осталась.

Закончив легендарное повествование, Карлович велел мне расслабиться, поскольку, по его мнению, все будет *чуки-нуки*, причем несмотря ни на что. Роль дипломата Гунар Карлович загрузил на себя добровольно, пообещав по возвращению на пароход пообщаться с капитаном и загладить наши с ним заштормившие взаимоотношения.

Я не берусь утверждать, что случай, рассказанный Гунаром Карловичем, произошел в действительности, а не придуман нашими гидробазовскими юмористами. Но мнится мне, что такое вполне могло произойти в жизни. Поскольку я сам попал в очень схожую ситуацию. Только крепко вбитое в мою задницу папиным ремнем в детстве чувство глубокого уважения к старшим не позволило мне проследовать по пути, избранному Барбинярой.

С другой стороны, фантазия людская не знает границ. Заполярный народ, охочий до цветастых историй, мог просто из пары необдуманно произнесенных слов раздуть целую эпическую сагу о противостоянии енисейского лоцмейстера Барбиняры и легендарного полярного капитана, оснащенного ядреными боцманскими «тараканами» в голове.

Имею в памяти один замечательный пример подобного раздувания широко распространяемых в узком кругу анекдотических событий ровно из ничего в событие грандиозного размера. Пример этот из моей личной биографии.

Банкет с проводами

Как-то так случилось, что я на пару дней вернулся в Игарку с восстановления навигационных знаков лоцмейстерским пароходом «Лот» и, погрузив стройматериалы, должен был уже к завтрашнему вечеру отбыть на нем же в рейс. Предстояло двигаться в сторону Липатниковского переката для восстановления тамошних навигационных знаков, поломанных ледоходом.

В общем, дело было к вечеру и, ввиду отсутствия в Игарке моего семейства, делать дома мне было абсолютно нечего. Я сидел в кабинете на гидробазе и шелестел какими-то бумажками, чрезвычайно необходимыми мне в предстоящем рейсе. Вот в этот момент и появился лоцман Дима Арбузов.

Игарский лоцман Дима Арбузов, блондин, красавец мужчина истинно арийского типа, характер нордический, двадцати восьми лет от роду, при хороших деньгах, при замечательных мозгах, с широкой душой и со всеми прочими статьями, которые так любят женщины. И что очень важно, индивидуум абсолютно не отягощенный ни супружескими, ни какими бы то ни было другими узами.

Судя по всему, лоцман Арбузов только сошел с парохода, проведенного им от Воронцово у Енисейского залива до мыса Кармакулы, от коего уже была видна Игарка и вход в бывшую Осетровую, а ныне Игарскую протоку. От мыса Кармакулы суда в Игарскую протоку заводят уже портовые лоцмана. Дима был слегка возбужден и, видимо, искал человека для теплой компании, дабы достойно провести время по достойному поводу. Я, судя по всему, оказался самым подходящим из всех встречных-поперечных.

Достойно провести время в Игарке можно либо в гостях у хороших друзей, либо в единственном игарском ресторане «Русь». А может, и не единственном. Просто я другого не знаю – времени не особо много, чтобы по кабакам шляться. Поход в кинотеатр, конечно, тоже неплохой вариант, но не для лоцмана и не по данному конкретному поводу. Друзья же по причине того, что навигация была в разгаре, все как один были в разгоне.

Кто-то был занят промером на перекатах Турушинский и Липатниковский, кто-то выполнял лоцмейстерские работы, все прочие вели пароходы от Игарки к Енисейскому заливу либо вверх по Енисею от Енисейского залива к Игарке. Возможно, были и такие, кто наслаждался в кои-то веки выпавшим в летнее время отпуском на северных побережьях южных морей в пределах Союза ССР.

Все на данный конкретный момент были при деле, и лишь один я натужно шелестел рулоном с картами и прочими бумагами, готовясь к завтрашнему вечернему выходу в рейс на «Лоте». Не могу причислить себя к друзьям лоцмана Арбузова, в силу того что знакомство до сего дня у нас, если не погрешить против истины, было весьма шапочное.

Мне было известно, кто такой Арбузов, Арбузову было известно, кто такой я. Дело в том, что лоцманы — это элита Игарской Гидрографической базы, её золотой фонд, в буквальном смысле. Это люди, отдавшие не менее пяти, а то и десяти лет лоцмейстерским работам и знающие практически каждую кочку или корягу на дне Енисея.

Не всякий романтик решится остаться работать в Игарке более трех лет, необходимых для обязательной отработки после распределения. Романтичные души, они поначалу впечатляются несказанно, потом также несказанно и разочаровываются.

Чтобы остаться в Заполярье надолго, одной романтической души недостаточно, к ней должен быть присовокуплен особый арктический характер. И не факт, что, к примеру, я обладаю таким характером, сравнимым по крепости с многолетним паковым полярным льдом. Это, увы, дано далеко не всем.

Арбузов, игарский уроженец, помимо прочих достоинств, еще и умница, а посему достиг «пика спелости» (не путать термин «спелость» с термином «зрелость») за крайне короткий срок и посему был самым молодым и самым заводным игарским лоцманом.

Помимо того что Дима был лоцманом, он был еще и гусаром, причем гусаром лейб-гвардии, с тем лишь отличием, что в нашей гидрографической базе отчего-то не выдавали шитых золотом гусарских ментиков. Саблей Дима Арбузов тоже обзавестись как-то не сподобился, а потому ухарствовал «неоружно», только с использованием остроты ума и других подручных средств.

Знакомство у нас было шапочное по очень простой причине, лоцмейстеры и лоцманы, несмотря на то что слова однокоренные, очень редко «совпадают друг с другом по времени». Маршруты у нас, конечно, одни и те же, но чаще всего они являются линиями параллельными. В период навигации нам дружить не удастся ввиду отсутствия свободного времени как такового. Если мы в кои-то веки и пересекаемся, то только на берегу.

После же завершения навигации лоцманы обычно сматываются на материк в силу большого отпуска, весьма приличного количества отгулов и солидной заработной платы. Могут они себе это позволить без особого психологического и материального напряжения.

И то, что в этот раз мы пересеклись с Арбузовым вот таким вот чудесным образом, можно было объяснить только провидением, без излишней скромности, промыслом свыше. Надеюсь, что это на самом деле так и есть, и высшим силам там, наверху, не совсем на нас наплевать, и они нас, беспризорных, без присмотра не оставят.

У игарского гусара лоцманской лейб-гвардии Димы Арбузова в левом нагрудном кармане форменного морского френча, обшитого по рукавам золотой штурманской «капустой», имелась заветная записная книжечка. Заветная, потому что Дима в эту книжечку заносил список своих мужских побед исключительно над слабой половиной человечества. Это чтобы в старости, сидя у камина, было о чем вспоминать.

Боевые действия со слабой половиной человечества в период навигации Дима распространял как на собственно Игарку, так и на прилежащие окрестности в сторону юга до Красноярска и к северу до Енисейского залива. Главным стратегическим замыслом вышеозначенных боевых действий было достижение максимального количества побед за чрезвычайно краткий период времени, именуемый жизнью.

Намедни произошло знаменательное событие, Передвигаясь на каком-то большом и красивом лесовозе по Енисею, Дима одержал свою очередную победу. В книжечку была занесена юбилейная сотая запись. По этому поводу предлагалось устроить банкет в ресторане «Русь» с соответствующим юбилейной цифре грандиозным «фейерверком».

Мы быстро обсудили знаменательное событие, послужившее поводом для банкета. Потом Дима умчался домой принять душ, привести себя в порядок и облачиться в вечерний «смокинг». Я тоже, переправив навигационные карты и прочие бумаги на «Лот», пошел домой с целью смены форменной робы на более соответствующий торжественному событию «маскарадный костюм». Встретиться договорились в двадцать ноль-ноль у входа в «Русь».

В городе Игарка на описываемый момент проживало более шестнадцати тысяч жителей, если быть точным, шестнадцать тысяч триста тридцать пять. Ресторан же на весь город один единственный, а посему «Русь» никогда не пустует. Несмотря на это, если у кого-то и возникают трудности с посещением ресторана «Русь» в силу постоянного вселенского столпотворения, то только не у игарских лоцманов.

Еще писатель-маринист Виктор Конецкий, в одной из своих книг описавший заход лесовоза, на котором он когда-то *штурманил* в порядке творческой командировки в порт Игарка, вскользь коснулся темы игарских лоцманов. Краткая характеристика лоцманов состояла в том, что парни эти далеко не дураки выпить и закусить. Как-то так.

Сам я как-то не удосужился отыскать сию пасквильную цитату об игарских лоцманах в творчестве писателя Конецкого и не уверен, что она реально существует в творческом наследии Виктора Викторовича. Просто как-то на зимнем чаепитии у ветеранов лоцманской службы слышал вполуха довольно горячее обсуждение этой темы.

Посему существует мнение, что писателя Виктора Конецкого в лоцманской службе Игарской гидрографической базы насколько любят за «Путь к причалу» и «Полосатый рейс», настолько же на дух не переносят за пасквильный отзыв о питейных и гурманских пристрастиях представителей игарской лоцманской службы.

Обсуждалась тема старыми лоцманами, подозревать которых в напраслине, возводимой на известного писателя-мариниста, просто немислимое дело. Не могут такие солидные люди болтать попусту.

Умный человек, известный писатель, а вот не усмотрел в людях главного, обратив внимание на совершеннейшую шелуху. Вообще удивительно, как в одном и том же человеке может уместиться одновременно и возвышенное, и низкое, язвительное.

Впрочем, ничего удивительного, все мы люди, и намешано в нас предостаточно всякого, литературно выражаясь, «отработанного шлака». Но чего уж шлаком плевать? Неприлично вот так огульно шпильки коллегам в «сидячие места» втыкать.

Может писатель проповедовал трезвый образ жизни? Да нет! Не может быть штурман и впоследствии капитан проповедником монашеского образа жизни, да еще и укорять за это других. *А судьи кто?* Только не мы!

В «Русь» мы попали усилиями Арбузова. «Фейерверк» вполне соответствовал грандиозности события. Арбузов был в ударе и как обычно пользовался у женской половины посетителей ресторана «Русь» вполне феерическим успехом.

Я тоже времени даром не терял, несмотря на свою полную непричастность к круглой цифре, празднуемой нами в этот раз. Познакомился с девушкой из Литвы лет двадцати и *танцевал её* весь вечер напролет, прерываясь лишь на перекуры. Отношения у нас с ней сложились совершенно невинные, и весь вечер я выступал то в танцевальном, то в разговорном жанре.

Да уж! Слава гусара меня по любому не достигнет, как Диму Арбузова. В самом лучшем случае это будет слава конферансье, хотя и это не факт. Да и фиксировать свои мужские победы в записной книжке как-то уж совсем *нихт гут* для заместителя комсорга комсомольской организации игарской гидробазы. Это ведь вроде как «совсем перпендикулярно» Моральному Кодексу строителя Коммунизма.

Это мой сокурсник Олежка Котов подкузьмил мне, составив протекцию на эту должность, после своего чрезвычайно *скоропостижного* вступления в члены КПСС и избрания комсоргом. Моего мнения по этому поводу отчего-то никто и не спросил, просто поставили перед фактом. И напрасно. Далёк я от этих дел. Нет, комсомолец-то я, конечно, комсомолец, но далеко не Павка Корчагин. Хотя с ломом, кайлом и вечной мерзлотой знаком вполне накоротке — не понаслышке.

Что интересно, девочка из Клайпеды была очень разговорчивой и всю лопотала на русском, несмотря на распространяемые в Союзе легенды о немногословных, чрезвычайно злющих и принципиально не знающих русского языка литовках. Потом оказалось, что ей к ноллю часов надо успеть на свой пароход, стоящий под погрузкой на рейде в Игарской протоке.

Когда подошло время, я отправился провожать девушку, дабы посадить ее на рейдовый катер, который забросит ее на борт парохода. Названия парохода я не помню, а скорее всего, никогда его и не слышал. Девушку же звали Ирма.

Идти было не особо далеко, оттого за неспешными разговорами мы припозднились, и рейдовый катер убежал в протоку, не дождавшись своей пассажирки Ирмы. Когда будет следующий, спросить было не у кого ввиду относительно невразумительного времени суток.

Те, кто удосужился посетить кинотеатр, уже вернулись домой. Ресторанные посетители еще и не собирались заканчивать банкет. Прочие же не занятые на празднике жизни обыватели сидели по домам, гипнотизируя взглядами голубые экраны телевизионных приемников.

Мало-мало подумав, я решил прогуляться до территории гидробазы, намереваясь попросить парней с «Лота» подкинуть Линду катером на её пароход. Тем более что до парохода её было рукой подать, он находился в прямой видимости. Дистанция вполне смешная — пять минут хода катером туда и пять обратно.

Ситуация относительно гидробазовских плавсредств, способных доставить девушку Ирму на рейд, оказалась довольно кислой. Баржа Гунара Карловича, на которую я тоже надеялся как на возможный вариант, качалась пришвартованная к причалу за «Лотом» с огромным навесным замком на двери ходовой рубки.

За целостностью этого замка, вполне достойного звания «амбарный», присматривал вахтенный матрос с палубы «Лота». Сам Гунар Карлович убыл на побывку домой и появится на борт своего карманного линкора не ранее восьми утра.

Под бортом «Лота» в свете прожектора возились злые, как демоны ночи, мотористы, потая в свете прожектора над раскиданным на запасные части двигателем разъездного катера. Было совершенно ясно, что скорой победы над поломкой двигателя в ближайшем обозримом будущем не предвидится. Я даже и интересоваться не стал, дабы не попасть на язык разгоряченным мотористам.

Разочарованные сложившейся ситуацией, не солоно хлебавши, мы с Ирмой двинулись от «Лота» к «Элдену». В душе моей теплилась надежда, что хоть там разъездной катер в исправности и нам окажут дружескую помощь и добросят красивую литовскую девушку Ирму на стоящий на рейде пароход. Моторная шлюпка «Элдена», пришвартованная к борту промерного катера, слегка покачивалась на мелкой волне.

Увы, как же жестоко я ошибался. Надежда на то, что платиновая блондинка Ирма растопит сердца суровых мариманов с «Элдена», увы, не оправдалась. Вахта на «Элдене» встретила нас отчего-то довольно недружелюбно.

Предполагаю, что Ирма оказалась достаточно красивой дамой, чтобы вахтенные матрос и моторист в силу своей патологически уставной сиюминутной трезвости, перенесли на меня, бывшего слегка навеселе, часть своего недовольства жизнью. Вахта по приходе в родной порт не самое веселое занятие, когда до дома и семейства рукой подать. Видит глаз, да зуб неймет.

В общем, нам с Ирмой сделали в ответ на нашу нижайшую вежливую просьбу беззастенчивый *отлуп* по полной программе. Как ни странно, я даже не осердился на недружелюбных элденовских моряков. Не знаю, что уж на них накатило. Тем более, что я с ними какое-то время в промерной партии поработал. Практически из одного котелка ущицу хлебали. И не обижал я никого из них вроде никогда.

Поставил я птичку себе на заметку глубоко в душе и, взяв мою временную литовскую подружку за руку, повел её снова к месту причаливания рейдового катера. Двигались мы неспешно вдоль протоки и вскоре заметили бегущую по воде моторную шлюпку. Свистом, криком, улюлюканьем, размахиванием рук и «бросанием чепчиков в воздух» (полярный день все-таки) нам, к счастью, удалось привлечь к себе внимание рыбаков. Моторная лодка тут же подскочила к нам. Двое парней согласились докинуть девочку на родной литовский пароход.

Мне же это стоило сущий пустяк — три рыжих советских рублика. Платиновая девочка Ирма помахала мне из стрекочущего мотором катера тонкой прозрачной ладошкой, и больше мы с ней никогда в жизни не виделись.

Сделав девочке рукой в ответ, я промаршировал пешим порядком к себе на улицу Таежную, дом номер пять, возле которого покуривал папиросу «Беломорканала» мой сосед по коммунальной квартире Вовка Петрович Астафьев. Судя по всему, вторая половинка Петровича Зинаида с дочкой сегодня отправилась погостить к маме. Посему Петрович, как тот кот, гулял сам по себе.

ЧП

Время было что-то в районе часа ночи. Петрович интеллигентно поинтересовался, а не составлю ли я ему компанию за рюмкой чая, но я отговорился усталостью вследствие весело проведенного времени на банкете и желанием завалиться спать.

Я и действительно устал от банкета в честь подвигов гусара игарской лоцманской лейб-гвардии Арбузова. Устал и от переживаний за девочку, которая могла отстать от своего приписанного к Клайпеде парохода. Тогда бы мне точно пришлось, как истинному джентльмену, отправлять платиновую даму самолетом до Дудинки. А дело — это, мягко выражаясь, несказанно хлопотное и довольно недешёвое.

Завалился я спать и как в яму провалился. В районе пяти утра Петрович, простучав в дверь моей комнаты азбукой Морзе сигнал «Спасите наши души», снова попытался выманить меня на кухню. Однако, я, промычав что-то нечленораздельное ему в ответ, снова ухнул глубоко в сон.

Утром, собираясь на работу, я снова, словно шотландский каменный маяк «Белл Рок» в бушующей Атлантике, устоял против волн соблазна, создаваемых на моем пути Владимиром Петровичем Астафьевым. Утренняя зарядка, умывание, бритьё. Завтрак мой состоял исключительно из безалкогольных напитков.

Терпеть не могу пьяных на рабочем месте, да и начальник мой непосредственный совершенно такого же мнения. И *нафига* мне перед собственным начальством конфузиться ради половины граненого стакана игарского алкоголя. В восемь утра я уже топтался на палубе «Лота», занимаясь подготовкой к рейсу. «Лот» принимал воду и топливо.

В районе одиннадцати часов меня выдернули к моему высокому непосредственному лоцмейстерскому начальству. По прибытии пред суровые начальственные очи я был усажен за стол перед сидевшим в «президиуме» Григоричем.

Пришлось мне ответить на лавину странных вопросов о том, где, как и с кем провел я нынешнюю ночь после ухода из ресторана «Русь». Надо отметить, что Григорич вчерашний вечер тоже был в ресторане «Русь» в компании своей жены Аллы Овчинниковой.

Пришлось мне подробно докладывать о своих странствиях с момента ухода из ресторана вплоть до прибытия на гидробазу в восемь утра сегодняшнего дня, с перечислением встреченных на маршруте личностей и происходивших в указанный временной период событий.

После доклада был отпущен на волю с пожеланием посетить у причала гидрографическое судно «Элден». Григорич вышел вместе со мной из кабинета и, прыгнув в гидробазовский узик-

«буханку», умчался в город, громыхая по застеленной сосновыми досками игарской мостовой вдоль таких же деревянных тротуаров.

Как я понял позднее, умчался он с целью увидеться с Владимиром Петровичем Астафьевым и подтвердить либо опровергнуть мое алиби на период времени с двух часов ночи до шести часов утра.

Дело в том, что после моего посещения «Элдена» в поисках возможности отправить Ирму на стоящий под «парами» пароход бдительность вахтенных на «Элдене» по неизвестной никому причине катастрофически притупилась в период с трех часов ноль-ноль минут до пяти часов тридцати минут.

В пять часов тридцать минут вахтенным матросом было внезапно обнаружено, что разъездной катер находится в совершенно затопленном состоянии. Катер пребывал бортами вровень с поверхностью воды, повиснув на швартовых концах на «перископной глубине» под бортом «Элдена».

Подозрения в совершенном акте вандализма сразу же упали на меня, как на личность, жаждавшую воспользоваться катером для «покататься на рейде с девчонками», о чем и было спешно доложено руководству.

Как оказалось позже, спас мою непорочную репутацию мой сосед Петрович Астафьев (младший). Вовка безапелляционно подтвердил, что я прибыл по месту жительства не позднее половины второго ночи и пребывал на собственном ложе в абсолютном одиночестве до семи часов утра. В силу чего не имел физической возможности совершить акт возмездия вахтенным «Элдена» в ответ на их загадочную несговорчивость путем злонамеренного затопления разъездного катера.

В итоге злодей, совершивший акт затопления разъездного катера, предпринятыми оперативными мерами выявлен не был. Какие бы то ни было правдоподобные версии, кому и зачем понадобилось вытворять такие подлые гадости, абсолютно отсутствовали.

Удаляясь из кабинета руководства, я решил-таки прогуляться до «Элдена», с тем чтобы своими глазами убедиться в правдивости истории о злом торпедировании неустановленным коварным вандалом элденовского разъездного катера.

Все оказалось чистойшей правдой. Катер висел на швартовых концах у борта гидрографического судна «Элден» и практически парил под водой у самой поверхности. И пока я, покуривая папироску «Беломора», разглядывал последствия якобы моей злонамеренной акции, кое-какие личности из экипажа на палубе «Элдена» довольно сердито косили на меня лошадиными лиловыми глазами.

А я-то ни сном ни духом. Вовсе, можно сказать, не при делах. Палец о палец не ударил ради достижения такого катастрофического результата. Мотив, конечно, у меня как бы имеется, и довольно весомый, но только со своей стороны ни диверсионных акций, ни торпедных атак этой ночью я за собой что-то не припоминаю.

Простреливаемый навывлет этими лошадиными взглядами в спину, я вернулся на «Лот» и продолжил заниматься неотложными делами, которые следовало успеть исполнить до отхода в рейс.

После обеда ко мне на «Лот» мимоходом явился грустный Дима Арбузов и заявил, что праздновали мы вчера напрасно. Всё пропало! В подсчеты вкралась арифметическая ошибка, и до юбилейной цифры недостает в заветной книжечке ни много ни мало целых две записи. Короче, налицо имеет место быть полное фиаско, литературно выражаясь.

А посему в связи явным просчетом вчерашний банкет с «фейерверком» признается недействительным и переносится до лучших времен, на момент сразу после достижения и документального подтверждения результатов, достойных юбилейного банкета.

И буквально сразу после такого грустного сообщения Дима довольно бойко поинтересовался, как же мне удалось так эффективно потопить разъездной катер «Элдена» и при этом выйти достаточно сухим из воды перед лицом руководства гидробазы. Вот тут-то я и понял: слушок уже медленно, но верно расплзается по территории гидробазы, проникая во все щели и норы.

В ответ на мои заверения о непричастности моей персоны к затоплению катера Дима хитро улыбнулся и похлопал поощрительно ладонью по моему плечу. Удаляясь по своим лоцманским

делам, он успел напыщенно продекламировать: «Если моряк ничего не утопил до тридцати лет, то он однозначно не гусар! Можешь считать норматив выполненным и засчитанным».

И тогда я понял, что мое алиби на период чрезвычайного происшествия на «Элдене» убедило в моей непричастности к факту приема забортной воды разъездным катером только мое непосредственное лоцмейстерское руководство. Все же остальные народные массы, а именно экипаж «Элдена», Дима Арбузов и иже с ними, так и будут полагать, что угон катера и его последующее демонстративное затопление - дело рук моей подлой мстительной личности. Любому пьяному матросу известно, что под раздачу попадают не те, кто напакостил, а те, кто, напакостив, попался. А все, похоже, считают, что я почти попался.

Я уж не знаю даже, оторвало ли начальство хвосты вахтенным на «Элдене» за то, что они прощелкали клювами на своем боевом посту этакое чрезвычайное происшествие. Думаю, что все-таки оторвало. Хотя не факт. Возможно, просто очень больно за хвосты подергало.

И поделом. Не надо было на вахте клювом щелкать. Доставили бы девочку Ирму по моей дружеской просьбе на родной пароход, стоящий на рейде в протоке, и злокозненному вандалу топить было бы нечего, ввиду отсутствия катера у борта.

А может, и не было никакого злодея, а были два бесшабашных разгильдяя, кои по недомыслию или по безалаберности и допустили сие из ряда вон выходящее, просто вопиющее чрезвычайное происшествие. Мне претензий по данному поводу никто и никогда более не предъявлял.

Вечером «Лот» спешно отдал швартовые концы, вышел из Игарской протоки и, миновав мыс Кармакулы, взял курс на район работ. Гунар Карлович, когда я подробно изложил ему суть страстей, бушевавших в минувшие сутки на территории гидрографической базы и в ее окрестностях, долго испытующе смотрел в мои честные глаза. Не знаю, что он там увидел, но однозначно что-то увидел.

Гунару было непонятно, что, если это не я «торпедировал» разъездной катер, имея, по его мнению, железобетонный мотив для мщения, тогда кому пришло в голову пустить его ко дну? Может, кто-то на меня зуб нарисовал и, воспользовавшись удобным моментом, попытался подставить меня?

По мне так это вовсе глупая затея и как версия просто не имеет права на существование. До сей поры вроде не наблюдалось в наших узких лоцмейстерских кругах подобных *ЧеПуховин*.

Тайна эта так и осталась покрытой мраком. Хотя, допускаю, что когда-нибудь потом, после моего отбытия из Игарки, правда выплыла-таки на белый свет, и енисейские лоцмейстеры уже не считают меня злым мстительным угонщиком разъездных катеров.

Да, кстати, на праздновании юбилейной цифры Дима выкатил какой-то модный коньяк, добытый из личных винных погребов капитана круизного теплохода «Антон Чехов». Я отчего-то при виде этого эксклюзивного напитка вздрогнул, вспомнив мою первую ночь в Игарке, проведенную в кровопролитных сражениях с сибирским клоповым племенем.

Жизнь полна удивительных случаев. Совсем недавно узнал именно о таком. Почти тридцать лет назад, четырнадцатого сентября тысяча девятьсот пятидесятого года, на фарватере Енисея сторонней туземной публикой, прогуливавшейся по берегу, был замечен кит, плывущий против течения, вверх по реке. Пять дней спустя кит был обнаружен бесповоротно неживым в окрестностях порта Дудинка.

Какие-то великие эксперты в области китобойной ихтиологии высказали версию, что погубила животное енисейская вода в силу своей абсолютной пресности. Мнится мне, что пресная вода здесь вовсе ни при чем. Наши енисейские *ненэй ненэчи* просто не могли себе позволить упустить такой замечательный шанс знатно порыбачить. Вот уж, воистину, это была Царь-рыба.

Это я к тому, что чудеса не случаются с людьми, которые в них не верят, и это закономерно. Думаю, это просто наказание им за их неверие. Да и поделом. Скучные люди. А нам жизнь с чудесами по нраву. Главное, чтобы все приключения были интересными и обязательно с благополучным исходом. А уж за нами не заржавеет, в плане веры.

Охота на диких северных оленей

Что касается приключений для души, порыбачить и поохотиться для тех, кто в деле этом сведущ, на Енисее просто раздолье. Всякий раз, когда мы перебираемся на «Лоте» в новый район

работ и высаживаемся на берег, «Лот» становится на якорь в ожидании завершения лоцмейстерской деятельности в данной точке географии.

Экипаж судна несет вахту четыре через восемь. Свободные от вахты парни либо оказывают помощь лоцмейстерской партии при необходимости, зарабатывая себе десять процентов к зарплате, либо развлекаются на борту судна иными незапрещенными трудовым законодательством способами.

Боцман обычно прыгает в разъездной катер с кем-либо из матросов или мотористов и отправляется на промысел. Предпочитает боцман чаще всего высаживаться с охотничьими и рыболовецкими снастями на имеющиеся поблизости острова, а за неимением таковых рядом не брезгует и высадкой на коренной берег.

Боцманская промысловая экспедиция может длиться от одного до трех, а то и четырех дней, в зависимости от периода времени, необходимого на выполнение конкретных лоцмейстерских работ в данный момент. Причем «промысловики» не возвращаются на борт парохода ежедневно, а ночуют на лоне природы в брезентовой туристической палатке либо просто у костра, в зависимости от погодных условий.

Все они обучены жизнью в Заполярье и умеют выживать в дикой природе не хуже, а то и лучше партизан в дремучих брянских лесах. Все-таки Заполярьем эта местность называется не напрасно, и навыки здесь в тундре необходимы неизмеримо более крутые, нежели в брянских лесах.

Вся подстреленная и выловленная промысловой экспедицией во главе с боцманом дикая живность по возвращении промысловиков сдаётся на камбуз в распоряжение кока. В итоге кок забывает об имеющихся на судне запасах макарон, гороха, перловки и прочих бедных витаминами продуктов и переходит на готовку блюд с использованием добытых представителей дикой заполярной фауны и флоры.

Фауна здесь не особо блещет разнообразием, но так или иначе заботами боцмана экипаж и лоцмейстерская партия обеспечиваются весьма завидным рационом питания. Зайчатина, перепелка, утка, гусь, грибы. Я не говорю уже о рыбе, какая в Енисее обретается, от сома до стерляди. Ну и, конечно же, оленина. С олениной все намного сложнее, нежели с мелкой живностью.

Дикий северный олень зверь осторожный и умный. Выскакивали мы на стадо диких оленей пару раз на расстоянии примерно в полторы-две тысячи метров. В диком стаде сторожевая служба поставлена настолько серьезно, что стоило только с нашей стороны легкому ветерку в сторону стада дунуть, как они тут же вздрогнули и махом ушли галопом за пределы видимости.

Так вот и вышло, что я лично и не видел ни разу реально дикого северного оленя на расстоянии ближе, чем полтора километра. Не говорю уже о невозможности встреч с этими красавцами нос к носу. Подчеркиваю, речь идет именно о диком северном олене.

Так что добыть дикого северного оленя в тундре еще та непростая задача. На это способны лишь истинные *Чингачуки*, в жилах которых течет кровь многих поколений могучих заполярных предков. Так что не факт, что даже наши енисейские партизаны, те, кто способен дать фору сто очков партизанам брянским, осият пешим манером добычу дикого северного оленя.

Других вариантов нет. На вездеходе гоняться за дикими оленями - занятие пустое, бесперспективное. Вертолет нам вряд ли кто предоставит для охоты на дикого северного оленя, мы же парни не из ВЦСПС или ЦК, и даже не из Крайкома КПСС.

Так что оленина на нашем камбузе либо приобретена за рублевый эквивалент у аборигенов, либо является итогом чрезвычайного стечения жизненных обстоятельств. Мне известен как раз такой факт случайного стечения обстоятельств. Не могу уверенно сказать, в какой точке географии «стеклись эти обстоятельства», просто не помню, да это и неважно.

По прибытии в точку, где предстояло восстановить створные знаки, мы с моими парнями начали погрузку стройматериалов на баржу Карловича, дабы выгрузить их в точке восстановления знака и приступить к строительству.

Параллельно нам боцман с начальником радиостанции, мотористом Редьковым, с кем-то из матросов и вторым помощником капитана, обвешанные двуствольными орудиями убийства диких животных, бухнулись через борт «Лота» в разъездной катер. Залихватски посвистывая, подобно новгородским ушкуйникам, они умчались к берегу под рык катерного мотора в дикую енисейскую тундру промышлять абсолютно диких енисейских оленей.

Я уж и не знаю, кто этим бравым парням внушил уверенность, что неисчислимые стада диких рогатых бестий дожидаются их на коренном берегу. Или я просто был не в курсе имевшейся у публики секретной информации. Дыма-то без огня не бывает, а судя по тому, как «задымило» к вечеру следующего дня (фигурально выражаясь), огонь-таки там присутствовал и немалый.

Я за заботами о восстановлении знака забыл и думать о боцмане и его промысловой компании. Разъездной катер, выбросив ловцов дикой живности на коренной берег Енисея, вернулся и обрелся на швартовом конце у борта «Лота».

Вечером следующего дня вся компания, за исключением боцмана и Сани Редькова, появилась в точке подъема нового навигационного знака. Охота на диких оленей увенчалась успехом. Требовался вездеход, дабы с места гибели диких оленей в количестве пяти единиц доставить к берегу, а затем на борт «Лота».

Как выяснилось, стадо диких оленей было застигнуто стрелками врасплох на выпасе в пяти километрах от береговой черты. Боцман и моторист Редьков остались сторожить добычу от возможного похищения полярными волками и рососомами.

Гунар Карлович десантировал вездеход на берег, и парни отправились за своей добычей. Вернулись они с пятью тушами оленей — две важенки (стельные самки северного оленя) и три хора (быка северного оленя).

Парни из экипажа не хуже канадских трапперов выследили оленьё стадо, подкрались к нему на цыпочках, так что под их ногами не шелохнулась ни одна веточка оленьего мха, именуемого ягелем. Промысловики охватили стадо подковой и по команде боцмана открыли огонь.

Надо отметить, что накануне вечером парни устроили маленькую рыбалку, так, чтобы хватило команде на приличный котел ухи, ну и под ушицу, как водится, «усугубили» на свежем воздухе чистейший питьевой спирт в 96 объемных процентов.

Какая это рыбалка, если рыбаки обходятся поеданием ухи «на сухую»? Ночевать устроились позднею. А утром, поднявшись не дюже рано, успели еще слегка похмелиться, добавив «огненной воды» на старые дрожжи».

Стадо диких оленей под грохот выстрелов вздрогнуло, но, слегка покружив хороводом, с перепугу таки осталось на месте. Никого из похмельных трапперов такое нетипичное поведение диких северных оленей отчего-то не смутило. Будь парни хрустально трезвыми, а не под воздействием спиртных паров, такое поведение стада должно было как минимум вызвать недоумение.

Ума хватило прекратить стрельбу, когда сбитые жаканами, на землю завалились пять оленей. Даже витающим в спиртных парах головам было ясно, что валить более пяти оленей — это реально уже перебор. Перебор оттого, что мясо более чем пяти туш ни в какой холодильник не войдут.

Свежевать оленей принялись тут же на месте бойни, а стадо отошло от места побоища на пару сотен метров и продолжало стоять на месте. Как гром среди ясного неба на выстрелы минут через двадцать явился абориген с трёхлинейным карабином Мосина наперевес и с каменным лицом поинтересовался, а зачем русские парни стреляют в колхозных оленей.

По лицу оленевода было абсолютно непонятно, сильно ли рассердили аборигена своей неуместной пальбой наши горе-охотники. В конечном итоге боцману было объявлено, что убитых оленей можно забрать, поскольку освоить пятерых олешек зараз туземцы без ущерба не способны. Мясо все равно пропадет. Не кормить же оленьей собак. В конце августа — начале сентября бригада оленеводов вместе со стадом снова будет на этом месте.

А посему нашим игарским трапперам необходимо привезти деньги для возмещения нанесенного колхозу ущерба. Предстояло выплатить всего-то по одной тысяче триста рублей за каждую важенку и по тысяче рублей за каждого хора — итого пять тысяч шестьсот рублей.

А пять тысяч шестьсот рублей — это ни много ни мало стоимость новенького автомобиля ВАЗ-2101 «Жигули». Вот такая вот настигла подданных стрелков удача — результативно поохотились на диких колхозных оленей и нашли приключения на собственные задницы. А заодно и на наши не причастные.

С другой стороны, ведь не написано же на них, что они колхозные. Только кого это волнует? Возмещение ущерба, как ни крути, дело святое. В случае отказа от возмещения ущерба последует заявление в милицию и соответствующие последствия не только экономического характера, но и

уголовное преследование злодеев, покусившихся на открытое хищение социалистической собственности.

Кто-то из молодых ненецких оленеводов тут же метнулся на оленьей упряжке к берегу с биноклем, дабы зафиксировать наименование нашего парохода.

Боцману как организатору открытого преступного посягательства на социалистическую собственность по сговору группой лиц согласно статье 90 Уголовного Кодекса РСФСР *горело на лбу* лишение свободы до семи лет.

Понятно, что юристов и адвокатов в составе нашей дружной компании не наблюдается, но лица, ранее имевшие возможность ознакомиться с уголовным кодексом в местах не столь отдаленных, всё-таки высказали свое компетентное мнение.

Промысловики хмурились и чесали затылки, ну и мы с ними за компанию. Понятно было, что оленина пойдет на камбуз, а расхлёбывать этот круто заваренный тундровый кисель придется всем личным составом абсолютно без каких-либо *изъятий*. Разве что кока исключим из списка в силу принадлежности к слабой половине человечества.

По примерным прикидкам выходило, что на плечи каждого из нас обрушился должок порядка двух с половиной сотен рубликов, по грубым прикидкам. Сумма, конечно, подъемная, но тужиться нам придется по любому и изрядно. Я, к примеру, зарабатываю эту сумму за месяц.

Двести пятьдесят в месяц — это не так и много, а у парней моих и того меньше. Шашлычок из оленины обещал нам встать чрезмерно дорого. Подвесили наши заполярные земляки *ненэй ненэчи* над нашими головами тяжеленький «дамоклов меч». И отсрочка платежа действует только до начала сентября.

Наш капитан, услышав занимательную историю об «удачной охоте» на диких колхозных оленей, поначалу пришел в легкое нервное расстройство. Вид у него был такой, словно Камошин готов собственноручно исполнить боцману спуск на судовом якорю до дна, как дон Педро Зурита сподобился исполнить Ихтиандру в фильме «Человек-амфибия».

Чуток оклемавшись от первого впечатления, капитан высказал категорическое собственное мнение по этому поводу на языке настоящих заполярных портовых грузчиков.

По силе эмоций это была просто песня, сравнимая разве что с боевым кличем старого моржа, идущего в бой с молодым претендентом за свою самую любимую самку в гареме!

Не дай Бог, история эта просочится на суд общественности. Капитан первый по своей капитанской фуражке получит, и по партийной линии, и по всем другим возможным направлениям. Недосмотрел, не воспитал, не пресек, допустил! Заревешь тут моржом!

Танцы на льду и подо льдом

Прошлая навигация 1979 года закончилась в начале октября, буквально на пределе, когда уже становился лед. Начальник лоцмейстерского отряда Клубков взял меня с собой на «съемку» буев и замену их ледовыми вехами. Всего от Сопочной Карги до мыса Кармакулы в навигацию выставляется семьдесят три светящих буя.

Понятно, что большую часть буев уже сняли «Лот» и «С-215», нам оставалось подобрать кое-что по мелочи. Шли за буями на большом красивом гидрографическом судне «Николай Евгенов», выкрашенном в совершенно замечательный красный цвет.

Снимать буи начали практически от самого устья Енисея во избежание их замерзания в ледовое поле реки. Пришли в устье, когда там уже не осталось чистой воды. «Евгенов» залихватски пер по вставшему льду, без особых усилий взламывая еще не окрепший лед.

Полярный день уже закончился, и установилось временное равновесие ночи и дня, которое уже совсем скоро перейдет в долгую полярную ночь. Впереди, в слепящем луче судового прожектора, перепуганный треском ломающегося под форштевнем «Николая Евгенова» молодого ледка, долго и упорно, не сворачивая в темень, бежал перепуганный песец.

Утром после подхода к первому, намеченному для съемки бую, начальник лоцмейстерского отряда Клубков вызвал меня и отдал команду «разобраться со льдом». Меня учили целых шесть лет, и в том числе разборкам со льдом согласно «Правилам гидрографической службы ПГС-9».

«ПГС-9» - такая замечательная книжонка толщиной пятнадцать миллиметров, в мягкой обложке цвета мороженого крем-брюле, описывающая формулы расчета возможности нахождения

на льду людей и техники в зависимости от его толщины, температуры воды, температуры воздуха, массы объекта, вывозимого на лед, площади опоры, времени необходимого нахождения на льду.

Понятно, что учили меня всему этому в теории и ранее я никогда на практике со льдом не «разбирался». Отправился я к себе в каюту, глубоко задумавшись о том, с какого боку мне следует приступить к ледовым исследованиям. Конечным итогом этих исследований должно было стать мое экспертное мнение по поводу пригодности льда для нахождения на нем людей.

Вроде тут на все Заполярье экспертов подобного толка вовсе не водится, запропалились внезапно куда-то все. И я как бы самый что ни на есть сведущий в ледовых делах супермаэстро, на фоне всех несведущих в этом сложном деле присутствующих полярников. Нашли гляциолога, *ёшкин кот!*

Вывел меня из задумчивости начальник лоцмейстерского отряда. Открыв дверь моей каюты, он минуты три наблюдал, как я шуршу страницами книжонки, поименованной «Правила гидрографической службы № 9», затем, улыбнувшись, сказал: «Дружище, бросай *на хрен* эту книжонку, одевайся и выходи на палубу. Трап уже спустили на лед. Делается все просто: берешь доску метра три длиной, спускаешься на лед и своими ножками испытываешь на предмет его пригодности для нахождения людей. Доска уже приготовлена. Оденься полегче, ну и доску держи крепко и горизонтально, чтобы сразу не уйти под лед с головой, если вдруг лед тебя не выдержит».

Все так же улыбаясь, Клубков хлопнул меня ободряюще по плечу: дескать, *не сс..*, стажер, *держи хвост пистолетом* — мы тебя гарантированно по-быстрому спасем, если вдруг провалишься и ухнешь под лед. Ну и вообще, если ты и самую малость еще зеленый, как стручок гороховый, да сопливый, словно улитка виноградная, — это ничего, всему научим, соплю осушим, и будешь ты настоящим полярником.

Если выразиться поэтически, то получилось примерно следующее:

Белой ночью бегут олени
И синеют сплошные льды,
А на десятой параллели
В это время цветут сады.
А нам не страшен ни вал девятый,
Ни холод вечной мерзлоты.
Ведь мы ребята, ведь вы ребята
Семидесятой широты...

Так у меня в ушах и зазвенела эта песенка Станислава Пожлакова. Есть такой замечательный, ленинградский композитор в Советском Союзе! Песни его я обожаю! И эта о парнях семидесятой широты просто изумительная! И что характерно, поется в ней про моих коллег и начальников и давненько, ну и немножко, уже про меня.

Если надо, значит, надо,
Значит, будут и здесь сады.
Пусть метели бушуют рядом,
Надо будет — растопим льды.
Пусть морозы и пусть тревоги,
Пусть сугробы встают круты,
Мы проложим пути-дороги
По законам своей мечты.

Это сильно! Не страшен нам вал девятый! Это композитор с поэтом, конечно, через край хватили, да и про холод вечной мерзлоты слегка перебарщивают. Страшен и вал, и холод! Но, в общем и целом, хочется выглядеть таким полярным обветренным волком без страха и упрека, в сияющих меховых «доспехах».

Команда начальника меня «слегка» на испуг пробила от копчика до самых пяток. Если провалишься — мы тебя спасем. Обнадежил. Был со мной случай в Питере, когда изучал морские премудрости на третьем курсе морского училища. Случай довольно неприятный и связанный как

раз со льдом. И настолько неприятный, что после него смотреть мне на лед, особенно в натуре, да еще из-под воды, ох, как не хотелось бы.

Не помню, кто точно, но как бы не мой сокурсник Паша Федоров заманил меня обучаться на курсах легководолазного дела. Отучились мы с ним как положено, впитав теоретический курс, познали азбучные истины. Премудрости не великие: не вдыхать воздух из баллона при всплытии, не всплывать быстрее пузырьков выдыхаемого воздуха, не погружаться в глубину на выдохе, не совершать погружения в одиночку, без инструктора, страхующего на сигнальном конце, ну и прочее, и прочее, и прочее.

И настала пора перейти нашей группе новоявленных миру легководолазов, почти «ихтиандров» к практическим занятиям. Надо сказать, время года для практических занятий было не самое подходящее, самый что ни на есть противнейший, на мой взгляд, из всех месяцев года — февраль.

Практиковаться привезли нас на Лемболовское озеро, это на Карельском перешейке, в полусотне километров от Ленинграда, где предполагалось проводить практические погружения. Озеро большущее, в длину десятков километров, да пару километров в ширину.

В переводе с карельского языка название «Лемболовское» означает «Чертово озеро». Что интересно, когда Карельский перешеек принадлежал Финляндии и озеро имело финское название Lempaalanjärvi (Лемпааланярви), переводилось оно все равно как Чертово озеро. Да и речушка, вытекающая из него и именуемая Лемболовкой, с карельского языка переводится не иначе, как Чертовка. Раньше при финнах эта речушка именовалась Виисси-иокки, что означало опять-таки Чертова река. Мне еще тогда показалось странным неизменное постоянство в наименовании этих объектов. В общем, бесовщины, вероятнее всего, здесь всегда хватало, а репутация бесовская, похоже, не одну сотню лет зарабатывалась. Перепало этой самой бесовщины самую малость и на мою долю.

Да слава Богу, что самую малость, а то в противном случае всё могло кончиться очень и очень плачевно. Видимо, в моем случае лемболовские черти отвлеклись на кого-то другого, более достойного их нечистого внимания. Со мной же они только слегка, словно нехотя, покуролесили.

Перпендикулярно берегу озера метров на сорок тянется бетонный пирс. У самого конца пирса, справа от него, прорублена во льду майна длиной метров пять и шириной три. Ледок толщиной сантиметров десять, не менее — головой однозначно не проломить.

Практикантов, то бишь нас, начинающих «ихтиандров», обслуживает целая группа просоленных морем, проспиртованных алкоголем и пропахших табачищем матерых красномордых водолазов. Эта прогоркшая морской капустой подводная банда батюшки Нептуна с матерками облачала новых адептов в теплые шерстяные рейтузы, свитера и подшлемники из верблюжьей шерсти, а затем натягивала на нас непроницаемые, как мужские контрацептивы, гидрокостюмы.

Экипированные таким образом курсанты пристегивались ремнями к «водяным легким», в просторечии именуемым аквалангами модели «Украина – 2». Вдогонку маску на лицо, загубник в рот и вокруг пояса со свинцовыми грузами солидной толщины вервь, чтобы имярек не потерялся подо льдом озера. Сигналы концом всем новичкам в голову наизусть вбили — двенадцать основных и один запасной, итого в сумме — тринадцать.

Помнится, такое количество сигналов, подаваемых сигнальным концом, да в купе с мистическим названием озера мне как-то дюже не по нраву пришлось, и не напрасно. Уж очень число этих сигналов подходило к многовековой бесовской репутации чертова Лемболовского озера.

Каждого идущего на погружение контролирует водолаз-инструктор, он крепит на пловце сигнальный конец и работает с пловцом, подавая ему различные сигналы согласно таблице условных водолазных сигналов при спусках в снаряжении с открытой схемой дыхания.

У меня по сию пору табличка эта перед глазами. Хотел привести табличку на всякий случай, вдруг по жизни кому пригодится, а потом подумал, что, кому захочется полюбопытствовать, и без моей помощи обойдется.

Я, дождавшись своей очереди, подцепленный таким образом к инструктору, аккуратно шагнул со льда вперед прямо в майну и ушел в воду растопырившейся лягушкой.

Майна над головой светится пузырем воздуха, вода, несмотря на зиму, мутная, и видимость от силы пять-семь метров, скорее всего, из-за того, что до меня тут множество «лягушат» с аквалангами за плечами побарахтались. Булькнул я с головой под воду, и все мои знания

легководолазного дела, в том числе и значение сигналов согласно таблице, как карточка из пушки, из моей головушки со свистом и вынесло.

Сам я в гидрокостюме, а лицо и руки голые, ничем не защищены, а водица лемболовская, однако, изрядно холодная. Повисел я секунд десять в легком ступоре под воздушным пузырем майны, а потом зашевелил ластами и помалу куда-то без спеха поплыл.

И поплыл как-то бездумно, бесцельно, словно охреневшая от икромета лягушка, не спеша, хлебная воздух из загубника и также медленно выпуская его в воду роем пузырей. Плыву я так, в задумчивости, не заморачиваясь особо оценкой направления. Шлепаю ластами и плыву. Нет бы мне, дураку, руками в конец сигнальный вцепиться мертвой хваткой. Куда-там! В мозгах полный вакуум, только ластами шлёп-шлёп-шлёп.

Проходит какое-то время, если судить по моему субъективному восприятию, минут пять, а может и десять, а то и вовсе пятнадцать. И вдруг я вспоминаю, что сигнальный конец, то бишь вервь, которой я пристегнут к инструктору, не особо и длинна, метров двадцать пять, ну тридцать от силы. А преодолел я, как мне кажется, уже все пятьдесят, а то и сотню метров. И не приходит мне по сигнальному концу от моего контролера на поверхности абсолютно никаких команд и указаний.

И решил я, что пора мне возвращаться к моей майне, в какую меня спустили с тем, чтобы, как говорится, подальше от греха. Дай, думаю, я за веревочку-то сигнальную дерну один разок в том смысле, что «Я на грунте. Чувствую себя хорошо. Выбери слабинку. Повтори». Разворачиваюсь в обратную сторону и майны-то не вижу. Да мало того, что я не вижу майны, так я и сигнального конца, каким я к инструктору пристегнут, абсолютно не наблюдаю. Нет сигнального конца на мне. Нету!!!

Проплыл чуток назад и вижу, как вверху колыхается беспокойная поверхность воды в моей майне. Кругами что ли я около неё плавал? А поскольку понимаю, что я под водой, подо льдом, потеряв сигнальный конец в условиях плохой видимости, чудом увидел майну, на радостях разгоняюсь в неё и преборно бахаюсь головой об лед. Это я за майну принял воздух, выпущенный из моих легких и легких моих более везучих предшественников.

Вот тут мой легкий испуг превратился в жутчайшую панику, а я в того самого из старой армейской поговорки «начальника паники майора Суету». И зашлепал я ластами что было сил в этой панике с абсолютно отключенными головой, зрением и одним, заполняющим весь мой организм чувством — смертельным ужасом.

И мозг мой вместе с сердцем провалились от этого ужаса куда-то вниз моего организма и обретаются в тазовых костях, где-то между мочевым пузырем и анальным отверстием. Время мерять мне было нечем, да и не до этого было. Я молотил долго и неустанно ногами, и мой организм с ужасающей скоростью пожирал воздух из баллонов акваланга.

Остановил я своё бурное подводное плавание вынужденно лишь когда врезался головой в узкую щель между дном и льдом. Причем врезался я довольно плотненько, так, что и шевелиться-то первое время не мог. Благо ударом не повредил редуктор акваланга, а то тут бы мне уже и каюк пришел. Представляете мои ощущения? Сильные были чувства.

Нет, вы не можете представить мои ощущения! Чтобы представить их в полной мере, надо оказаться там, в Лемболовском озере, в ледяной воде, втиснутым между дном и льдом. Причем без сигнального конца, со списком сигналов страховочного конца в голове, ровно из тринадцати мистических порядковых номеров.

Я застрял меж льдом и дном, и где находится майна, через которую меня спустили под воду, я представления не имею. Сигнального конца, с помощью которого можно было бы судорожными рывками попросить помощи или просто добраться до проруби, нет. Я один-одинешенек среди этого льда, в этой мутной, обжигающей холодом воде. Сколько прошло времени до того, как у меня включился мозг, не знаю. А включился он оттого, что руки мои и лицо в воде вдруг стали изрядно мерзнуть.

Так я и лежал жабой растопыренной, прижатый льдом ко дну. Уж не знаю, сколько прошло времени, но помалу пульс у меня стал успокаиваться и организм перестал панически жрать воздух. И тут я задумался над проблемой, как мне быть дальше. Попытки выбраться из щели, отталкиваясь от дна руками, не принесли желаемых результатов, и тогда я стал разгребать грунт ладонями под грудью.

Сердечко уже панически не частило, но и спокойным не стало, бухает, как кувалда, в грудные ребра так, что рукам чувствительный удар передается. Благо грунт на дне оказался илистым, и дело пошло на лад. Минуты через три мне удалось вылезть из жуткой ловушки, в которую я себя в панике втиснул.

Развернулся я от берега, и стало мне снова жутко до дурноты – так уж мне помирать не хотелось. Повис, растопырившись в полуметре над дном. При каждом вдохе меня затылком об лед легонько постукивает. Вот так, думаю, и будет меня затылком об лед колотить до самой весны, пока лед окончательно не растает.

Я даже представил, как вонять буду, когда меня найдут-таки доблестные спасатели. Лицемерие жутких картинок с моим раздувшимся по весне и обгрызенным местными рыбешками телом включило мне мозг окончательно и бесповоротно. И думаю я себе: «Стоп, парень! Дыши реже и мозгуй, как быть дальше! Вот берег за спиной, я в майну шагнул справа от пирса, пирс уходит перпендикулярно от берега метров на тридцать. А посему если я потихоньку начну лапами шевелить, не удаляясь от кромки берега в левую сторону, то должен найти сваи пирса в воде, а найдя пирс, от свай к свае тихо докарабкаюсь до своей майны. Господи, миленький, прошу тебя, сделай так, чтобы это был мой пирс и чтобы около него была моя майна.

Все в руках Господа! Нужно только хорошо попросить! А просил я шибко сильно, однако. Наверное, Господь мой внутренний душераздирающий вопль таки услышал. Метров через пятьдесят я своей бестолковой башкой, обтянутой резиной гидрокостюма «Садко», торпедировал дубовые сваи пирса.

А вот как наткнулся я на сваи пирса, то обнял первую же поросшую тиной дубовую сваю, словно девушку любимую, и от счастья едва не описался. Оторвавшись чуть погодя от свай, повернул вправо и зашлепал лапами по воде от свай к свае, к мористой части пирса.

От одной свай к другой, потом к следующей, где по предположениям, родившимся в моих кипящих мозгах, и находится моя злополучная, долгожданная майна. И нашел! Вот Ей Богу! Нашел я майну.

А под майной уже вода кипит от прыжков инструкторов, сигающих под лед на мои поиски. В общем, только чудом я от ужаса не обгадился прямо в гидрокостюм «Садко». Причем настолько чудом, что до сей поры не понимаю, как мне все же удалось тогда не обгадиться.

Инструктор, оказывается, на мне завязал сигнальный конец либо неправильным морским узлом, либо я оказался таким невероятно скользким раздолбаем, что из этой обвязки угрем скользким смог выскользнуть. Видимо, задница моя оказалась недостаточно упитанной.

Имел счастье лицезреть, высунувшись головой из майны, как мой контролер стоит растерянно, теребя мой сигнальный конец в руках. Самый главный инструктор моему конкретному контролеру сгоряча в ухо въехал так, что тот с копыт, как казацкой шашкой срубленный, свалился.

Ну и я тут ручонками замахал, дескать, вот он я, пропажа нечаянная, нашелся уже, не надо меня под водой искать. Знали бы вы, каких соленых эпитетов мне после моего появления на уши навешали. У меня до сей поры, как вспомню, румянец на щеках появляется.

Самый злой на язык боцман парусного флота просто бледная и молчаливая тень по сравнению с тем старшим инструктором. А я уж был тем счастлив, что, выбравшись из-под воды на лед с помощью парней, по ушам не получил за компанию со своим красномордым контролёром.

Потом уж мне поведали, как мне жутко повезло — предыдущей зимой такой же тупорылый «дельфин», как я, уплыл в сторону озера и нашли его только по весне, после того как сошел лед. Царство ему небесное, упокой, Господи, его душу! Озеро большое, и до противоположного берега два километра.

Позже я задумался, а смог бы я, встав на ноги и уперев баллоны акваланга в лед, взломать ледяную корку. Вряд ли я настолько могуч. Был бы у меня при себе водолазный нож при погружении, как предусмотрено инструкцией, наверное, я смог бы прорубиться через десять сантиметров льда к поверхности на воздух.

Вот только многоопытные инструкторы водолазного дела ножик для меня зажали. По ходу ножики водолазные по домам растащили — картошку ими жены на кухне чистят. С той самой поры я даже в туалет с ножом хожу.

Так что представляете, какие ассоциации у меня возникли после того, как начальник мне пообещал быстро спасти меня в случае, если я провалюсь под лед. А ведь это не Лемболовское

озеро, это батюшка Енисей у самой кромки Енисейского залива, где от берега до берега двадцать с гаком морских миль, что в сухопутных километрах составляет порядка сорока. С одного берега противоположный берег не видно, почти как море.

А течение? Енисей не озеро. Стоит только нырнуть под лед, затянет мигом, и вот они грозные объятия Северного Ледовитого океана. А уж там никто, никогда, ни при каких условиях тебя уже не найдет. Если только белый медведь когтем зацепит, да на белый свет вытащит в качестве протухшего продукта питания посреди Карского моря.

Мне как-то парни с нашего же лоцмейстерского судна «С-215» рассказывали, что был у них в экипаже паренек, лет пять назад в довольно свежую погоду ночью приспичило ему выйти покурить на палубу на воздухе. С тех пор никто никогда его больше не видел.

Вспомнили о нем часа через три, бросились искать. Да куда там! Где искать-то? Вода в Енисее и летом ядреная, сколько в такой водичке можно на поверхности продержаться? Ну, всякому понятно, что не три часа.

Сходил я на лед. Перед этим меня зануздали в пробковый спасательный жилет оранжевого цвета. Проба эта с перепугу несколько потрясла меня, но все обошлось-таки благополучно. Ощущение, скажу я вам, весьма пронзительное, когда делаешь первые шаги по ледовой корке, а она прогибается и дышит под ногами. А может, и не проминается, а просто ты со страху видишь воспаленным сознанием то, чего в природе вовсе нет. Это ещё те танцы на льду.

Состояние такое, словно сидишь в пивном ленинградском баре «Пушкарь» после шестой кружки пива. Позывы весьма острые! Да еще когда в метре от тебя открытая вода у борта парохода чуть дымит парком на морозце. Страсть! За доску судорожно держался разве только не зубами.

Чуть позже, когда с парнями вырубали большой морской буй, стало понятно, что провалиться лед подо мной он не мог, поскольку был толщиной сантиметра четыре, а то и все пять толщиной. Впрочем, испытывать ничего и не надо было, поскольку при подходе к бую наш красный пароход «Евгенов» наломал достаточно льда, чтобы понять его толщину.

Это начальник специально решил проверить меня на слабо и отправил по льду исключительно с целью укрепления нервной системы молодого полярника. Ну, заодно решил посмотреть, а не напустит ли начинающий полярник по данному поводу в штаны чего-нибудь горячего.

Буй успешно подняли на борт, на его место установили ледовую веху размером весьма ощутимо более оглобли и двинули от устья на юг, раз за разом повторяя процедуру у каждого бую. В Игарку пришли, собрав в кучку все не снятые ранее буи.

Начальник, видимо, проникся моим рвением в деле вырубания больших морских буюв пешней. На собрании личного состава гидрографической базы, посвященному подведению итогов навигации 1979, мне вдруг нежданно-негаданно вручили грамоту за ударный труд.

Пара голосов присутствующих в актовом зале сотрудников гидробазы довольно возмущенно проворковали в смысле, а не слишком ли для молодого, да в первую навигацию, да сразу и грамоту. Есть, дескать, и более заслуженные люди, и более достойные. Полагаю, что ворчали те самые, более заслуженные и более достойные бумажного поощрения на стенку.

Да, грамота была бумажная, а вовсе не из серебра или золота, даже была не красного цвета, как это должно быть. Она была сине-голубая с товарищем вождем пролетариата В. И. Лениным в профиль и силуэтами судна и самолета. Внутри было вписано: «За хорошие производственные показатели в III квартале 1979 г., образцовую дисциплину и в связи с 62-й годовщиной Великого Октября награждается инженер лоцотряда...», ну и далее.

Меня несколько удивило это жгучее неприятие старыми и опытными коллегами факта моего награждения обычной бумажкой. Бумажка, она и есть бумажка, а народ полярный отчего-то излишне ударился в переживания.

У моего деда по отцовской линии Василия Никитовича Батурина, фронтовика, прошедшего всю войну с июля 1941 по октябрь 1945, заслуженного деятеля колхозно-аграрного творчества, виртуоза вил и граблей, такими грамотами все стены в избе обклеены. Как-то мне эти переживания непонятны были. Бумаги в Советском Союзе завались, хоть грамоты на ней печатай, хоть червонцы с Лениным. Червонцы, конечно, были бы значительно приятнее.

Ну, червонцы, понятно, налево-направо кому ни попадя раздавать не станешь, а уж грамото могли бы на всю полярную братию наштамповать. Уже только за то, что им «ни вал девятый, ни холод вечной мерзлоты».

Коллеги мои право на эти бумажонки отработали однозначно, просто самим фактом пребывания в данной *точке географии*. Если бы грамоту мне и не дали, я бы, ей Богу, не обиделся. Ну, а уж если дали, так я, опять же, не загордился. Пустое это все — бумажки эти. Хоть синие, хоть красные. Это я не про червонцы, конечно.

Но все вроде обошлось. Начальник лоцотряда отбил-таки от ворчунов, видимо, ему это было не впервые:

«Да, молодой, да, первая навигация, но за всю навигацию ни одного косяка. Все ровно, как и должно, и ни одного нарекания от людей, работавших рядом. Я видел, как он работает, а посему вопрос рекомендуется считать исчерпанным».

Героем, однако, я себя вовсе не почувствовал, а скорее, даже антигероем, который как бы в глазах окружающих рвал «сидячее свое место» на глазах у высокого начальства, желая сделать карьеру и прорваться поближе к полярному начальству. Это начальство просто не в курсе моих косяков было, ну да это и хорошо. Я вообще-то не жаден до почестей. Просто возбудило меня слегка противодействие коллег. Расстраивался, однако, я недолго.

Всё так славненько закончилось. Впрочем, чего это я заговариваюсь? Какое там закончилось? Всё только начиналось. И стал я, как все работники гидробазы, с понедельника по пятницу ходить на работу в контору с восьми до семнадцати с перерывом на обед и чаепитием у лоцманов в одиннадцать и в шестнадцать часов.

Конец Игарского каратэ

По субботам либо воскресеньям мы с женой ходили смотреть кино, как все порядочные сухопутные граждане, ведущие размеренный обывательский образ жизни.

Через неделю мне весьма и весьма наскучила размеренность сухопутной жизни, и я начал думать, чем бы себя занять таким интересным, разумеется, помимо работы.

Один раз по приглашению Леонида Федоровича Севастьянова побывал у него в гостях, попил водки под строганину из муксуна и полярных куропаток, изловленных Севастьяновым в пятидесяти метрах от дома на силки в игарской тайге. Это было здорово - пить водку под разговоры и тушеную куропатку.

Однако такие развлечения, они ведь не на каждый день. Здоровья, попросту сказать, не хватит каждый день таким образом развлекаться. Да и Федорыч вскоре, забрав семейство, ушел третьим помощником капитана на «Дмитрий Овцыне» на ремонт в Финляндию. Дней через десять после возвращения с Енисея по случаю зацепил я глазом передачу Игарского телевидения о школе каратэ «Сэн-э».

По сути, это были показательные выступления членов школы, с прыжками, ударами руками и ногами в воздух, с разбиванием сосновых досок. Парни в белых кимоно кулаками и пятками под крики «кийя» крушили обрезки досок толщиной в 30–40 миллиметров. Благо что в Игарке имеется свой лесопильный комбинат, и дров для таких особых случаев было вполне в достатке.

Я на пятом и шестом курсе учебы в Ленинграде успел потренироваться в училищной подпольной секции каратэ. Был у нас парой курсов младше паренек Жора Лыжин из гидрографов, занимавшийся в клубе «Олимп» на улице Моховой у тренера Владимира Ивановича Илларионова. Прознали мы про Жорино умение случайно, поскольку вместе с Саней Турчиным в свободное от учебы и девчонок время пытались изобразить в училищном спортзале виденное в кино «каратэ».

Есть в Ленинграде во Дворце культуры имени Сергея Мироновича Кирова на Васильевском острове так называемый Музей истории кино. Собственно, музея-то никакого нет, но под вывеской «Музей истории кино» частенько крутят старые фильмы из заначки Госфильмофонда СССР, которые нигде и никогда, кроме ДК имени Кирова, не показывают.

Вот среди этих фильмов и высмотрели мы с Саней Турчиным пару-тройку фильмов с актером Госиро Мифунэ в ролях великих японских бойцов-самураев. Забрел Жора случайно в спортзал и, увидев наши дилетантские киношные потуги, дал пару дельных советов.

Короче, поймали мы Жору Лыжина на переменке следующим днем между парами и категорически потребовали создания в учебном корпусе училища, который супротив моста

Александра Невского, подпольной секции каратэ, дабы он с нами три раза в неделю проводил занятия в качестве инструктора.

Отказать старшекурсникам Жоре не хватило духу, либо идея эта пришлась ему самому по вкусу. В новоявленную подпольную секцию мы на вербовали с полтора десятка своих сокурсников и других, близких по духу, примкнувших и стартовали в светлое спортивное будущее.

Пару раз во время тренировок забывали наглухо запереть двери спортзала на ключ и оба раза почти нарывались на неприятность – на топот пяток и крики «кийя» к нам в гости заглядывал дежурный по училищу офицер. Однако все обошлось, оба раза дежурный офицер, понаблюдав минут пять за тренировкой, делал знак рукой, дескать, все нормально, можно продолжать и, прикрыв дверь спортзала, тихонько удалялся.

Слух, конечно, растекся манной кашей и среди офицеров, и среди курсантов. Обошлось все без последствий — по принципу «что не запрещено, то разрешается». Появилось, правда, еще несколько парней, пожелавших присоединиться к нашим занятиям в спортзале.

Да и офицеры у нас, что ротные, что с кафедры военно-морской подготовки, все по большому счету были толковые. Нормальный человек в такой ситуации что подумает? Да пусть они лучше под присмотром в спортзале ногами размахивают, нежели то же самое по организациям гражданских лиц в пивных барах отчебучивают. Если кто-то и был недоволен ситуацией, то придержал язык благодаря одному обстоятельству.

Первым нашу подпольную секцию обнаружил Лисин Сергей Прокофьевич, капитан первого ранга, Герой Советского Союза и просто замечательный человечик. Наблюдал за нами Лисин минут десять, затем ушел тихо, прикрыв за собою входную дверь спортзала.

Скорее всего, остальные заглянувшие к нам дежурные офицеры, реагировали очень корректно, без криков «караул, подпольщики», зная реакцию на нас Лисина — к нему все в училище относятся с особым глубоким почтением.

Сергей Прокофьевич - интересный человек и герой, каких мало. В 1938 году в качестве добровольца-интернационалиста был старшим помощником командиров испанских подводных лодок С-4 и С-2, участвовавших в боевых действиях против военно-морского флота франкистов и германских подводных лодок. На стороне франкистов уже тогда воевали подводные лодки германского военно-морского флота Кригсмарине.

Двадцать второе июня 1941 года встретил в качестве командира подводной лодки С-7 Балтийского флота. Лодка под командованием Лисина до сентября 1942 года совершила девять торпедных атак, потопила четыре вражеских транспорта, обстреляла из лодочного орудия калибра сто миллиметров железнодорожную станцию и завод в захваченном врагом городе Нарве.

Преодолев минные заграждения в Финском заливе, в территориальных водах Швеции, в районе маяка Седерарм, 21 октября 1942 года всплывшая в надводное положение для подзарядки аккумуляторных батарей подводная лодка С-7 была обнаружена и торпедирована финской подводной лодкой «Весихииси» и затонула.

Черт её принес, эту «Весихииси», будь она неладна. «Весихииси» в дословном переводе на русский означает «Морской чёрт». В момент торпедирования на ходовом мостике находились пять членов экипажа, в том числе и Сергей Прокофьевич, штурман Хрусталеv и три матроса, допущенные на перекур в качестве поощрения.

Лодка ушла навечно с экипажем в пучину, пятеро с мостика оказались в октябрьской воде. Штурман Хрусталеv погиб, утонув в ледяной воде. Четверо подводников были подняты финскими моряками на борт всплывшей на поверхность «Весихииси» и попали в плен. В плену моряки находились до момента выхода Финляндии из Второй мировой войны. В 1944 году все пленные, находившиеся в Финляндии, были возвращены в СССР.

После проверки в специальном лагере НКВД Лисина отправили служить на Тихоокеанский флот командиром 12-го дивизиона 4-й бригады подводных лодок в Порт-Артуре. В июле 1945 Лисину вручили Золотую Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24.10.1942 г, то есть подписанного через три дня после гибели С-7.

Думаю, что нам ничего не прищепили за наше подпольное спортивное самоуправство только благодаря Лисину: уважаемый человек прореагировал спокойно, а после него остальным было неудобно проявлять излишнее служебное рвение и «расплескивать дерьмо из кадлушки».

Месяца через три подпольных занятий Жора отвел нас в клуб к Илларионову, тот благословил на занятия в дальнейшем и даже кое-кого определил в группу начинающих в клубе. Цена занятий в месяц была не такой уж и большой, тем не менее, мне была не по карману, поскольку месячная стипендия составляла тринадцать рублей восемьдесят копеек, посему весь пятый курс я продолжил занятия в Жорином подполье.

После преддипломной летней практики на Научно-исследовательском судне «Искатель» Южморгео на Сахалине у меня появились какие-то деньжата, и я стал тренироваться у Илларионова в «Олимпике». Не у самого, конечно, а в группе Дьячкова.

За это время успел помаленьку нахвататься азов, и подсмотренные показательные выступления игарского клуба каратэ «Сан-э» пришлось мне очень кстати. В одну из суббот собрался и пошел бить челом о приеме в клуб каратэ. Руководил школой не то бригадир, не то рабочий Игарского лесопильного комбината Михаил Куншт, парень на пару лет постарше меня.

История школы довольно интересна. Группа игарских энтузиастов самочинно пинала друг друга ногами в соответствии со знаниями, полученными из различных несерьезных источников, от потрепанных книжонок до ветхих творений японского синематографа. Потом по Стране Советов прошел слух о появлении в столице нашей родины Москве Центральной школы каратэ под руководством Алексея Штурмина и Тадеуша Касьянова.

Энтузиасты, собравшись, поразмыслили и решили скинуться деньгами и отправить собственного делегата для обучения на какой-то небольшой период в Москву, с тем чтобы он привез и передал полученные знания членам инициативной группы. Наиболее подходящим кандидатом оказался Михаил Куншт, как самый талантливый и продвинутый в сфере самочинного пинания ногами в стиле дворового каратэ.

И пошло, и поехало. Михаил съездил разок в командировку и, вернувшись, стал передавать полученные знания соучредителям. Вскоре набор полученных знаний был исчерпан, и встал вопрос о новой поездке в столицу. Для этого нужны деньги — за все хорошее надо платить. И занятия в клубе «Сан-э» стали платными.

Когда я появился с просьбой о приеме в школу, Михаил уже успел четыре-пять раз прокатиться в Москву к Штурмину и уже вполне прилично, по моему мнению, размахивал руками и ногами. Впрочем, ездил ли Михаил конкретно к Алексею Штурмину или к кому-то из многочисленных московских сенсеев, для меня осталось тайной.

Собственно, это было абсолютно не важно. Михаил ездил в командировки в столицу и привозил оттуда новые удары, связки ударов, учебные ката — дело двигалось вперед галопом, и всех это устраивало.

Мне объявили стоимость занятий в размере пятнадцати рублей при условии двенадцати занятий в месяц. Стоимость одного занятия в размере одного рубля двадцати пяти копеек не показалась мне непосильной тяжестью, и я потихонечку прижился в старшей базовой группе тех самых энтузиастов, инициировавших появление школы. Мне даже нашивку с настоящими японскими иероглифами на кимоно пришпандорили.

Мы замечательно и с удовольствием занимались в спортзале. Перед тренировкой, если мороз не превышал двадцати градусов, бегали в кимоно, с босыми ногами на дистанцию в километр по засыпанном снегом дощатым игарским тротуарам.

Популярность карате в Игарке росла семимильными шагами. Что ни день приходили новые протеже из Игарского горкома КПСС, из Горисполкома и городского комитета комсомола, желающие заниматься в школе.

Я отрастил могучую бороду и дремучие лохмы, как у «битласов», если пользоваться терминологией моей бабушки Марии Филипповны. Кроме того, мне удалость освоить множество замечательных ударов, в том числе *тоби мае гери*, позволяющий в прыжке разбивать удерживаемые партнерами на уровне головы сосновые доски.

Парни в моей группе либо были постарше меня, либо ровесники и трудились в основном на Игарском лесопильном комбинате, или ЛПК, выражаясь по-простому. Саша Махов, к примеру, был диспетчером Игарского морского порта, Коля Каптеров, Саня Боркин и Серега Фатиади трудились вместе с Кунштом на лесопильном комбинате. Все длилось просто замечательно почти до самой весны.

Где-то в марте-апреле 1980 года в центральной прессе появились статьи о вреде каратэ, о недопустимости бесконтрольного преподавания этого опасного для жизни и здоровья советских граждан, морально чуждого нашему образу жизни искусства рукопашного боя.

В один прекрасный момент началась какая-то заваруха с Центральной школой карате Штурмина в Москве и лично с товарищем сенсеем Штурминым, а также многими другими гражданами, имеющими отношение к новорожденному советскому каратэ.

Чуть погодя я узнал, что наш сенсей Миша Куншт арестован органами не то государственной безопасности, не то внутренних дел, помещен в следственный изолятор и его обвиняют якобы в незаконном преподавании каратэ.

Я не великий знаток Уголовного Кодекса РСФСР, но, поинтересовавшись первоисточником, не обнаружил там такого преступного деяния, как незаконное преподавание каратэ. Потом стали ходить слухи о незаконных финансовых махинациях.

Судя по всему, получение денег в размере пятнадцати рублей в месяц с каждого члена клуба, используемых Михаилом для поездок в Москву, в клуб Штурмина, дабы прикинуться к источнику вождельных знаний о таинственном искусстве японского рукопашного боя, и было поименовано финансовыми махинациями. Инициативная группа клуба каратэ «Сан-э» собралась в полном составе, недоумевающая и буквально охреневшая по факту ареста Михаила Куншта.

Слухи множились, никто ничего толком не понимал, но всем однозначно казался бредом весь этот «кипяток» по поводу каратэ. Базовая группа приняла коллективное взвешенное решение, что занятия надо продолжать, Меня, как достаточной продвинутого в данной области, единогласно выбрали временно исполняющим обязанности сенсея до момента полного оправдания и освобождения из местного *зюндана* сенсея Куншта. В том, что такой момент наступит и справедливость вот-вот восторжествует, никто не сомневался. Я дал согласие на временное исполнение обязанностей инструктора. Сенсейство сие было ограничено некими рамками контроля со стороны совета клуба. Согласие же я дал при условии, что деньги за тренировки собирать ни я, ни кто-то другой не будет.

И все будет происходить абсолютно бескорыстно до возвращения Михаила. И паче чаяния нас за занятия враждебным социалистическому строю спортом кто-то начнет трясти, то в отсутствие «финансовых махинаций» крыть трясунам будет нечем. А мы вот они — белые, пушистые и абсолютно бескорыстные. Занятия в клубе продолжались до начала июня.

На работе в гидробазе народ суетился, готовясь к открытию навигации. На пароходах «развязывали трубы», проверяли двигатели, завозили продукты, топливо и массу всяческих мелочей, без которых в рейс ни ногой.

В один из дней, в рабочее время, меня пригласила секретарша начальника гидробазы и, объявив, что мною интересуются из весьма компетентных органов, сунула мне телефонную трубочку в ухо. Меня приглашали явиться с паспортом завтра утречком на беседу в городское подразделение Комитета государственной безопасности СССР.

Меня тут же неимоверно раздуло от гордости. Ну, думаю, не иначе меня, такого молодого и красивого, да еще лейтенанта запаса военно-морского флота, да временно исполняющего обязанности сенсея школы каратэ решили пригласить на службу в КГБ.

Забросят куда-нибудь на Аляску американские средства навигационного обеспечения уничтожать. Дабы жизнь янки под флагом *звездато-полосатым* медом не казалась. Вот тут я и развернусь во всю широту своей романтической души — ломать вражеские средства навигационного обеспечения неизмеримо легче, чем строить свои. Вот же дурень наивный!

Утром следующего дня в здании КГБ со мною беседовали два «гражданина начальника» с серыми пронзительными глазами, лет тридцати пяти, сами из себя неброские внешне, без особых примет, в неприметных серых костюмчиках и галстучках.

Один был суров и грозен, другой чрезвычайно вежлив, я бы сказал, даже ласков. Как в кино — плохой следователь и следователь хороший! Напрягало, правда, что хороший следователь был уж как-то чрезвычайно, приторно хорош. Отсутствовал в нем некий артистизм, позволяющий зрителю забыть, где он находится, и поверить в бескорыстную доброту бойца невидимого фронта борьбы с происками империализма.

Для начала передо мной на стол выложили фотографию, виденную мною ранее у Михаила Куншта. На фотографии была снята базовая группа Центральной школы каратэ, личностей этак в

пятьдесят, все в белых кимоно, с Алексеем Штурминым в центре, на контрасте одетым в черное кимоно. Один из «граждан начальников» вежливо попросил посмотреть на фото внимательно и поделиться возникшими у меня ассоциациями.

Ассоциаций у меня не возникло никаких, что собеседникам стало понятно по написанному на моем лице недоумению. Какие могли возникнуть ассоциации? Люди организовали интересное и полезное дело, трудятся в поте лица, обучая молодежь нужной Родине системе рукопашного боя.

Ну, берут за свой нелегкий труд немного денег. Вроде нет в этом ничего плохого!? У меня, к примеру, денег никто не вымогает, я их сам добровольно, с чистым сердцем несу в клуб, причем с великой благодарностью в душе.

Золотарь по деревьям к... из уличных нужников изымает, опять-таки, не бесплатно. Я уже не говорю о водопроводчиках, которые без пузыря водки палец о палец не ударят. И подходящий налог не платят, мошенники этакие. Тогда старший из пронзительных собеседников обозначил мне направление, в котором я должен был политически правильно поразмыслить: «А не кажется ли вам странным, что практически все, имеющие честь состоять в базовой группе Московской ЦШК, ярко выраженные, со стопроцентной гарантией, представители богом избранного народа? А не кажется ли странной также вполне себе еврейская внешность основателя ЦШК Алексея Штурмина, а также отца-основателя и руководителя Игарской школы каратэ «Сан-э» Михаила Куншта? А не было ли с вами разговоров о несправедливости советской власти? А в курсе ли вы, что у нас на носу Олимпиада-80, которая просто поперек горла нашим внешним врагам, даже можно сказать нож острый в самое сердце небезызвестным недоброжелателям нашей замечательной Родины. Вообще-то на данный момент существует небезосновательная версия, что московская Центральная школа каратэ под эгидой израильской разведки Моссад готовит беспорядки с участием своих членов в период проведения Олимпиады-80 в Москве и Ленинграде. Все это чуждое советской идеологии боевое искусство каратэ есть не что иное, как происки израильской разведки и других не менее враждебных организаций из не особо дружественных нам стран».

В итоге беседа привела к тому, что я как временно исполняющий обязанности сенсея, используя все свое влияние, должен занятия в школе прекратить и пресечь вообще любую тренировочную деятельность, дабы не лить воду на колесо вражеской мельницы.

По мне, так три четверти населения Москвы являются представителями Богом избранного народа. Да и половина Правительства, вкупе с ЦК КПСС, того же окраса. И что теперь, отправлять их всех в Израиль? А ну как они переезжать на историческую Родину не пожелают? Налицо какой-то явный, несвойственный нашему социалистическому строю оголтелый расизм.

Слушаю я это все и как бы между прочим *себе на уме и думаю*: настройщик роялей, он ведь тоже деньги за свою работу берет, но при этом никто не вызывает владельцев роялей в КГБ и не спрашивает, какие ассоциации возникают у них при виде фотографий настройщиков роялей. Крутятся эти настройщики вокруг людей очень непростых — водопроводчики в нашей стране роялей, однако, не имеют.

Кстати, справедливости ради, стоит сказать, что настройщики роялей, они тоже на все сто процентов представители избранного Богом народа, уж я-то в курсе, было у меня в детстве пианино. Если уж хорошенько всмотреться в лица этих самых настройщиков роялей, то любому, даже самому недалекому умнику станет абсолютно ясно, что гипотетически самая сильная в мире израильская секретная служба в случае с настройщиками роялей очень даже при делах.

Следуя гэбэшной логике, все настройщики роялей на территории Союза Советских Социалистических Республик не кто иные, как завербованные Моссадом агенты, готовящие в период проведения Олимпиады-80 полное расстройство всех советских роялей в стране, а особенно в городах-героях Москве и Ленинграде.

По своему скудоумию и в результате отсутствия опыта общения с людьми из структур, обеспечивающих государственную безопасность, я взвалил на свои хрупкие, как оказалось впоследствии, плечи труд как-то объяснить товарищам несостоятельность, даже бредовость, существующей в недрах данной организации версии. Беседа закончилась воплями, сопровождаемыми полетом брызг слюней грозного гражданина начальника мне в лицо и угрозами упечь меня в следственный изолятор, в одиночную камеру через стенку с Михаилом Кунштом. Очень уж мое непродуманное противодействие пробило товарища чекиста *до самого ливера, до*

самых потрохов. Второй гражданин начальник, игравший роль доброго следователя, ехидно глядя на меня, ласково улыбался.

Как на грех, поиски носового платка в карманах результатов не приносили. Забрызганное слюнями сотрудника Комитета государственной безопасности мое собственное лицо убедило меня, что благоразумнее в данной ситуации помалкивать, в противном случае я могу поселиться на неопределенный срок в местном *зиндане*.

Судя по неконтролируемой реакции сотрудника, могло случиться и хуже того. Будучи брошенным в подвалы игарской «лубянки», я мог запросто сгинуть навеки в игарской вечной мерзлоте как пособник целого перечня вражеских разведок.

А и то, если бы капитально надо мной потрудились, я бы во всех грехах сознался, а не только в сотрудничестве с израильской разведкой. Уж на что серьезными были в свое время орденосные генералы и маршалы, а и те сознавались в шпионаже в пользу германского Абвера, румынской Сигуранцы и японской Кокурюкай. Меня расколоть можно было на раз, от затылка и до самой ж..., в смысле «до самого седла, и даже без шашки, а просто ребром ладони».

А в *зиндан* мне, ну никак нельзя! Пароходы по Северному морскому пути уже идут к Енисею, а у нас еще кот не валялся. Все навигационное обеспечение в пойме реки вот-вот сметет к чертовой матери начинающимся ледоходом. И вообще, люблю я свободу неистово и горячо. И это чистая, без подвоха правда!

Утерев пот со лба и слюни оперативника с лица все-таки найденным в кармане носовым платком, я направился к выходу с подписанным на выход пропуском, уверенный в своем жгучем желании больше не попадать в подобные учреждения.

А паче того поймал себя на остром желании быстренько отчалить на своем любимом «Лоте» по просторам Енисея, где на сотни морских миль ни тебе участковых, ни оперуполномоченных, ни гэбешников. Даже если меня в будущем пригласят-таки в эту контору на работу, я без угрызений совести откажусь наотрез.

Лед на Енисее к этому времени уже почти пришел в необходимое аморфное состояние и готов был двинуться под победные фанфары ледоходом в наступление на Северный ледовитый океан.

Если кто и есть на просторах сих, так это свои братья гидрографы, лоцмейстеры, одесситы с землесосов голландской постройки на Турушинском перекате да ненцы с оленями, сопровождаемыми прорвой комара, гнуса и мокреца над бескрайними болотами, озерами и полями тундрового ягеля.

Наверное, есть поблизости от Енисейского залива Карского моря специалисты из КГБ на острове Диксоне. С другой стороны, неужели они и на Диксоне надеются вражескую агентурную сеть иностранных разведок вскрыть? Неужто контрразведчики и там шпионов потихоньку отлавливают?

Всю историю своего хождения в местную политическую полицию я как на духу пересказал парням в клубе и объявил, что снимаю с себя титул временно исполняющего обязанности местного «аналога японского сенсея» Игарской школы каратэ «Сан-э».

Парни крепко взяли на меня за непреклонное нежелание ради блага и процветания игарского каратэ поселиться на пару-тройку лет в соседней камере с сенсеем Мишей Кунштом.

Спустя пару недель Куншту при рассмотрении дела в суде впаляли четыре года реального лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима. Все члены игарской школы каратэ «Сан-э» были, мягко выражаясь, шокированы, а если грубо, то просто охренели напрочь.

Мне после этого парни даже как-то на тормозах спустили моё нежелание садиться в тюрьму во благо игарского каратэ и вернули своё дружеское расположение.

Произошло это после того, как кое-кого из инициативной группы вызвали в известное заведение и провели соответствующую воспитательную работу, обрызгав при этом слюнями и пообещав долгое и незавидное будущее в игарском следственном изоляторе. А может, в краевом красноярском, я как-то не сподобился уточнить.

Представляю, как по прошествии, допустим, двадцати лет этим бойцам невидимого фронта будет стыдно за тот бред, которым они занимаются сейчас. Я бы на их месте сгорел от стыда уже сегодня, причем синим пламенем и дотла. Должен же у них за лобовой костью присутствовать хоть какой-то мозг? Или там костная ткань до самого затылка?

Мне было совершенно неясно, за что сенсея Михаила Куншта этак бесцеремонно расплющили, обрушив на его тренированные плечи каратиста тяжелые веса незрячей богини правосудия Фемиды. Повторное рассмотрение дела в порядке апелляции происходило уже в мое отсутствие.

В итоге, по дошедшим до меня слухам, наказание Михаилу смягчили, причем довольно значительно на фоне предыдущего приговора, что-то порядка двух лет лишения свободы с отбыванием в общей зоне.

Думаю, Михаилу на душе стало раза в четыре легче, но мне так до сей поры и невдомек, за что и почему человек пострадал. Причастность Куншта к деятельности в интересах вражеских разведок в суде доказана не была. Два года лишения свободы, пусть даже в общей зоне, — это вам не фунт изюма и даже не четверть фунта. Посадили парня ни за понюх табаку!

Пятнадцатого июня лед от Игарки двинулся к Енисейскому заливу, и буквально через пару дней я ушел в рейс на «Лоте» восстанавливать сбритые ледоходом навигационные знаки в пойме Енисея.

«Лот» двигался в сторону Карского моря вслед за ледовыми массами, и происходило это при вполне ощутимом мною состоянии счастья оттого, что я вижу небо через иллюминатор своей каюты, а не через решетку камеры следственного изолятора.

Таким образом, каратэ в Игарке захлебнулось насмерть, торпедированное местными органами КГБ, как чуждое порождение чуждых нам государств, вроде Японии и Израиля и даже, возможно, о ужас, Соединенных Штатов Америки.

Не знаю, как разворачивались дела в столице нашей Родины Москве, но в любом случае израильская разведка пролетела мимо Игарки со страшной скоростью, словно фанера над Парижем, не говоря уже о ЦРУ, БНД, Сигуранце и японской Кокурюкай.

Не удалось подлым израильтянам устроить беспорядки в Игарке в период проведения Олимпиады-80. И поделом! Директору Моссад Ицхаку Хофи у нас в Заполярье *не прокатило* — обломился по полной программе. Не светят у нас в Игарке никакие перспективы западным спецслужбам. Здесь им не там, и уж точно не тут! *No pasarán!!!*

Ранее Игарскому КГБ было чем заняться, кроме борьбы со Игарской школой каратэ. В Игарский морской порт за пиломатериалами приходили иностранные суда. В городе даже присутствовал действующий Интернациональный клуб моряков со всеми атрибутами вроде бара, компании девчонок, охочих до импортной валютной любви, и интернациональных драк с целью выявления самых крутых просоленных океанской волной *мариманов*.

Вот парни из КГБ и присматривали за тем, чтобы представители международного морского интернационала, не сбежали со своих посудин в лесотундру и не остались навечно пасти оленей на Таймыре или, напротив, не увезли к себе на гнивающий Запад наших горячих заполярных девчонок.

Я уже не говорю о недопустимости утечки совершенно секретных данных о количестве бревен, распиленных игарским лесопильным комбинатом, а также о численности и маршрутах миграции стад дикого северного оленя между Гыданским и Таймырским полуостровами.

Получили ли ордена наши игарские гэбэшники за посадку Михаила Куншта, я не в курсе. Полагаю, что получили, но каким-нибудь совершенно секретным постановлением. Чтобы никто ни о чем не догадался. В кои-то веки по линии Государственной Безопасности булькнуло какое-то происшествие в Игарке.

Скажу вам по секрету, самыми крупными известными мне криминальными событиями за время моего проживания в данном городе было хищение интимного женского белья с бельевой веревки во дворе дома № 15 по ул. Таежной и случайный отстрел колхозных оленей пьяными лоцмейстерами.

Относительно нижнего женского белья дело было так. Как-то, возвращаясь домой с работы, услышал стенания молодой красивой женщины во дворе данного дома в уши участкового инспектора милиции по поводу кражи бюстгальтера и одной единицы женских трусиков с бельевой веревки.

Допускаю, что дама сия именовала трусиками теплые байковые рейтузы на резинках. Кстати, когда я был маленьким, то думал, что рейтузы называются так потому, что их носили рейтары. Когда я вырос, оказалось, что по поводу рейтаров я глубоко ошибался.

Судя по всему, в Игарке завелся индивидуум, страдающий фетишизмом и пробавляющийся исключительно женскими трусиками. Думаю, что извращенца изловили очень быстро, так как в тот день я видел участкового инспектора милиции в Игарке в первый и последний раз.

Скорее всего, дело о похищении одной единицы женских трусиков и бюстгалтера закончилось банальным возвратом похищенного потерпевшей и отказом в возбуждение уголовного дела в связи с малозначительностью деяния.

И мнится мне, что заполярный город Игарка с тех самых пор стал самым декриминализованным морским портом мира, если, конечно, не принимать во внимание напрасных потуг иностранных разведок запустить свои щупальца в советское Заполярье.

Советская Родина, избавившись от тысяч секций враждебного искусства каратэ, могла спать спокойно. Абсурд катился волною через страну от Ленинграда до Владивостока. Родная Госбезопасность, утомленная поисками отпечатков ног на боксерских мешках в спортзалах средних образовательных школ и борьбой с незаконным преподаванием каратэ, шелкала клювом, если не сказать грубее. И в итоге таки прощелкала меченых шельм — истинных предателей Родины, коварно заползших к тому времени на самую вершину власти.

На высоте Игарки над уровнем Мирового океана

Начало сентября на Енисее. В Москве не так давно отгремела рекордами Олимпиада-80. Утерли слезы умиления москвичи и гости столицы, провожавшие Олимпийского Мишку на воздушных шариках в небо.

Советский Союз уже помянул безвременно ушедшего в Страну вечной охоты Владимира Семеновича Высоцкого. Помянули его и мы с Гунаром Карловичем, не чокаясь. Все мы когда-нибудь также «уйдем в закат». Обидно, конечно, что Владимир Семенович не успел сочинить песню о енисейских лоцмейстерах. Впрочем, не факт, что он знал о нашем существовании. Жаль, а я надеялся.

Мы двигаемся в район работ, к Енисейскому заливу, планируя попутно списать с нашего дружного коллектива висящий дамокловым мечом по невнимательности боцмана «Лота» должок перед Таймырскими колхозными оленеводами.

Боцман по причине недостаточной степени трезвости принял колхозное стадо домашних оленей за настоящих диких северных и подстрелил пять единиц колхозной собственности — две важенки и три хора. И задолжали мы представителям коренной северной народности ни много ни мало, а стоимость одного автомобиля «Жигули» Ваз-2101 в размере пяти тысяч шестисот рубликов.

Собственно, задолжал боцман, ну а мы, как настоящие матросы, потянули одеяло на себя и подписались дружно, всем коллективом, расхлебывать заваренную боцманом кашу. А как иначе? На то мы и настоящие матросы!

Капитан с боцманом и шкипером Ницусом два месяца дружно ломали свои многоопытные заполярные головы над поиском наиболее разумного способа погашения долга, с тем чтобы и волки были сыты, и бараны целы. Волки — это колхоз, являющийся собственником забитых и съеденных нами оленей, а роль баранов, желающих остаться целыми и сытыми, исполняем уже мы, енисейские лоцмейстеры.

Как обычно, решение данной дипломатической миссии взял на себя бывший до июня 1941 года латышским буржуем и наследником трех доходных домов в городе Риге, а ныне бывший ссыльный поселенец и по совместительству шкипер самоходной баржи «Северянка-2» Гунар Карлович Ницус.

Я в эти дела даже нос не пытаюсь сунуть не потому, что молодой, неопытный и начинающий. Происходит это просто в силу моей собственной незаурядной сообразительности - пусть старые знающие полярники разгребают это д... самостоятельно. Я же посмотрю на процесс со стороны и поучусь, как разгребать такие вещи наилучшим способом.

По личному составу прошла команда сбросить в общий котел по пятьдесят рублей (вместо положенных двухсот пятидесяти с каждого) и передать их в распоряжение Карловича. Шкипер выдвинул свою кандидатуру для разрешения сложной дипломатической миссии к вящему удовлетворению пострадавших от боцманского охотничьего беспредела таймырских оленеводов.

Оная же дипломатическая миссия должна была снизить до разумного минимума расходы личного состава, непричастного к боцманскому беспределу, но причастного к употреблению в пищу

забитых пяти диких колхозных оленей. Поначалу Гунар предлагал вместо пяти тысяч шестисот рублей обозначить оленеводам «средний Сталинский палец».

На мой заинтересованный немой вопрос Карлович поведал веселую историю периода сурового сталинизма. Не факт, что это был исторический факт, а не выдуманная кремлевскими политологами байка. Хотя кто его знает, этого Иосифа Виссарионовича, мог он вполне такое отчебучить этакое в реальной жизни.

Якобы на Ялтинской встрече глав антигитлеровской коалиции премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и президент США Франклин Делано Рузвельт попросили Иосифа Виссарионовича Сталина уступить им по-дружески во владение Крымский полуостров. Так уж им в Ялте понравилось.

Причем пообещали возместить уступку полуострова аналогичной по площади территорией в западном секторе Германии. Ничего удивительного в такой просьбе нет, конечно. Всем известно, что наглость второе счастье, а охота пуще неволи.

Иосиф Виссарионович пообещал исполнить просьбу коллег по борьбе с Гитлером, но только в том случае, если они отгадают его загадку. Партнеры по антигитлеровской коалиции согласились выслушать предложенный большевистский ребус. Тогда Сталин показал коллегам три пальца на правой руке, а именно большой, указательный и средний, и спросил у мудрых западных политиков, какой из трех пальцев является средним.

Уинстон Черчилль сразу обозначил указательный палец, как средний из трех предъявленных вниманию важных особ. Рузвельт же после легкого раздумья указал на средний палец руки, полагая, что он является средним из пяти пальцев руки. Хитрый Иосиф Виссарионович разочаровал господ, заявив, что они жутко ошиблись. Отец народов сложил три пальца в кукиш и показал, какой именно из пальцев на самом деле является средним в данном ребусе. Так в уступке Крыма коллегам Черчиллю и Рузвельту было отказано. Мудрый человек Иосиф Виссарионович. А я бы поменял, но на всю Германию плюс Финляндию и Норвегию в придачу. Крым потом к нам сам присоединился бы снова путем свободного волеизъявления народа.

Капитан «Лота» Евгений Николаевич, бывший в курсе про «средний палец Сталина» отверг такой сценарий развития событий. А посему команду «сброса» денежных средств в «котёл» мы исполнили еще во время кратковременной стоянки в Игарке. Мнится мне, что лучше Карловича с этой непростой задачей справиться просто не смог бы никто другой. Он тут с июня 1941 года по тундре «горе мыкает», и более опытного доку в заполярных дипломатических перипетиях нам просто не найти днем с огнем.

Упала в «котёл» сумма ровно в одну тысячу двести пятьдесят рублей, вместо требуемых пяти тысяч шестисот рублей. Манипулируя сей незначительной суммой, Гунару Карловичу предстояло каким-то совершенно непостижимым моему разуму способом удовлетворить требовательность ненецких оленеводов на сумму соразмерную стоимости автомобиля.

Судя по всему, Гунар Карлович, в силу своего долголетнего пребывания в статусе врага народа и ссыльного поселенца с поражением в политических правах, уделял немалое внимание изучению трудов Иосифа Виссарионовича. Не удивлюсь, если у Карловича в домашней библиотеке на самом почетном месте обнаружится зачитанное до дыр «Полное собрание сочинений И. В. Сталина» в шестнадцати томах.

К такому выводу я пришел, неоднократно убеждаясь в удивительной компетенции Карловича в вопросах, касающихся этого великого человека. Кстати, Карлович всегда признавал, что Иосиф Виссарионович - великий вождь и человек, оставляя за скобками своё собственное мнение о том, плох или хорош был Сталин. Привычка - вторая натура. Думаю, это жизнь приучила Гунара не высказываться на щекотливые темы. Во времена недавние и хорошо ему памятные такая «щекотка» могла довести до гроба.

Из его же уст я как-то услышал еще одну байку, имеющую отношение к Иосифу Виссарионовичу. В 1937 году за организацию экспедиции, достигшей Северного полюса и основавшей полярную станцию СП-1 на дрейфующем льду к званию Героев Советского Союза были представлены восемь человек, в том числе И. Д. Папанин и О. Ю. Шмидт, и еще тридцать один к орденам.

На банкете в Кремле по поводу этого знаменательного события Иосиф Виссарионович, прежде чем поднять тост за героев-полярников, спросил, что они такое употребляли при посадке на

Северный полюс, чтобы не замерзнуть в столь суровых условиях. Ответ был кратким — спирт, разбавленный водой растопленных арктических льдов до градуса, соответствующего широте места, в котором происходило распитие алкоголя героическими полярниками.

В Нарьян-Маре крепость спирта составляла шестьдесят семь объемных процентов, над Маточкиным Шаром семьдесят три, над Землей Франца-Иосифа восемьдесят, на Северном полюсе девяносто. Товарищ Сталин очень внимательно выслушал данную информацию. На следующем банкете в Кремле в честь присвоения званий Героев Советского Союза Е. К. Фёдорову, П. П. Ширшову, Э. Т. Кренкелю, дрейфовавшим на станции «Северный полюс –1», гости пили спирт, разбавленный по широте Москвы до пятидесяти пяти объемных процентов.

Покупать водку крепостью сорок объемных процентов для парней, живущих на берегу Карского моря, — это все равно что выбросить деньги на ветер. При хорошем морозе её придется на дозы рубить топором.

Памятуя опыт товарища Иосифа Виссарионовича Карлович на имеющиеся средства закупил несколько ящиков питьевого спирта, дешёвое курево вроде махорки, сигарет «Памир» и папирос «Беломорканал». Капитан из сэкономленных запасов с камбуза, за счет употребления мяса добытых оленей, подбросил еще некоторое количество макарон, гречки, пшена и картошки.

Мне было очень интересно следить за происходящим, и я решил уточнить у Карловича вопрос, по какой конкретно широте, следуя опыту товарища Сталина, он намерен разбавлять спирт при возвращении долга оленеводам. Было понятно, что поить оленеводов чистым спиртом девяносто шести объемных процентов Карлович не собирается. Этого для настоящих советских полярников кощунство даже на самой *нижке* Советской Арктики — на Северном полюсе. Гунар явно опасался, что плохо усваивающие алкоголь организмы представителей малых народностей Севера могут необратимо пострадать при употреблении столь крепкого напитка. Если разводить спирт даже по широте мыса Сопочная Карга — это без малого семьдесят два градуса северной широты. Широта Игарки, составляющая 67° 27' 55" с.ш, шкипера тоже не устроила, не говоря уже об игарской долготе в 86° 36' 09" в.д.

И тогда я абсолютно серьёзно пошутил, предложив Карловичу уйти от сталинских стереотипов и разбавить спирт по высоте города Игарка над уровнем Мирового океана. На мой взгляд, такой метод приготовления алкогольного напитка наиболее предпочтителен ввиду того, что высота Игарки над уровнем Мирового океана составляет всего тридцать метров.

Это позволило бы создать алкогольный напиток средней крепости в тридцать объемных процентов. Кроме того, количество возмещаемого напитка чисто зрительно занимало бы втрое больший объем в стеклянной таре. По крайней мере, с таким объемом было бы не стыдно ехать для возмещения ущерба к упомянутым оленеводам. Главное, чтобы первый тост был исполнен с напитком правильной крепости, а там как кривая вывезет.

Сначала заполярный ветеран попытался меня по-свойски ласково обматерить, но потом вник в суть вопроса и задумался. Переспросил цифру и через какое-то время, видимо, пришел к выводу, что цифра тридцать ему вроде как пришлась очень даже по душе.

Очень соблазнительно было из одной бутылки питьевого спирта крепостью девяносто шесть объемных процентов сконструировать три бутылки элитного напитка с тридцатипроцентным содержанием алкоголя.

Пьют же ребята за «железным занавесом» напитки средней крепости, такие как амаретто, кампари, писко, текила, мискаль, лимончелла, ром и прочие алкогольные вкусности. Пьют! Да еще и нахваляются. И при этом абсолютно не страдают душой оттого, что возвращаться домой приходится на своих двоих, а не на четвереньках, растопырившись в позе раздавленного верблюдом скорпиона. Мы хоть и енисейские парни, но не совсем уж дремучие — книжки почитываем для широты кругозора.

Меня по-свойски Гунар в конечном итоге всё-таки обматерил за соблазнительный совет, присовокупив вывод, что у него, как у старого полярника, ни при каких условиях рука не поднимется разбавлять спирт до тридцати объемных процентов. Как говорится, палка о двух концах: пить чистый спирт в девяносто пять процентов — это кощунство, но и разбавлять ниже шестидесяти шести градусов широты Полярного круга - просто выпирающее за рамки приличия, арктическое хамство.

В конечном счете широкая душа старого енисейского полярника победила в борьбе с бережливой натурой бывшего латышского буржуя. Вопреки моему здравому смыслу было принято решение спирт не разводить, а отдать в первозданном виде. В каких пропорциях туземцы намерены разбавлять спирт перед употреблением — это уже личное, глубоко интимное дело енисейских колхозных оленеводов.

Если даже они намерены пить спирт абсолютно чистым, не нам их осуждать. В конце концов, как бы они ни поступили, нам за них стыдно не будет, потому как они не настоящие полярники, а вполне себе коренные аборигены. Каждый человек творец своего жизненного пути, от самого рождения вплоть до смертного одра.

Это нам, бледнолицым, напрягаться приходится, преодолевая трудности заполярной жизни, а они тут у себя дома, и жизнь их практически не напрягает в силу вековой традиции проживания в данных условиях. Хотя, если быть честным, каждый из них только за то, что проживает за полярным кругом на постоянной основе, вполне заслуживает звания «Почетный полярник».

Всякий образованный, трезвый советский человек в курсе, что алкоголь из человеческого организма выводится ровно двадцать один день. Эту научную истину моя замечательная химичка Ариадна Сергеевна Щербакова вбила мне в голову еще в девятом классе. Если помыслить логично и каждый двадцать первый день наливать себе рюмку водки, то можно достичь вечного кайфа, ни на секунду при этом не оставаясь трезвым.

Думаю, что такой график потребления спиртного был бы наилучшим методом достижения счастья малыми народами Крайнего Севера, нежели употребление алкоголя без меры до состояния общения с духами Верхнего мира.

Кровь из носа

Во время стоянки в Игарке у меня были свои задачи, отчего я за действиями Гунара Карловича по подготовке к возмещению ущерба не наблюдал. Мне предстояло вместе с дедом Юдиным позаботиться о погрузке на «Лот» различного лоцмейстерского барахла, как-то: аккумуляторов, ацетиленовых баллонов, запасных фонарей и прочего, прочего, прочего.

Помимо всего перечисленного, мне предстояло подписать у непосредственного начальства отгулы парням из лоцмейстерской партии и себе, а также оплату десяти гидрографических процентов членам экипажа «Лота». А судя по предыдущему опыту, это дело весьма и весьма непростое.

В конце прошлой навигации я чуть не вдрызг разругался со своим непосредственным начальником Сергеем Григорьевичем, возымевшим намерение отжать у меня и моих парней изрядное количество отгулов. Имел место такой возмутительный казус, в результате которого я в сердцах чуть было не отбыл на остров Сахалин.

Пришел я подписывать отгулы своим лоцмейстерам за период восстановительных работ по средствам навигационного обеспечения, уничтоженным во время ледохода. Помнится, меня на восстановление послали уже без куратора, просто под присмотром техника деда Юдина, объяснив, что он научит меня всему, чего я не знаю. Дед Юдин меня действительно научил. За работу мы взялись крепко, но начальство постоянно прищипывало понуканиями, что надо быстрее, сильнее, лучше. Бери больше, бросай дальше, отдыхай, пока летит! Ну, я, естественно, пообщался с парнями, объяснив им, что надо успеть к приходу судов в Енисейский залив, дабы они могли войти в устье Енисея уже при наличии всех предусмотренных средств навигационного обеспечения. Все свелось к тому, что работать предстоит быстро, качественно и так много, сколько нужно. А нужно было очень, однако, много.

Парни согласились работать и быстро, и качественно, и много, но при условии, что я всю переработку скрупулезно подсчитаю и загружу на свои плечи труд подписать всю, до последней минуты, у начальства. С меня было взято обещание, что они по любому, хоть кровь из моего носа, но получат-таки свои законные отгулы к ежегодному отпуску.

Я, честно глядя в глаза своим парням, пообещал как на духу исполнить всё, о чем договорились. Честно и по справедливости. Тогда я как-то не обратил внимания на то, с каким сомнением покачивал головой дед Юдин, слушая мои щедро раздаваемые обещания. Этот заполярный дедок знал, видимо, чем заканчивались аналогичные обещания в прошлом и как будут развиваться события в недалеком будущем. Ему это точно было уже не впервой.

За девяносто дней навигации с 15 июня по 15 сентября я насчитал парням и себе по четыреста часов переработки, что составило в среднем на каждый день по четыре часа двадцать шесть минут и вытянуло на пятьдесят отгулов к отпуску каждому.

На самом деле парни, конечно, не работали ежедневно сверх нормы по четыре часа и двадцать шесть минут. На переходах в район работ я им вовсе писал по восемь положенных часов. Однако, когда мы приходили к месту работ уже на берегу, они пахали у меня как ломовые лошади, по шестнадцать, а то и по восемнадцать часов в день.

Ну, и я вместе с ними впереди на белом коне, как учил Севастьянов Леонид Федорович. Пока несу и долблю я, несут и долбят все и всё. Стоит мне упасть и закурить, как валятся и курят все без исключения, даже некурящие.

Енисейская тундра гудела, а вечная мерзлота плавилась в холодную грязную жижу под нашим молодецким напором. Парни мои просто соколы! Загляденье! Ни до, ни после этого не видел, чтобы люди работали с таким подъемом.

Я уж слегка от гордости раздуться начал, дескать, какой же я молодец, подвинул парней на трудовые подвиги. Не лоцмейстерская партия, а просто взвод Павлов Корчагиных! Глядя на них, и я своими ватными от усталости конечностями старался шевелить бойчее.

А ночью конечности мои гудели не хуже трансформаторов высоковольтной ЛЭП. А как иначе? Что посеешь, то и пожнешь. Зато мы и двигались по Енисею галопом, *аллюр три креста*, отсыпаясь на переходах от знака к знаку. Я только успевал давать на базу радиogramмы с перечнем восстановленных знаков. Думаю, начальник мне почетную грамотку в конце навигации от щедрот своих присовокупил как раз за темп восстановления снесенных ледоходом знаков, а не за вырубку буев из льда. Но с грамотой это было позже.

В районе пятнадцатого сентября «Лот» добежал до Игарки, дед Юдин с парнями и боцманом занялся погрузкой оборудования. Утром следующего дня нам предстояло опять двинуть в сторону Дудинки. Я же имел намерение исполнить данное подчиненным в начале навигации моё железное слово и досуха выжать из руководства все честно сверх меры переработанные трудоводни.

Тружусь я на радость начальству, и день ото дня у меня опыт прирастает и прирастает. С капитаном «С-215» нашла у нас коса на камень по поводу экстренного похода до Дудинки в магазин за «успокоительными каплями». Карлович со мной побеседовал и понял, что намерен я рогом упереться, а своё право на свободу принятия самостоятельных решений отстоять независимо от капризов заслуженных полярников.

О чем он там беседовал с бывшим боцманом торпедного катера, я не знаю, но вопрос больше не поднимался. Судя по всему, заслуженный и уважаемый человек принял решение в бутылку не лезть во избежание конфликтной ситуации. Ну а я, воробей взъерошенный, соответственно, оперился сверх меры, хвост распушил и чирикаю уже по-другому — довольно громко, почти командным голосом.

Вот и к шефу я пошёл подписывать отгулы в первый раз такой весь из себя чрезмерно уверенный в собственной значимости. Взял гроссбух с фиксацией тяжких трудов моих героических парней во славу Родины и на благо Морского флота в личное, свободное от работы время и двинул от причала в здание администрации гидрографической базы.

К расчетам присовокупил докладную записку. В записке мои пожелания по часам переработки, обильно политым трудовым потом парней и жидкой грязью расплавленной нашими пятками вечной мерзлоты.

Сергей Григорьевич сначала внимательно прочитал мою докладную записку с обоснованием пятидесяти отгулов на каждого работника партии, затем долго ковырялся в моих конспектах, перемежая перелистывание страниц клацаньем кнопок калькулятора. Потом захлопнул мой гроссбух и, хмыкнув иронически, подвел итог: «Наплевать и забыть! Парням по пятнадцать отгулов, тебе тридцать, экипажу по десять гидрографических процентов к зарплате. Докладную записку перепиши с указанием объявленных цифр, я потом подпишу. Свободен, дружище!».

Вот тут-то я и вспомнил сомнительное покачивание головы деда Юдина под мои уверения личного состава о моем железном слове. Сказать, что я охренел после произнесенной начальником фразы, — это не сказать ничего. У меня в лексиконе просто не было слов, в достаточной степени способных передать взорвавшиеся под ребрами моей грудной клетки чувства.

Причем это касается не только литературных выражений. Мне как-то сразу показалось, что в моем лексиконе отсутствуют даже матерные слова достаточной силы. Сердце мое забухало ровно так же, как во время моей безуспешной попытки утонуть с аквалангом подо льдом Лемболовского озера.

Сидел я молча перед шефом минут пять, приводя нервы в порядок. Сергей Григорьевич все эти пять минут молча смотрел, как меня изнутри раздувает бешенство. Что-то он, видимо, почувствовал или увидел на моем лице. Молчал и ждал — чего же там из меня такое выплеснется наружу.

Честно признаться, не умею я скрывать свои мысли в черепной коробке, они у меня всякий раз выползают наружу, через глаза, прямо на мою физиономию. Оттого начальники меня и не любят, что у меня на лице нарисованы все самые сокровенные мысли о любимом руководстве.

Пауза длительностью пять минут позволила мне хоть как-то взять себя в руки и принять, наверное, не самое мудрое, но, на мой взгляд, единственно правильное решение. Стоила мне это пауза многих тысяч героически погибших нервных клеток, закрывших, словно амбразуру, трещину в моей готовой лопнуть от напряжения нервной системе.

Представил я, какие ухмыляющиеся мины скорчат «мордашками» мои парни, когда я им вместо пятидесяти отгулов, железно обещанных ценою крови из моего носа, принесу жалкие, компромиссные пятнадцать. Я приподнялся со стула и очень аккуратно указательным пальчиком пододвинул шефу мои бумажки назад: «Сергей Григорьевич у меня есть два варианта: либо вы подписываете моим парням все заработанные сверх нормы часы, либо можете уволить меня по статье к такой матери. Пока вы будете думать над этой проблемой, я пошел домой отсыпаться. Обещал я парням, что все часы, которые они переработали, будут им отданы сполна.

В противном случае я с ними работать не буду, потому как стыдно мне будет смотреть им в глаза. Я хоть и начинающий полярник, но не из тех, кому хоть с... в глаза — всё Божья роса. А посему, пока не получу вашу подпись на отгулы для парней, я пальцем о палец не ударю и на «Лот» ни шага, ни полшага не сделаю».

Про свои отгулы я ничего говорить не стал, потому как мне хотя бы чужие у начальства отбить во избежание позора и славы Главного енисейского трепача и сказочника. Говорю вроде спокойно, а душонка моя под ребрами у сердца дребезжит мелко, бунтуя, словно готовая порваться контрабасная струна. Повернулся я спиной к шефу и пошел не спеша из кабинета, потом на улицу, через территорию базы и далее на остановку автобуса. Это домой, в начале рабочего дня.

Начальник так и не произнес мне вслед ни единого слова. Ну, это, пожалуй, и к лучшему, а то я в ответ еще понес бы какую-нибудь окоlesiцу. Иду, а сам спиной чувствую, как Григорич мне в затылке взглядом дырку прожигает — окна его кабинета как раз на мою марширующую к автобусу персону выходят. В сторону «Лота» даже лица не повернул посмотреть, что там творится... из принципа. Я и «Лот» уже вычеркнул, до поры. А может, и навсегда. У меня таких «лотов» еще будет с лихвой, выше крыши.

Я-то знаю, что не могут начальники меня уволить до истечения трехлетнего срока, пока я молодой специалист, разве что по моей инициативе, в силу моего собственного горячего желания. Это по закону. А по «правде русской жизни», любого можно в землю вбить по самые уши, особенно при наличии административного ресурса. Ходи потом по народным судам и доказывай, что не ты в этой стае бесстрашных полярных волков числишься на должности *бухарского ишака*.

А если и уволят, так и по хр... Двину до Красноярска, оттуда в Южно-Сахалинск. *Широка страна моя родная!* Шевчук Саня звал на работу в «Южморгео». Есть такая замечательная контора на острове Сахалин. Да и сам остров замечательный. Не пропаду. Дурни, вроде меня, всюду требуются. Кореша своего сахалинского, Гариба Захаровича Амбарцумяна заодно повидею. Он точно ещё бороздит просторы мирового океана на «Искателе».

Дома не было никого. Сосед Вовка Петрович Астафьев в рейсе с «С-215», тундру гусеницами вездехода топчет, жена его с дочерью, скорее всего, к Вовкиной тётке в гости отбыли. Выкурил я на скамеечке пару папирос «Беломора» в тишине благостной, зашел в подъезд, вынул ключик из-под половика и, открыв дверь, зашагал через прихожую в коммунальную кухню.

Хлопнул дверцей холодильника, вскрыл банку килечки в томатном соусе, сальца из холодильника мелко настрогал Вовкиным кухонным *финариком* и расслабился. Полярник я еще не старый. А с завтрашнего дня, может, и вовсе из списка полярников буду вычеркнут. Имею полное

право разводить спирт не по широте места распития, а по собственному вкусу. Вкус же мой собственный вполне совпадает с широтой Севастополя 44° 35' 19" с.ш. Обычно я округляю эту цифирь до круглых 45°.

Под аккомпанемент двухсот граммов спирта, разведенного по широте города-героя Севастополя, отпраздновал предстоящее мне увольнение с позором. И так у меня на душе спокойно вдруг стало и замечательно — просто не передать. Я, собственно, только после этих двухсот граммов по севастопольской широте и понимать себя правильно начал. Не увольнения я вовсе боюсь. По мне — чем хуже, тем жизнь интереснее булькает.

Сердечко-то у меня дребезжало лишь из боязни, что духу мне не хватит перед начальством рогом упереться крепко и непоколебимо да перед парнями не обгадиться. Отчего-то мнение парней на сей момент мне дороже мнения начальства оказалось.

Но вот уперся же. И стало всё легко и просто. Пароход мой под парами стоит, утром «Лоту» в рейс. А мне вся эта канитель, оказывается, абсолютно *по барабану. По бубну!* Оказывается, мне вовсе в другую сторону. И предстоит мне дальняя дорога. И ждут меня Сахалин и Японское море! А Японское море для меня всяко роднее и предпочтительнее Енисея!

Проснулся утром в восемь, сделал зарядку, исполнил водные процедуры, позавтракал и начал помаленьку укладывать свое небогатое имущество в рюкзак и спортивную сумку. Представил, как мой «Лот» уже бороздит енисейскую водицу, рассекая волну без меня, где-то уже далеко-далеко за мысом Кармакулы.

В одиннадцать часов в мою дверь забарабанил кулачищем какой-то русский богатырь. Оказалось, это *водила* гидробазовский на узике-«буханке» приехал. Гроссбух от Григорича привез и мою докладную записку. Сергей Григорьевич подписал всё, что я заложил в докладную записку — проценты экипажу, по пятьдесят отгулов парням и мне, соответственно. А я уж вещички собрал да деньжата посчитал, хватит ли метнуться аэрофлотом через Хабаровск до Южно-Сахалинска.

Водитель «буханки» поторапливает, чтобы я шустрее собирался — «Лот» уже заждался меня у причала. Только чудом мне удалось не выпрыгнуть из штанов от счастья. Сдержался, даже в глазах дюже заципало. Мелькнуло, правда, легкое сожаление, что не увижу в ближайшее время Сахалин и Японское море. Правильно я все посчитал. Молодец, что рогом в землю уперся. А и вариантов других у меня не было. А собраться мне — только подпоясаться.

Хлопнул я полтинничек разведенного, ледяного, крепостью сорок пять объемных процентов, из холодильника для снижения частоты пульса, сопроводил его килечкой, хрюкнул от удовольствия да и прыгнул в узик. Парни на «Лоте» меня уже заждались. Больше мы с Сергеем Григорьевичем к данному инциденту никогда не возвращались. Ни слова, ни полслова — вроде как и не было ничего подобного.

Это происходило год назад. И сегодня Сергей Григорьевич долго и нудно листал гроссбух, заполненный моим аккуратным, почти писарским подчерком, чего-то мозговал над калькулятором, занудно перепроверя мои расчёты и в конечном итоге таки молча подписал отгулы и мне, и моим парням. Я же поспешил удалиться быстро и подальше от начальства во избежание дополнительных уточнений и внесения в принятое решение изменений в худшую сторону. Подальше от начальства и поближе к коку — это наше всё!

Большой морской буй

«Лот» бойко бежит Турушинским перекатом в стороне от фарватера, чтобы «не путаться между ног» у настоящих морских гигантов с осадкой под десяток метров. Мы себе можем позволить сваливать при нужде в сторону от фарватера, на мелководе, за компанию с енисейскими лягушками — осадка у нашего логгера всего два метра. Хотя какие тут, к чёрту, лягушки? По фарватеру, буравя дно дреждпайпами трехметрового диаметра гонит волну большой и красивый землесос «Херсонес».

При расхождении бортами «Херсонес» приветствует нас ревуном: один продолжительный, один короткий и один продолжительный звуки. Этот сигнал означает просьбу выйти на связь. Капитаны имеют по радиосвязи душевную беседу, чаще всего на хозяйственно-продуктовые темы. Ввиду невозможности добежать от углубляемого фарватера до ближайшего магазина, капитан «Херсонеса», вероятно, обращается к нашему Евгению Николаевичу с какими-то личными просьбами.

В эту навигацию «Херсонес» «обсасывает» фарватер Турушинского переката, расположенного в ста тридцати пяти морских милях по Енисею севернее порта Дудинки. На самом деле это называется «осуществлять дноуглубление», но слово «обсасывает» как нельзя лучше отражает фактическую деятельность землесоса. Как там ни изощрайся, подыскивая приличные слова для этого действия, но «Херсонес» таки «обсасывает» фарватер в самом прямом смысле этого слова. Прямо-таки взасос, словно жених невесту в первую брачную ночь!

В прошлую навигацию Турушинский и Липатниковский перекаты углубляли два землесоса — «Херсонес» и «Азовское море». Оба землесоса приписаны к порту Одесса. Эти однотипные суда собраны на верфях голландской фирмы “*Industriële Handels Combinatie Holland NV*”, с той лишь разницей, что «Азовское море» собирали в самом Амстердаме, а «Херсонес» в голландской деревеньке Киндердейк.

Голландцы вообще эксперты высшего уровня в области кораблестроения и дноуглубительных работ. Если по чести, я даже затрудняюсь сказать, в чем голландцы не эксперты. Они в своей Голландии приступили к осушению земель и копанию в болотной жиже еще в шестнадцатом веке. Без малого пятьсот лет черпания ила в болотистых, топких низинах приливно-отливной зоны привело в девятнадцатом веке к возникновению первых паровых ковшовых и самоотвозных дноуглубительных земснарядов.

Упорство голландцев в деле отвоевывания у моря территорий позволило к настоящему времени накопить богатейший опыт в области высокотехнологичного грязеудаления как в морских, так и в пресных водоемах.

Эти парни просто красавцы, когда вопрос касается дноуглубления какой-либо грязной лужи либо устройства на месте лужи полноценной суши. Им в этом деле просто нет равных на всей планете Земля. Помнится, еще Петр Алексеевич Романов, в будущем император Петр I, не погнушался поучиться с топором в руках науке кораблестроения у расторопных голландцев.

Ходят легенды, что как раз именно тогда расторопные голландцы и подменили настоящего Петра Алексеевича каким-то своим голландским охломоном. Тем самым, который был дюже охоч до заграничных париков и камзолов, солдатских походных шлюх и ядерного *женевера*, именуемого «голландской храбростью».

Видать, неспроста автор романа «Война и мир» Лев Николаевич Толстой клеймил Петра Алексеевича во всеуслышание *беснующимся пьяным зверем, сифилитиком, мужеложцем и сыноубийцей*. Да еще величал родоначальником ужасов и безобразий, свершаемых на протяжении трехсот лет династией Романовых. Как там на самом деле было? Да кто ж его знает?! Ну да Бог с ним, с Петром Алексеевичем.

Обзывать *женевер* «голландской храбростью» принято вследствие древнего обычая накачиваться крепким алкогольным напитком перед боем. Обычай этот уходит корнями во времена битв Восьмидесятилетней войны 1566–1648 годов.

Голландские парни в незапамятные времена первыми в мире поставили на поток самогонование и, хлебнув «голландской храбрости» для пущей воинственности, влезли в череду без малого сотни войн, конфликтов, революций, стычек и просто драчек международного значения с конца шестнадцатого века по настоящее время.

Они даже в новейшие времена успели поучаствовать в боевых действиях против Советского Союза в период Корейской войны 1950–1953 годах и операции «Трикора» в Индонезии в 1961–1962 годах.

В Корею маленькую голландскую птичку допустили сражаться на одной стороне со стаей крупнейших стервятников планеты Земля. А в споре за обладание Западной частью острова Новая Гвинея голландцы вовсе в одиночку отбивались от Индонезии, поддержанной СССР.

В этом конфликте драчливым голландцам накрутили хвосты советские военнослужащие, которыми были укомплектованы экипажи индонезийских подводных лодок и бомбардировщиков морской авиации Ту-16. Маленькая, но гордая и хищная голландская птичка получила изрядную трёпку.

Голландцы вообще, на мой взгляд, самая драчливая нация в мире, несмотря на то что прикидываются белыми и пушистыми. Список территорий, от Нью-Амстердама (ныне Нью-Йорк) и до Суринама, находившихся в колониальной зависимости от Нидерландов, ничуть не меньше

списка войн, в которых эти драчливые любители можжевелевого самогона принимали активное участие.

Как я понимаю, это не мы в Европу, а они к нам в Азию окно прорубили, не спросив разрешения. А потом в это окошко слили на нашу сторону всю свою пенную *гоноту*. И *гонота* сия, ненужная Голландии, славно послужила России. К примеру, Его царского величества Российского государя комиссар Андрей Виниус, директор Картографического института и генерал-квартирмейстер Сухетлен Петр Корнилович, генерал-губернатор Павел Петрович Сухтелен и многие другие. В общем, голландцы ребята весьма достойные во всех смыслах, а уж каналы копают и суда строят просто на зависть всему миру.

Так вот, возвращаясь к нашим баранам, дноуглубительные работы на перекатах Турушинский и Липатниковский производятся для создания необходимых судоходных глубин. В частности, на Турушинском необходимо исполнить глубину фарватера до десяти с половиной метров, дабы свободно прогонять по нему рудовозы с никелевой рудой Норильского горно-обогатительного комбината, не теряя в объемах перевозок из-за недостаточных глубин.

И «Азовское море» и «Херсонес» называются по голландской классификации “*trailing suction hopper dredger*” — землесосным самоотводным земснарядом с волочащимся грунтоприёмником. На землесосе имеется труба (дреджпайп) диаметром порядка двух, а то и трех метров. Сам я эту трубу ни разу не имел счастья лицезреть над поверхностью воды и выдаю информацию с услышанных ранее чужих слов.

В нашем случае на «голландцах» имеется по одному дреджпайпу, хотя говорят, что бывают суда и с двумя трубами. На конце трубы закреплен приемник грунта, так называемый *драг хэд*, который в рабочем положении волочится по дну.

Труба, удерживаемая посредством *гантри*, схожих со шлюпочными кран-балками, на тросах спускается за борт судна. Здесь она подсоединяется к системе труб внутри корпуса землесоса, ведущих в трюм, именуемый хоппером.

Хоппер, в который засасывается грунт со дна, занимает львиную долю водоизмещения судна, являясь, по сути, аквариумом, огражденным бортами землесоса. В нем и обитают вместе с грязью практически все лягушки Турушинского переката, засосанные внутрь силой голландской конструкторской мысли.

Всасывание ила со дна происходит благодаря создаваемому в трубе разрежению посредством мощной помпы. Помпа находится либо внутри судна, либо на самой трубе. Добытый грунт после заполнения хоппера вываливается через днищевые гидравлические двери трюма на удалении от фарватера. Возможен также вариант, когда через специальную плавучую трубу, прикрепленную к носу судна, грунт под давлением выплёвывается на берег.

Как правило, вместе с грунтом в трубу всасывается все, что находится в пределах досягаемости трубы и не способно сопротивляться создаваемому насосом разрежению в месте смыкания дна с приемником грунта. В трубу достаточно легко засасывается попавшая в зону действия приемника грунта рыба, в том числе и достаточно солидные по размеру особи сомов и осетров. Одной из обязанностей членов экипажа, работающих по контролю хоппера, — это обнаружение и изъятие попавшей в трюм рыбы и отправка ее на судовой камбуз в объятия кока.

Я вам описываю всё так подробно для того, чтобы вы прониклись пониманием, насколько землесос с дреджпайпом, опущенным в рабочее состояние и подвешенным на гантри, довольно неказистая, неуклюжая и в достаточной степени трудноуправляемая конструкция. Проникшись таким пониманием, удастся лучше понять, насколько трудна жизнь людей, призванных управлять подобными морскими конструкциями.

В прошлую навигацию мои непосредственные начальники получили сверху команду снабдить землесосы приемниками гиперболической радионавигационной системы. Система позволяет довольно точно установить место положения судна, что дает возможность вахтенным штурманам «обсасывать» фарватер судовыми дрейджпайпами не наобум, а систематизированно, рядок за рядком. Вот уж воистину, если кого и можно назвать пахарями водной стихии, так это моряков с землесосов.

Меня руководство на трое суток пересадило с «Лота» на «Херсонес» и поставило задачу контролировать работу штурмана с приемником гиперболической навигационной системы.

Вахтенные штурманы парни образованные, довольно быстро приноровились пользоваться навигационной системой и вполне справлялись без моего контроля.

Я находился на мостике в роли ненужной мебели рядом с вахтенным штурманом. Помимо меня на мостике тусовались от трех до пяти членов комсостава экипажа землесоса, изнывающих от безделья в свободное от вахт время и стекающихся сюда ради хоть какой-то имитации «клубного» общения.

Никогда не думал, что это настолько нудное и тяжелое занятие. Торчать на ходовом мостике судна, сосущего грязь со дна фарватера несколько миль в одну сторону, потом разворот, и несколько миль в другую сторону. И так круглые сутки, изо дня в день, из месяца в месяц. Ровно до тех пор, пока глубина фарватера с девяти метров не превратится в десять с половиной. И не факт, что результата удастся достичь еще в эту навигацию. Так, собственно, и вышло.

Моряки с землесосов, скажу я вам, — это железные парни. Стоять четыре часа на мостике, смотреть на приемник навигационной системы, озирать окружающую обстановку — вовсе не подарок судьбы. А надо еще осуществлять расхождение с судами, следующими фарватером в обоих направлениях, умудряясь при этом не таранить большие морские буи, указывающие границы фарватера. Да при развороте на обратный курс не забыть отдать команду на смену знаков и огней, указывающих сторону нахождения опасности и сторону разрешенного обхода идущим по фарватеру судам.

Ил со дна необходимо снимать ровным слоем, без колдобин и кочек, по всей ширине фарватера. Это большое искусство. Меня от бдения за действиями вахтенного помощника капитана начинало бросать в объятия Морфея уже через час после проникновения на капитанский мостик.

Вахтенные штурманы снисходительно позволяли мне пребывать на капитанском мостике практически в состоянии анабиоза либо в процессе тяжелой борьбы с дремотой в вертикальном состоянии. Я выдержал ровно два дня, а потом у меня лопнуло терпение. Ну, не мое это. Избави меня Бог когда-либо взяться исполнять обязанности штурмана или лоцмана. Предпочитаю движение и еще раз движение, пусть даже в противоборстве с вечной мерзлотой.

Поняв, что контролировать такую занудную деятельность этих железных парней мне нет никакой необходимости, я забил на процедуру большой ржавый болт и на третьи сутки отсыпался в выделенной мне каюте. Когда к Борту «Херсонеса» подошел «Лот», дабы забрать меня на борт такого родного лоцмейстерского логгера, я был на седьмом небе от счастья.

Бедные одесситы с голландских землесосов, как же я им сочувствую. Парням предстоит до конца навигации «обсасывать» ил с фарватера на Турушинском перекате. Бедолаги!

Признаться честно, они меня изрядно разочаровали. Не такие уж одесситы шустрые и на язык острые, какими их в кинофильмах изображают. Против наших бледнолицых полярников, пожалуй, слабоваты — мягкотелые южане. Енисейские парни бойчей, да напористей.

Пересеклись мы с «Херсонесом» вновь спустя месяц. В процессе следования через Турушинский перекат, чуть в стороне от фарватера, путем глубокомысленных умозаключений, основанных на вновь приобретенных массивах специфических профессиональных знаний, мною был сделан вывод о том, что один из больших светящих морских буюв ограждения фарватера отсутствует на своем штатном месте.

Основываясь на том факте, что на данном фарватере уже полтора месяца из стороны в сторону челноком волочит свой дрейджпайп «Херсонес», я сделал предположение, что именно землесос протаранил и потопил буй, в силу своей неуклюжести. Теория вероятности в действии! И никуда от нее не денешься.

Вероятность, как известно, величина безразмерная и может принимать значение от нуля до единицы. За период летней навигации осуществляется примерно триста лоцманских проводок, то есть в среднем за сутки через перекаат проходит три судна. Землесос за сутки успевает пройти по фарватеру раз семь. Вероятность повреждения буя именно «Херсонесом» составляет величину ноль целых семь десятых — то есть, выражаясь не научно, составляет семьдесят процентов.

Нет, конечно, при обнаружении отсутствия буя на штатном месте, ни о каких расчетах речи не было. Была просто банальная интуиция и наглый наезд на вахтенного штурмана по радиосвязи. В результате четвертый помощник капитана чистосердечно признался в допущенном лично им косяке — непреднамеренном таране и затоплении большого светящего морского буя из ограждения фарватера. Раскололся от макушки и до самого седла. Как там, в «одесском цикле» то ли у

Розенбаума, то ли у Утесова? «Гоп-стоп! Мы подошли из-за угла!». Тик -в-тик про нашу нынешнюю ситуацию с большим морским бумом.

В итоге «Лот» встал на якорь в стороне от фарватера, а я прыгнул в разъездной катер с боцманом и двинул к «Херсонесу». Вскарабкавшись по штормтрапу на борт землесоса, поднялся на капитанский мост и составил акт о потоплении штатного навигационного средства. Записи в вахтенном журнале о таране судном бую, конечно же, не было. Сам факт произошел в предыдущую вахту самого молодого и неопытного штурмана, в чем тот и признался. Капитан землесоса, скрипя зубами, расписался в моем акте.

Мнится мне, что, даже если буй протаранил кто-либо другой из штурманов, вплоть до капитана, признаваться в косяке по любому предстояло самому младшему и неопытному. Все дело в том, что с молодого и спроса никакого быть не может, за исключением возмещения ущерба.

Вернулся я с составленными бумагами к себе на «Лот», а там старички заполярные мои, капитан «Лота» с дедом Юдиным и шкипером Карловичем, встречают меня с невероятно постными лицами по какой-то неведомой мне причине. Что за взгляды, что за физиономии! Жуть!

Смотрят на меня, будто пауки на муху, словно у них в организме вместо крови металл расплавленный — как на своего кровника. Абреки! Как есть абреки. Вроде я их единоутробных братьевников большим арабским булатным ножичком- *ханджаром* настрогал по жизненно важным интимным органам, и они задумали мне за это страшно отомстить.

На мой вопросительный взгляд Карлович мотнул головой в сторону бака, где каюта наша командирская располагается. Дескать, давай спустимся — побеседовать в спокойной обстановке надо. Ну, надо так надо. Спустились мы в свою каюту, и Карлович устроил мне головомойку страшным шёпотом, изобразив при этом на лице гримасу сурового и справедливого гнева.

Дескать, чего я такое вытворяю? Кто-то протаранил и утопил наш большой морской буй? Кто-то неведомый! Мы не видели кто! Или видели? Нет, не видели! А то, что молодой штурман с землесоса по глупости своей признался, вовсе не означает, что мы его теперь за мужские причиндалы на фока-бом-брам-рее подвесить должны, как в старые добрые времена. Он, Карлович, уже и не помнит, когда последний раз потопленный буй на кого-либо навешивали, хотя были факты затопления и ранее.

И вообще, это не в традиции енисейских лоцмейстеров совершать такие негуманные подлости. Теперь зеленому штурману по мною оформленному акту половину жизни стоимость буй этого предстоит возмещать государству. А стоимость немалая, сопоставимая со стоимостью легкового автомобиля. У нас на дворе гидробазы этих буюв несчитанных валяется вагон и маленькая тележка. И будет там валяться на один буй больше или на один меньше — кого это колышет?

И что же мы? За железяку эту ржавую человеку жизнь портить будем и детей его лишим папиных заработков? Вместо того, чтобы детям игрушки и конфеты покупать, рыжий обаятельный одессит государству денежки отдавать будет? И абсолютно не важно, есть у него дети или только планируются. Надо же не только лоцмейстером быть, а еще и человеком немножко. Человеком!

Мало ли что наше начальство нам, своим подчиненным, в уши свистит. Надо и собственный мозг к делу прикладывать. Не война ведь, чтобы людей так под монастырь подводить! У государства и так денежек немерено, словно у дурака конфетных фантиков. Все равно оно, государство, и штурманские денежки на никому не нужную хрень, вроде Олимпиады-80, бездарно профукает.

Вот примерно такую лекцию злобно прошипел мне на ухо вредный латышский шкипер. А я чего? Я исполнял священный долг енисейского лоцмейстера! А с другой стороны, разве я против разумного решения вопроса? Не мне же, молодому, поперек старших товарищей по борьбе инициатором вылезать.

Думаю, кто без греха, пусть в того штурмана и плюнет. Да и в меня уже заодно. У меня своих косяков полная торба. Спрашиваю Гунара, а скажи мне, старичок заполярный, и чего теперь делать-то, ведь и наши парни, и члены экипажа «Лота» уже в курсе произошедших событий.

А он мне в ответ — не надо ни хрена делать, бумажку эту на подтирку пустить - и все дела. Люди у нас не идиоты, знают, где свистеть, а где заткнуться надобно. У настоящих матросов нет вопросов, и не будет — на то они и настоящие матросы.

Вот такое коллегиальное решение мы в купе с ветеранами и приняли. Я свой голос «за» подъемом правой руки объявил, а Гунар двумя руками отмашку дал — за себя и за капитана «Лота», тёзку моего, Камошина. Убедил меня старый латышский буржуин так, что я едва не прослезился по

поводу тяжелой судьбины четвертого помощника капитана одесского землесоса «Херсонес». Что уж говорить о тяжком и беспросветном будущем его, лишенных радостей детства, потомков, которым еще только предстояло появиться на свет в обозримом будущем.

Спустил я этот акт в качестве подтирки в судовую фановую систему, предварительно тщательно помяв. Карлович удалился на мостик к капитану, и о чем они там шуршали в моё отсутствие я не знаю. Кости мне точно перемыли изрядно. Однако на обеде в кают-компании тёзка мой был уже не так суров и неприступен выражением своего лица. Видимо, отлегло у Евгения Николаевича от сердца.

Штурманец, он хоть и с чужого парохода, а все же свой в доску брат. Все штурмана, они одной крови, как Маугли с Багирой. И абсолютно не важно, чем эти штурмана «рулят», портовым ли буксиром, рыболовецким сейнером, ледоколом или атомной подводной лодкой. Ну и мы, лоцмейстеры да гидрографы, им тоже родня довольно близкая — первейшая вода на киселе.

По лицам Карловича и капитана без затей можно было понять, что успели уведомить уже штурмана молодого и капитана «Херсонеса», дабы те не переживали и душу не рвали по поводу погибшего в неравной битве с землесосом большого морского светящего буйа. Как обычно говорит в таких случаях Гунар Карлович — всё будет *чики-пуки*. И все, действительно, стало *чики-пуки*!

Мы уже было намылились с якоря сниматься, дабы далее по назначению проследовать, как по радио до нас докричался капитан «Херсонеса» и попросил перейти на запасной канал радиосвязи. Перешли, конечно, же. Далее из общения маститых капитанов стало известно, что случайно, как раз сегодня, двадцать три года назад произошел знаменательный факт — рождение этого самого четвертого помощника капитана. Бывают же такие чудесные совпадения!

В итоге весь командный состав экипажа «Лота» и лоцмейстерской партии, за исключением вахтенного помощника капитана, был приглашен на банкет по поводу празднования столь знаменательной даты. В силу удаленности от ближайших торговых точек, приглашенным гостям было дозволено прибыть без подарков.

Подарок мы все-таки с собой на банкет прихватили, это была замороженная задняя ляжка одного из добытых боцманом диких колхозных оленей из закромов нашего горячо любимого кока...

Ровно в ноль часов «Лот», приняв на борт доставленных со дня рождения участников банкета, снялся с якоря и устремился навстречу просторам Карского моря. Вахтенный штурман пересчитал вернувшихся участников мероприятия по головам и сверил их количество с имеющимся в его распоряжении списком. Затем он, лично убедившись в полноценном осуществлении процесса жизнедеятельности каждым из участников сабантуя, водворил всех по каютам в целости и сохранности.

Большой светящий морской буй, несмотря на совместные приложенные многочасовые неимоверные усилия, обнаружить так и не удалось. С той самой поры у нас с «Херсонесом» имеет место быть настоящая морская дружба экипажами.

Ножи и обереги

К месту возмещения ущерба подошли в требуемые сроки, как было оговорено при расставании с колхозными оленеводами. Имущества, которое необходимо было доставить к чумам, видным в бинокль на удалении в пару–тройку километров от берега, было изрядно. Пришлось для доставки использовать вездеход.

Сначала парни закинули имеющийся провиант и жидкую заполярную валюту в кузов вездехода, затем Гунар на барже доставил вездеход с водителем на берег. Баржа была возвращена и пришвартована у борта «Лота». Сам же, как глава дипломатической миссии, Карлович вместе с боцманом отправился на разъездном катере на берег, где у вездехода ожидал водитель. Таким образом, в поездку с дипломатической миссией отправились трое: водитель вездехода, боцман и шкипер Гунар Карлович.

Все «дипломаты» - парни не крупные на вид, но обладают организмами, закаленными в достаточной степени жизнью на Енисее и прилегающих к нему необозримых таежных и тундровых просторах.

Есть в Заполярье такое существо весом в пятнадцать, от силы двадцать килограммов, высотой в холке до полуметра и в длину без хвоста порядка девяноста сантиметров. Животное, надо сказать, безумной храбрости. Это россомаха из семейства куньих.

По мнению коренных народов севера, росوماхи являются олицетворение ума, хитрости и непревзойденной осторожности, силы, выносливости и бесстрашия. Если послушать местных аборигенов — росумаха просто визирь в царстве зверей после белого медведя.

Южные родственники росوماх, именуемые медоедами, считаются самыми агрессивными и бесстрашными среди хищников, вступают без страха в схватку со львами и леопардами. Росوماхи от медоедов отличаются только тем, что среда обитания у них Заполярье, где просто нет львов и леопардов, чтобы на них можно было напасть. А потому росوماхи без зазрения совести обижают полярных волков и медведей, как бурой, так и белой масти. Они способны запросто отнять добычу и у волков, и у медведей. Крупные звери не то чтобы боятся росوماх, а просто опасаются. Задрать росумаху прибыли никакой, а вот неприятностей можно наскрести на свою хищную задницу выше головы.

Бойцы росوماхи изрядные, да и запашок они, при необходимости, генерируют своими железами такой, что он способен на некоторое время просто убить обоняние противника. А наличие здорового обоняния в мире животных, особенно хищных животных, — это залог успеха и процветания.

Это я не к тому, что наши «дипломаты» парни безбашенные, но повадки и манеры у них точно росомашьи — никого и ничего не боятся. Это я про Боцмана с Карловичем, что касается вездеходчика, у меня иной раз возникает сомнение — а есть ли у него «башня»? Парень он неплохой, но вожжа порою под хвост попадает — жить не может без *палева*.

В общем, парни двинулись в путь, и ни у кого не возникло сомнения, что они способны справиться с решением поставленной перед ними задачи. А уж если обидеть их попытается кто-то, обидчику этому не позавидуешь. Мы сделали им ручками в спину, изобразив наши наилучшие пожелания, и отправились делать свою работу, имея намерение забрать «дипломатическую миссию» ровно в том месте, где оставили, но только через двое суток.

За трудовыми подвигами двое суток промелькнули довольно быстро. Вернувшись спустя двое суток к месту и времени *рандеву*, мы парней в обозначенных координатах не застали. Пришлось отправлять к маячащим на холмах оленеводческим чумам поисковую экспедицию в лице деда Юдина и матроса из боцманской команды пешим порядком.

Экспедиция отправилась в путь в надежде, что не придется разыскивать в тундре хладные тела наших «дипломатов», павших от руки колхозных оленеводов, разгневанных недостаточно щедрым объемом возмещения понесенного оленеводами ущерба.

Спасательная экспедиция вернулась ближе к вечеру. Управлял вездеходом дед Юдин в силу своей въедливой привычки уметь все. Тела тройки - «дипломатов» и матроса из боцманской команды - тряслись в кузове вездехода, уложенные рядком, под голову у каждого во избежание получения травм черепной коробки лежали мешки с помочами. Как оказалось, мешки с помочами содержали подарки оленеводов нашим дипломатам.

Тела, к великому нашему облегчению, оказались не хладные, но вдрызг пьяные. Из всех прибывших трезвым был лишь дед Юдин. Видимо, удержался старый полярник от предложений хлебнуть спирта, разбавленного по широте мыса Кармакулы, памятуя свой пьяный промах с наездом на растяжки навигационного знака Сопкарга.

Как выяснилось позже, оленеводы уже и не чаяли дожидаться прибытия наших парней с возмещением ущерба. Надежда в них уже даже не теплилась. Она просто умерла в их душах окончательно и бесповоротно. Представляете, какая это была радость, когда вдруг с чадом и скрежетом к стоянке оленеводов подкатили на вездеходе должники с полным кузовом даров. Возмещение было принято без лишних слов и претензий.

Понятно, что погибших оленей давно списали на разбойничьи налеты полярных волков. Искать участкового инспектора милиции, гипотетически существующего где-то на просторах Таймыра, для вручения ему заявления об утрате пяти оленей никто не собирался. Да и участковый, скорее всего, накрутил бы хвосты жалобщикам за подрыв авторитета и снижение показателей раскрываемости.

На фоне столь радостных событий оленеводы, проникшись постигшим их как гром с ясного неба счастьем, тут же завалили молодого оленя и решили по поводу устроить грандиозный сабантуй. Жизнь оленевода на Крайнем Севере не так часто предоставляет радостные поводы для банкетов.

Наших представителей, естественно, никто никуда не отпустил. И покатилося оленеводческое застолье с ненецкими и русскими песнями под чарующие звуки древнего бубна, принадлежавшего когда-то прапрадедушке шамана. Длилось празднование с редкими перерывами на дремоту двое суток кряду.

Несмотря на полярную закалку парней, никто из участников грандиозного сабантуя позже так и не смог вспомнить, по какой широте разводили спирт. Я, честно говоря, слегка побаивался, что наших «дипломатов» посадят в «долговую яму» до момента полновесного возмещения задолженности. Позже Карлович мне пояснил, что мысли эти гнездились в моей голове от полного непонимания менталитета ненцев. Ничего подобного произойти не могло просто потому, что потому. Не могло такого случиться!

Подвахтенный штурман со стармехом завели баржу Карловича и, отдав швартовы, погнали ее к берегу, дабы принять на борт вездеход с «бранными телами дипломатов» и одного из спасателей. Кок исполнил ревизию привезенных мешков и баулов и изъясил все скоропортящиеся продукты, в том числе олений задок, *задаренный* от широты души оленеводами. Бригада оленеводов в купе с нашими парнями просто не осилили всего оленя в качестве закуски.

Мешки с помочами снесли в нашу с Карловичем каюту, и шкипер, придя в себя после тяжких последствий сабантуя, сам разобрался, кому и что было *задарено*. Что конкретно подарили парням, я видел только мельком, вот подарки шкипера разглядел тщательно: национальный ненецкий пояс из оленьей кожи, именуемый у ненцев «ни» - с ножом в деревянных ножнах, костяным шилом, точильным камнем, кисетом с трубкой и огнивом.

Самым замечательными деталями на поясе были закрепленные в самой середине со спины в качестве амулетов четыре клыка и по пять когтей росوماхи с каждой стороны. Судя по бронзовой застежке и желтизне клыков, пояс довольно старый и *задарен* был от души. На него даже просто смотреть было приятно. Видно было, что пояс не *фуфло* и представлял для аборигенов немалую ценность. Поразили меня также подаренные Гунару меховые трусы в форме комбинезона со штанинами ниже колена и наплечными помочами, одеваемые прямо на голое тело.

Так что, если теперь Гунар Карлович по случаю в тундре столкнется лоб в лоб с росумахами, имея при себе сей пояс с оберегами, они, вне всякого сомнения, примут шкипера за «свою в доску» росумаху мужского пола и окажут ему всяческие, положенные в таких случаях почести. Надо только сказать: *я и ты одной крови*. Если, конечно, Гунар Карлович при встрече сам наезжать на родичей по крови не додумается.

Расписку об отсутствии претензий по поводу забытых оленей Карлович, конечно, не взял. У него просто не повернулся язык произнести подобную просьбу, после того как таймырские колхозники привели его в состояние полного нестояния. Просто не хотел обижать сотрапезников с собутыльниками. Такой вот стеснительный латышский полярник.

Впрочем, я думаю, что стеснение здесь ни при чем. В начале сабантуя никто о такой возможности не подумал, а как всё завертелось, никто уже не был способен писать расписки. Вот так вот все завершилось, к вящему удовольствию всех причастных к приключению.

Настоящие матросы под дождем не мокнут

Вчера в полдень мимо «Лота» прошел Дима Арбузов на огромном пустом рудовозе, следующем курсом Воронцово — Дудинка. Дима покричал меня по радиосвязи, передал известие, что платиновая девочка Ирма из Клайпеды безуспешно пыталась разыскать меня в Игарке.

Известие несколько запоздало, поскольку Ирма уже отбыла на своём лесовозе в сторону Мурманска и далее в Нидерланды с грузом сибирской лиственницы на борту. Наверное, глянулся я таки платиновой прибалтийской девочке. Не судьба, однако, продолжить знакомство. Ну да и ладно.

Двенадцатого сентября из Игарки передали на «Лот» радио с указанием подойти на траверз навигационного знака Сопочная Карга, проверить огни маяка. А потом мне лично добежать до знака пешочком и убедиться, что на знаке все в полном порядке и местное население не *скоммуниздило* РИТЭГ с целью корыстного использования для обогрева чумов, яранг, вигвамов и обеспечения электропитанием магических потребностей местного шамана и прочих традиционных самоедских надобностей.

Полярный день уже закончился. В ноль часов подошли к навигационному знаку Сопочная Карга. У мыса Сопочная Карга моим глазам предстала лишь немногим избранным особям доступная

картина: как здесь кончается река Енисей и начинается Енисейский залив Карского моря. Вахтенный штурман «Лота» вместе с дедом Юдиным убедились, что огни знака Сопочная Карга светят как им и положено, в соответствии с указанными на карте характеристиками.

Утром Гунар Карлович на баржонке выбросил меня на берег, и я пешим порядком направился к знаку. Это вездеходом, чтобы выехать к знаку, надо кружить по удобоваримой для вездехода местности. А мне пешочком рукой подать — вот он в прямой видимости.

Добрался я до места, осмотрел все, как положено: радиоизотопный термоэлектрический генератор ровно на том месте, куда мы его и определили, провода не оборваны, световое маячное оборудование на месте и без следов мародерства.

Да и кто тут будет мародерствовать. Ненцы не будут. Им даже лопату в брошенном поселке совесть спереть не позволяет — настоящие люди, в отличие от некоторых бледнолицых. Опять же на РИТЭГе знак радиационной опасности и надпись на чистом русском языке: «Осторожно, радиация!»

Ненцы, они чистый русский язык замечательно понимают, иной раз лучше русских. И все хорошо, просто замечательно. Только на РИТЭГе, в уголке, образованном радиатором генератора, какие-то птички копошатся.

Подошел тихонечко поближе. Птички сверху рябенькие, снизу беленькие — полярные куропатки. Папа с мамой вокруг детеныша своего суетятся, подкармливают. Вот только детеныш у них вроде крупноват. Середина сентября, и пора бы ему уже самостоятельно кормиться. Хрустнуло у меня под ногой что-то. Пара взрослых куропаточек вспорхнула с гнезда на генераторе. Температура всех доступных поверхностей РИТЭГа, согласно описанию, не должна превышать плюс восемьдесят градусов по Цельсию. Видимо, поняли по весне птички, что генератор тепленький, словно печечка, вот гнездышко на нем и пристроили.

Взрослые куропатки упорхнули с перепугу и пропали, неразличимые среди ягеля и прутьиков кустов. Через минутку опомнились и ну защищать малыша. Летают птички над головой, скандалят, недовольные моим приходом, чуть не лоб в лоб со мною бодаются.

Я присел даже, чтобы в темечко клювом не получить. Подхожу под шум птичьего скандала, щупаю генератор. Температура от силы тридцать градусов. Смотрю на птенчика и глазам своим не верю, обалдеваю, попросту говоря.

Сидит в гнезде куропатка, размерами тютелька-в-тютельку, как у папы и мамы, за одним малым отличием. Нет на птенчике ни единого перышка, ни даже пуха цыплячьего. Смотрит на меня птенчик и что-то пытается звуками изобразить и даже голыми крылышками куцыми помахивает, вроде взлетать собрался.

На улице середина сентября, конец сезона — ему уже самому летать пора и самочку на будущее спаривание в южных краях присматривать. И вид у него, бедного, как у общипанной курицы в магазине «Продукты» — сиротски синий и абсолютно голый. Мои лысые коленки по сравнению с взрослым птенчиком, можно сказать, просто лохматые.

У меня глаза шире рта раскрылись. С минуту я соображал, что это за оказия такая. А потом до меня потихонечку стало доходить: трехлопастной знак радиационной опасности, надпись «Осторожно, радиация!», птенец этот голышом и ругань взрослых куропаток в воздухе. Изотопы, *мать их вдоль по тундре*. И я, подобно японскому крабу-стригуну, бочком, бочком задал стрекача подалее от генератора с его радиоактивным излучением.

Это же он, РИТЭГ, семейство куропаток по яйцам громыхнул, а выжившего птенчика своими радиоизотопами торпедировал. Потому и птенец в гнезде только один. Обычно куропатки высидывают выводок в три – четыре малыша. Похоже, остальных генератор просто убил насмерть, а этот голышка здоровьем крепче других оказался.

Осень на носу, птичкам пора южнее перебираться. Куропатки полярные хоть и остаются зимовать в тундре, однако им надо двигаться в края, где хоть чуток теплее. Не сидеть же здесь на семи ветрах у самого океана.

Когда осознал весь ужас ситуации, сразу в экстренном режиме ужом брызнул метров на триста от этого чертового прибора во избежание неприятностей. По ходу дела всё вспоминал, сидел ли я на нем или не сидел во время транспортировки на маяк.

Вроде как не сидел. Вернее, сидел, как сейчас помню, на крыше вездехода, машинист нашего полярного гусеничного коня мне в потолок стучал, дабы я ему ногами поле зрения не застил

сапожищами. А вот пока ждали, чтобы дед Юдин с бодуна оклемался, тогда уж точно спину, прислонившись к решётке, грел.

Убравшись, как мне казалось, из опасной зоны, присел, выбрав местечко, где не так мокро, и покурил как следует. Как-то жалко мне стало это семейство куропаток. Как они теперь? Так и будут кормить до морозов, пока голый птенец не заледенеет на ветру до смерти. В Игарке иной раз мороз до минус сорока семи градусов лютует, а то и до пятидесяти, да с пургой, а тут рядом с Карским морем и вовсе мороз ниже нижнего зашкаливает.

А потом за мыслями о птичках про парней задумался, да про себя мысли панические в голову полезли. Может ли с нами такая же хрень произойти? Мы хоть и недолго с генератором нянчились, не в пример куропаткам, однако кто знает, какая из этого мозаика может сложиться.

Да вдобавок еще мысль в голову торкнула: РИТЭГ на Сопочной Карге — это же только первая ласточка. А что будет через год, два, через пять, в конце концов? Не хватало еще только стать жертвами мирной бомбардировки Енисея радиоизотопными генераторами.

Когда от «Беломора» меня начало подташнивать, обполз всю округу на коленках, собрал и съел килограмм подкисшей морошки. Слышал я от кого-то, что морошка тяжелые металлы из организма выводит и вообще супротив радиации не бесполезна. Затылок почесал, не сыпется ли с него моя шевелюра, по бороде пятерней прошелся — вроде все на месте.

Вернулся я на берег часа через четыре, потому как-то мне спешить на работу расхотелось, да и подумать было о чем. На берегу Енисея минут десять размахивал своим кроличьим треухом, пока меня не узрел из ходовой рубки вахтенный рулевой.

Вскоре от «Лота» отвалила «Северянка-2» с вездеходом на борту. Это Карлович решил принять меня с берега по-адмиральски, выкинув на бережок аппарель баржи, дабы я, не замочив ног, смог заскочить прямо с берега на баржу.

Ни Карловичу, ни парням из экипажа «Лота», ни бравым своим лоцмейстерам, кои тот РИТЭГ своими задницами довольно приличное время плющили в процессе его доставки на маяк, я ничего говорить не стал. А что говорить-то? Освоили новую технику, нашли приключения на свои «места сидячие». Мирный атом в жизнь! Новость парням эта по вкусу не придется и дух боевой, однако, не поднимет. Будут затылки женам показывать, интересоваться, а не сыплются ли оттуда перья, как у знакомой мне обнаженной куропатки. А то вовсе начнут резинки на трусах оттягивать и смотреть, все ли у них там в порядке. Как бы там ни было и что бы там ни было, уже ничего не изменить. *Поздно, Лиза, пить Боржоми.*

Не стоит людям давать повод сомневаться в себе. Мнительность — вещь страшная! Из-за этой мнительности не только боевой дух, а и все, что должно подниматься, напрочь опустится, к *этакой матери*. Не собираюсь я парням ничего рассказывать.

А сомневаться в себе нам категорически противопоказано. Некогда нам этим заниматься. Настоящие матросы под дождём не мокнут, даже в отсутствие бескозырок и пулеметных лент через грудь. Пароходы по Северному морскому пути идут и идут к Енисею. А наше дело — зажигать для них путеводные звезды маяков!

Апрель 2021 г.

FIN

Примечания

Айзсарг — участник латвийской организации военного ополчения «Айзсарги», существовавшей с 1919 по 1940 г.

Аллюр три креста — 1. кубан. из речи казаков — быстрая езда на коне 2. прост. очень быстро (о скорости движения)

Байдана— кольчуга

Баталер — (от французского *batailleur*) лицо, ведающее на кораблях и базах продовольственным, вещевым и другим снабжением. Специальное унтер-офицерское воинское

звание (чин) нестроевого состава, введённое в начале XVIII века Петром I в русском флоте. В тех или иных вариациях просуществовало до 1917 года, упразднено после Октябрьской революции

Беллинсгаузен Ф. Ф. — русский мореплаватель, адмирал, совместно с Лазаревым М. П. открыл Антарктиду, первый совершил полное плавание вокруг Антарктиды на широтах от 60° до 70° ю.ш.

Боги ненцев: Нум' - творец всего живого на земле, повелитель Солнца и Неба; жена Нума Я' Миня (Я' Небя) - верховое божество, покровительница рожениц, брака, положившее начало жизни на земле; Ид' Ерв - хозяин воды; Пэдара' Ерв - хозяин леса; Ту' Ерв - хозяин огня; Яв' Ерв - хозяин моря; Нга - брат Нума, олицетворяет злое, темное начало

Безживотие — нищета, бедность, нужда (устаревшее)

Борзость — это наглость, заносчивость, наглое поведение(устаревшее)

Важенка — самка северного оленя

Валовая вместимость судна — это суммарный объем корпуса, надстроек и рубок, определенный в соответствии с положениями Международной конвенции по обмеру судов 1969 года

Гляциолог — специалист по природным льдам во всех их разновидностях на поверхности Земли, в атмосфере, гидросфере и литосфере

Дедвейт (англ. deadweight) — величина, равная сумме масс переменных грузов судна, измеряемая в тоннах, то есть сумма массы полезного груза, перевозимого судном, массы топлива, масла, технической и питьевой воды, массы пассажиров с багажом, экипажа и продовольствия

Дрифтерный лов — это лов рыбы, который осуществляют дрифтеры — промысловые суда. Судно дрейфует по течению и ветру вместе с очень длинной сетью, так называемым дрифтерным порядком, или плавающими сетями, составляя единую систему. Длина сетей может достигать 50 км. Эти сети ловят рыб, движущихся не в косяках, а разреженно

Женевер — крепкий алкогольный напиток, национальная выпивка Голландии. Слово «женевер» произошло от голландского «jeneverbes», что означает «можжевельник». Считается, что именно женевер стал прародителем английского джина — у этих напитков в основе схожая рецептура. В отличие от джина, женевер можно производить только на территории Голландии, Бельгии, двух французских провинций и в двух федеральных землях Германии

Имати — ловить (устаревшее)

КАГЭ — Комплексная арктическая гидрографическая экспедиция

Каптенармус — должностное лицо в ряде армий и флотов, ведавшее хранением и выдачей продовольствия, обмундирования и оружия (в Советской Армии с 1918 г. до 50-х гг., в царской армии с 1716 г. до 1917 г.). От французского *capitaine d'armes*

Линеметательное устройство (линемёт) — это приспособление для метания линия (груза с веревкой) с одного судна на другое судно или с судна на берег. В дальнейшем линем передается трос/канат для буксировки или швартовки. Часто используется для подачи линия терпящему бедствие судну или спасательному средству (шлюпке либо плоту)

Лоцман — (от голландского *loodsman*) должностное лицо, осуществляющее проводку судов в опасных и труднопроходимых районах, на подходах к портам и в пределах их акваторий

Карнай — медный духовой музыкальный инструмент в странах Средней Азии, Иране и Казахстане. Карнай переводится с узбекского и таджикского как най(флейта) для глухих

Кокурюкай — Общество Чёрного дракона, ультранационалистическая реакционная организация в Японии; использовалась для разведки, диверсий и пропаганды паназиатизма

Кигилях или кисилиях — высокие столпообразные естественные скальные образования, похожие на высокие монолиты, стоящие более или менее изолированно. Обычно они состоят из гранита или песчаника, образовавшихся в результате криогенного выветривания

Лаптев Харитон Прокофьевич — русский полярный исследователь, создатель карты Таймыра, капитан 1-го ранга. Первооткрыватель моря Лаптевых, названного в честь Харитона Прокофьевича и Дмитрия Яковлевича Лаптевых

Лейтенант майорского ранга — флотское офицерское звание, соответствует армейскому званию майора

Манипулярии — римская морская абордажная пехота

Наобум Лазаря — втемную, без оглядки

Наследок — потомок (устаревшее)

Ништак — что-то очень хорошее, отличное, являющееся источником приятных эмоций. Происходит из расового еврейского языка (קלשן ништак — мы успокоимся), откуда переключалось в феню и далее в бытовой язык

Ничтоже сумняшеся — церк.-славян. Ироническое, об опрометчивом, необдуманном поступке, действии, высказывании и т. п., ничуть не сомневаясь

Норгей Тенцинг — первый человек, шерпа по национальности, покоривший вершину Эвереста (Джомолунгмы)

Нюки — выделанные оленьи шкуры, сшиваются в полотнище и используются для покрытия боковых шестов в чуме (на нормальный полноценный чум нужно 40 хороших длинных жердей и около 80 оленьих шкур);

Пири Роберт — американский исследователь Арктики, путешественник. Посвятил 23 года жизни задаче достижения Северного полюса, осуществил несколько экспедиций в Гренландию и Центральную Арктику. Официально считается первым человеком, достигнувшем Северного полюса

Плато Путорана — сильно расчленённый горный массив (плато), расположенный на северо-западе Среднесибирского плоскогорья., Урванцевым Н. Н. в 1921 г официально зарегистрировано на карте название «Путорана»

Подшофе — навеселе, под хмельком, в состоянии легкого опьянения. В основу этого слова легло, по-видимому, французское причастие *chauffé* «нагретый, подогоретый алкоголем»

Посолонь — буквально: движение по солнцу; движение, совершаемое по часовой стрелке

Початый — ополовиненный, откупоренный, раскупоренный, начатый

Провидение — высшая божественная сила, направляющая судьбы людей и всего мира к благу

Разъездной катер — моторный катер для перевозки личного состава на рейде между берегом и кораблем

Рандоль — цыганское золото, бронза, в состав которой входят медь и бериллий

Роберт Фолкон Скотт — капитан королевского флота Великобритании, полярный исследователь, один из первооткрывателей Южного полюса, возглавивший две экспедиции в Антарктику. Во время второй экспедиции Скотт вместе с ещё четырьмя участниками похода достиг Южного полюса 17 января 1912 года, но обнаружил, что их на несколько недель опередила норвежская экспедиция Руаля Амундсена. Роберт Скотт и его товарищи погибли на обратном пути от холода, голода и физического истощения

Руаль Энгельбрегт Гравнинг Амундсен — норвежский полярный путешественник-исследователь и рекордсмен. Первый человек, достигший Южного полюса (14 декабря 1911 года). Первый человек (совместно с Оскаром Вистингом), побывавший на обоих географических полюсах планеты.

Симзы — основа чума, главный толстый шест стоит вертикально, и этот шест считается священным

Тамбурмажор - капельмейстер, задающий ритм духовому оркестру на марше

Тигр скал — неформальный титул Михаила Виссарионовича Хергиани, семикратного чемпиона СССР по альпинизму

Тигр снегов — звание и медаль за выдающиеся достижения в альпинизме. Учреждено в 1938 году Гималайским институтом альпинизма (Индия)

Траппер — охотник на пушного зверя в северной Америке

Туше — прикосновение борца к ковру одновременно обеими лопатками, определяющее момент его поражения в борьбе

Фановая система судна — предназначена для удаления за борт в береговые емкости или грязевые цистерны фекальных вод из гальюнов и писсуаров через бортовые захлопки как во время хода судна, так и при его стоянке

Фарватер — от английского *fairwater* — «свободная вода», судовой ход, безопасный в навигационном отношении и обозначенный на местности и/или карте проход по водному

пространству (реке, озеру, морю, проливу, фьорду, океану и др.), характеризующийся достаточными глубинами и отсутствием препятствий для судоходства

Фритюф Ведель-Ярлсберг Нансен — норвежский полярный исследователь, учёный, основатель новой науки — физической океанографии, лауреат Нобелевской премии мира за 1922 год

Хор — самец северного оленя

Челюскин Семён Иванович — русский полярный мореплаватель

Чистая вместимость судна, или нетто-регистрационная вместимость — условный измеритель, служащий для расчета величины взимаемых с судна различного рода пошлин и сборов. Получается из валовой регистрационной вместимости после вычитания из последней объема всех помещений

Шузы – ботинки

Юдоль горя. В духовном знании «юдоль» — это жизнь на земле, исполненная бедствий и страданий. Есть выражение — «юдоль земная», что тоже означает жизнь с ее заботами, печалью, слезами (юдоль плача, юдоль печали, юдоль слез). В России «юдоль» стала синонимом «участи»

Ян Иосифович Нагурский — морской лётчик Российского императорского военно-воздушного флота, гидроавиатор, первый в мире полярный лётчик. Первым совершил полёты на самолёте севернее полярного круга. Первым в мире выполнил в небе мёртвую петлю на гидросамолёте

- Контакты: info@tululu.org

Лоцмейстерские работы на реке Енисей, Игарская гидробаза.

Автор у очередного берегового знака.
Р. Енисей. 1979 год.

Работы на береговом знаке.
Р. Енисей. 1979 год.

Общение с местными жителями. Побережье р.
Енисей. 1979 год.

Субботник на Игарской гидробазе

Техники-гидрографы л/к «Седов» в Бухте Провидения.
1977 год.

Енисейский заливю 1980 год. Фото Елисеева Вл.

Лоцмейстерское судно «Лот». Игарская г/б. 1979 год. Фото из архива автора.

Выгрузка маячного оборудования с борта судна «Лот». 1980 г. Фото из архива автора.

Доставка груза на берег, л/с «Лот». 1980 г.

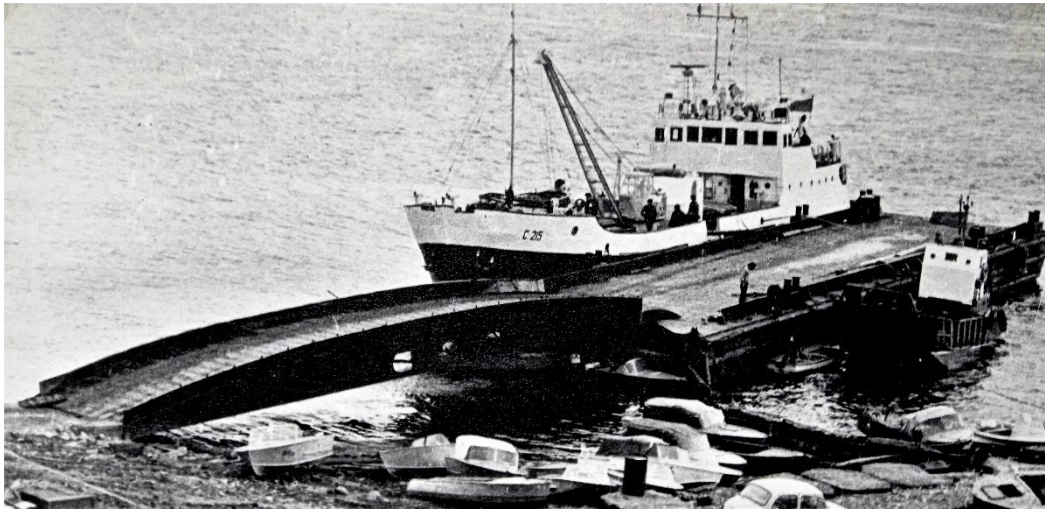
Доставка груза на берег, л/с «Лот». 1980 г.

Пешком на береговой знак. Автор. 1980 г.

В. Елисеев ведет нивелирные наблюдения. Игарская г/б. 1981 г.

Лоцмейстерское судно «С-215». Игарка, 1979 г.

Лоцместерская бригада. 1979 год.

Вырубка бுவ. Енисей, Октябрь 1979 года.

Члены игарского клуба каратэ. 1981 год.

Г/с «Николай Евгенов». 1979 год.